

**Лариса Михайлова Кейт Вильгельм Линда Нагата
Кристин Кэтрин Раш Чарльз де Линт Джойс К.
Дженсен Э. М. Голдман Джанет Дюбуа Ольга
Воздвиженская Евгений Харитонов Ольга Спицына**

Сверхновая американская фантастика, 1994 № 03

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 003

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/437193>

««Сверхновая американская фантастика» №3, сентябрь 1994»:

Издательство «Ладомир»; Москва; 1994

ISBN ISSN 1029-2675

СВЕРХ / **НОВАЯ** **американская фантастика**

Fantasy & Science Fiction
сентябрь 94

Дорогие друзья!

Вы получили первые номера «Сверхновой», к сожалению, не в срок — слишком долговременным и трудоемким оказался этап нашего становления. По-видимому, нам не удалось избежать и некоторых ошибок, связанных с подготовкой журнала.

Мы приложим все усилия для улучшения «Сверхновой» от номера к номеру и надеемся, что чтение опубликованных материалов доставит удовольствие всем нашим читателям.

Редакция

Колонка редактора

Лариса Михайлова
Хьюга Уэллс

Никакой опечатки. Именно так звали писательницу-фантаста в пародийных «Привилегированных нахлебниках» (1967) Филипа Ж. Фармера. Точнее, Хьюга Уэллс Эрб Хайнстербери. Думаю, любители фантастики без труда различат здесь имена шести известных мэтров. Значит ли это, что писательницам на фантастическом поприще заведомо уготован путь копиистов?

Если еще лет десять назад могло показаться, что фантастика — дело по преимуществу «настоящих мужчин», то к началу 90-х годов нашего многострадального столетия подобная аберрация восприятия ничем, кроме неведения, уже не объяснима. С ростом неофеминизма в Америке и Европе женское присутствие в фантастике делается настолько заметным, что критики начинают поговаривать чуть ли не о перерождении НФ.

Действительно, если просмотреть списки призеров «Небьюла»,

«Хьюго», премий Кемпбелла, Филипа Дика, Типтри-младшего, Кроуфорда и других крупных премий в области НФ и фэнтези за последние пять-шесть лет, они преимущественно состоят из женских имен.

Нашим читателям удалось пока познакомиться лишь с творчеством Эндрю Нортон, Ли Брэкет, Мэри Стюарт, отчасти Урсулы Ле Гуин, Энн Маккефри, Кэролайн Черри... Все еще пальцев хватает, чтобы счесть. Можно только пожелать издателям продолжать их благородный труд. Хотелось бы при этом, правда, уделить больше внимания одной особенности женского творчества, что как-то не находит адекватного выражения в переводах, отчего я и употребила слово «отчасти» по отношению к знакомству русского читателя с книгами Урсулы Ле Гуин, довольно уже многочисленными. Я имею в виду особую роль многозначности ключевых слов-образов. Сложно передать их игру, не спорю, но в противном случае теряется то дополнительное качество, что делает произведения «фантасток» столь привлекательными по-английски, венчает их усилия множеством премий.

Кропотливая работа по обновлению ассоциативных связей, утраченных при расхожем употреблении слов, скрыта от взгляда, что следит лишь за интригой, но истинным переводом на русский язык станет только то сотворчество-переложение, что выявит ускользающие связи. Поэтому настоящее знакомство с писательницами-фантастами, будем надеяться, еще впереди.

Отличает феминисток в фантастике активная героиня, острый конфликт в душе которой подчас не дает ей принять быстро нужное решение, не поступаясь собой или счастьем тех, кто дорог ей. Но может быть, и не нужно спешить принимать «трудное решение»?

В третьем номере «Сверхновой» мы познакомим вас с Линдой Нагатой и Джудит Дюбуа, чьи героини как раз мучимы такой «двойной ответственностью». А героини Голдман, Раш и Дженсен подвижны жгучим желанием устоять перед давлением извне, их стремление проявить себя в любви и творчестве внушает уважение и сочувствие. Метерлинка, одного из наиболее «феминистских» драматургов XX века, напоминает по стилю неоромантический колорит «Мостов» Чарлза де Линта, с Ньюфордом которого вы уже познакомились в «Бумажном Деде».

Именуя и переименовая все сущее, авторы этого номера дали нам повод поместить эссе Ольги Воздвиженской о таинстве взаимосвязи имен богинь из пантеонов народов мира в рубрике «Опус №...» И, конечно, повесть замечательной писательницы Кейт Вильхельм, которая пока известна у нас лишь как автор давнего, но крепко врезавшегося в память «Клона» (в соавторстве с Томасом), «Планирующих» в «Фата-Моргане» и нескольких рассказов. А фигура это вполне сопоставимая по силе таланта с Урсулой Ле Гуин. Передаю слово для вступления переводчице повести Вильхельм «Цветам давая имена» Ольге Фединой.

Проза

Кейт Вильхельм

В научно-фантастических произведениях героям часто приходится адаптироваться к новой реальности. Обычно проблема адаптации встает

перед людьми, попадающими в другие миры, сталкивающимися с неземными цивилизациями, временно живущими среди необыкновенных существ.

В повести Кейт Вильхельм, наоборот, феноменальное существо должно адаптироваться к земной, такой обычной и будничной для всех землян реальности. Эта девочка — существо, брошенное в мир, где все держится на взаимных связях, течет по прокопанным каналам, — словно бы человек «в чистом виде». Вспомним, что при рождении человек попадает в определенную «ячейку» — за его спиной стоят его родители, семейные предания, дом, люди любимые, люди, которых он терпеть не может. Первые слова младенца — «мама» и «папа», а вскоре после он узнает свое имя. Под этим именем ему уготовано место в мире.

А девочка в повести Кейт Вильхельм попадает в наш мир как бы «пришельцем», вне этих ячеек, вне связей — никто ничему не учит ее, никто до поры до времени о ней не заботится. Она сама сознательно должна открыть для себя то, что дети обычно усваивают «мимоходом»: имена людей, цветов и остальных живых существ и предметов.

Биологическая аномалия, вообще-то, одна из излюбленных тем научной фантастики. До последнего времени, однако, писатели не давали этим необычным существам — творениям собственной фантазии — шанса выжить в реальной действительности. Кейт Вильхельм, напротив, выпускает в мир феноменальную девочку, которая прекрасно приспосабливается к окружающей среде и способна выжить, даже преследуемая целой силовой структурой — ФБР. Ее потомки имеют реальную возможность выжить на этой Земле — и кто знает, возможно, они и будут представлять собой человечество в будущем, а нынешние люди как биологический вид исчезнут, словно динозавры.

Возможно, Кейт Вильхельм так уверенно дает место в мире новому необыкновенному существу, потому что ей и самой приходилось чувствовать себя в какой-то мере «пришельцем»?

Родившись в 1928 году, она, подобно своей героине, долгое время не знала, как ее зовут. В метрике ее записали как Кэти Гертруд, фамилия родителей — Мередит. В семье, где она была четвертой из шестерых детей, ее называли всевозможными уменьшительными именами от Трудди до Кейт. К тому времени, как она окончила школу, все уже забыли, какое имя было дано ей при рождении, и на работу оператором на телефонной станции она устроилась как Кэтрин Мередит.

Однажды ее вызвали к начальнице, пишет она в автобиографии, и будущая известная писательница, которой работа давалась с трудом, пришла в полной уверенности, что ее хотят уволить.

— Как вас зовут? — спросила начальница.

— Кэтрин Мередит, — ответила девушка, подумав, хоть на этот вопрос я могу дать определенный ответ.

— Ничего подобного, — возразила та. И пояснила, что по документам ее официальное имя — Кейт.

Кейт вышла замуж и взяла фамилию мужа — Вильхельм, родила двух сыновей, успела прославиться как писательница, когда, опять-таки при какой-то проверке документов, обнаружилось, что в метрике она значится как Кэти. Впрочем, имя Кейт Вильхельм было уже слишком известно, чтобы его менять.

Славу писательнице принесли ее научно-фантастические произведения. Она опубликовала 12 романов, 2 книги новелл и 4

сборника рассказов. В 1968 году за роман «The Planners» американское Общество авторов научной фантастики наградило ее престижной премией «Небьюла».

Возможно, ее необычное восприятие мира в детстве помогало ей создавать в произведениях фантастическую реальность. В автобиографии она вспоминает случай, произошедший с ней, когда, будучи еще маленьким ребенком, она говорила с очень плохой дикцией и никто не мог понять ее речь.

«Было одно происшествие в эти „немые годы“, когда я до смерти перепугалась. Моя мать всегда брала кого-нибудь из нас с собой в библиотеку. В тот день была моя очередь».

Мать оставила ее в специальной детской комнате, где та посидела и почитала немного, а потом решила искать маму.

«Я нигде не могла ее найти и наконец решила, что она, должно быть, забыв обо мне, уже отправилась к дому. Я покинула библиотеку, также намереваясь добраться до дома, но прошла через другой выход. Оказаться на улице было все равно что проснуться в чужой стране: я никогда не видела раньше этих зданий, не узнавала дорожных указателей, — нигде ни одного знакомого предмета. Я-то намеревалась идти к своей Восточной Семьдесят Второй улице вдоль трамвайной линии. Возможно, мне бы удалось добраться домой, если бы я вышла через ту же дверь, через которую мы обычно выходили. А так я, побродив немного, потерялась и заплакала. Меня подобрал полицейский, привел в участок, там меня усадили за руль мотоцикла, потом на лошадь. Меня угостили мороженым и всячески успокаивали, пытаясь узнать имя и адрес. Я назвала им и то и другое много раз, но они все равно не могли разобрать моей речи».

В конце концов, конечно же, Кейт вернули родителям.

Возможно, именно это происшествие, которое так врезалось в ее память, позволяю Кейт через много лет создать образ всем чужой, потерянной девочки в повести «Цветам давая имена».

И еще одно воспоминание роднит писательницу с ее героиней. Говоря о воспоминаниях своего детства, о познании окружающего, Вильхельм пишет: «Мир запечатлевался в моем сознании как бы моментальными снимками, несвязными фотографиями, где фигурировали люди и предметы. Вещи, которые я узнавала, не имели названия, их нельзя было описать словами; многие из них до сих пор в моей памяти».

Кейт Вильхельм написала свои первые художественные произведения уже в зрелых годах. «Когда я начала писать в возрасте 28 лет, — вспоминает она, — это было как возвращение домой, как будто всю свою жизнь я блуждала, немая, и только теперь нашла дорогу и поняла, что я могу говорить».

Философия пере-открытия, пере-познания мира в повести Кейт Вильхельм перекликается с теорией научной фантастики Урсулы Ле Гуин, так называемой «теорией хозяйственной сумки». Кто первый стал придумывать захватывающие истории, спрашивает Ле Гуин, и предполагает: охотники на мамонтов. Древние люди собирали овес, плоды, корни и улиток. Среди них были и редкие смельчаки, которые занимались охотой на огромных животных. Возвращаясь с удачной охоты, они обеспечивали все племя на долгое время мясом — но не только. Они приносили историю.

Что интересного можно рассказать о каждодневном сборе овса? Ни конфликта, ни сознания опасности. То ли дело — борьба с животным-

великаном! Так начался мужской рассказ, и он изменялся вместе с человеком в процессе эволюции, но всегда оставался историей убийства, считает Ле Гуин. Однако вовсе не орудия убийства, по мнению Ле Гуин, были первыми изобретениями человека. Самым необходимым в хозяйстве предметом была сумка, корзина контейнер — что-то, во что можно складывать плоды и овес, в чем их можно хранить дома.

Но мужская история убийств повторяется снова и снова в художественных произведениях. «Ну что ж, продолжайте, говорю я, направляясь прочь к зарослям дикорастущего овса, с У-У на спине, а рядом маленький Ум несет корзину», пишет Урсула Ле Гуин. «Давайте, рассказывайте, как мамонт упал на Буба, и как бомба упала на Нагасаки, и как деревню обливали напалмом, и как реактивные снаряды будут сброшены на Империю Зла».

И пока мужчина рассказывает эти истории, женщина собирает овес и складывает то, «что нужно и полезно, съедобно или красиво, в сумку, в корзину, завертывает в кору или лист».

Форма мешка, хозяйственной сумки, хранилища — это естественная, идеальная форма для романа, считает Ле Гуин. «В книге заключены слова, — пишет она. — Слова обозначают какие-то вещи. В них заключен смысл».

«Под научной фантастикой правильно было бы понимать способ описать то, что происходит, что делают люди, что чувствуют, как взаимоотносятся с остальным содержанием этого обширного мешка, этой утробы Вселенной; чрева, из которого все и появляется на свет и где покоится прах прошедшего; в этой нескончаемой истории».

Кейт Вильхельм Цветам давая имена¹

В конце сентября я сказал своей команде из издательской компании «Феникс»: все, с меня довольно, ухожу, не ждите от меня больше известий и не нанимайте сыщиков меня разыскивать. Это бесполезно Грэйси Бланчард, моя секретарша, рассмеялась: «Ну-ка, ну-ка, Уин, что дальше?»

Потом она спросила, сколько фотоаппаратов я собираюсь взять с собой, отправляясь в отпуск, а Фил Делапорт, генеральный менеджер, заявил, что уже давно тренируется в подделывании моей подписи, чтобы ставить ее на всем входящем и исходящем.

Но если я направляюсь на север, добавил он, он может набросать для меня список людей, с которыми мне следовало бы встретиться и обсудить некоторые вещи. Ну, я ему, конечно, посоветовал сделать кое-что с этим списком.

Мы как раз закончили работу над большим каталогом, рождественские каталоги были готовы уже давно, брошюры для фармацевтов вышли даже несколько раньше, чем было намечено, и я устал.

Мне все надоело. Когда-то, семь лет назад, когда я только-только создал «Феникс», это было потрясающе занимательно, но время шло, и работа превратилась в рутину: головная боль — «как бы уснуть вовремя»,

¹ © Kate Wilhelm. Naming the Flowers. F&SF, February 1993. Перевод О. Фединой и Л. Михайловой.

испорченное оборудование, заказы на бумагу, которые не выполнялись, нечеткие фотографии... Обычная хреновина, говорили мне те же самые люди, которые семь лет назад убеждали меня, что нигде, кроме Атланты, мне издательства не открыть, Нью-Йорк и так кишит талантами.

У меня не было никакого плана, никакого определенного маршрута, я просто-напросто хотел побывать в Новой Англии, пока леса еще стоят в великолепии осеннего убора.

Я могу заявиться обратно в любой момент, сказал я Грэйси, так что не потеряйте клиентуры за время моего отсутствия.

Я отправился в путь на своем «тендерберде» — моей «Птичке», которая служила мне уже двенадцать лет, — прихватив с собой чемодан, кое-какое снаряжение для путешествия, полдюжины книг и четыре фотокамеры. О последнем я не стал говорить Грэйси, как-то неохота было видеть ее понимающую улыбку. Грэйси очень даже неглупая, и ей двадцать пять. До чего же она молода, подумал я как-то, и эта мысль меня просто поразила, мне-то было уже тридцать восемь.

Я поехал вдоль голубых хребтов Аппалачей и пару дней пытался снимать, но было слишком рано. Сезон еще не начался, деревья будут выглядеть эффектнее на обратном пути.

Я свернул в сторону океана, чтобы заехать в Атлантик-Сити. Мне не удавалось навестить это место уже много лет, но на этот раз я был настроен решительно.

Было любопытно взглянуть, насколько изменился город, но я сделал ошибку, приехав в воскресенье, а когда собрался уезжать, таких желающих оказался еще миллион.

Раз так, я взял комнату в отеле и отправился гулять по пляжу, где тысячи детишек играли, наслаждаясь теплом бабьего лета. Одна малышка направилась ко мне. Я взглянул на нее и стал озабоченно озираться в поисках папы, мамы, кого-нибудь.

— Мне хочется мороженого, — сказала девочка. Мороженщик с лотком как раз стоял неподалеку, и мы подошли к нему.

— А где твоя мама? — спросил я, выуживая доллар. Она пожала плечами и махнула рукой в сторону казино. Я купил ей эскимо, и она прошла со мной несколько метров, а потом улыбнулась и умчалась куда-то. Я зашагал быстрее. Дядям не принято покупать мороженое всяким чужим незнакомым девчонкам, думал я, по крайней мере если они не хотят влипнуть в историю. Потом я обратил внимание на один из мостов и заметил, что в лучах восходящего солнца он мог бы здорово получиться на снимке.

На следующее утро я вернулся с моей старой «лейкой» и забрался на дамбу, ожидая восхода. Та же самая маленькая девочка вдруг появилась откуда-то и протянула ко мне руки, чтобы я помог и ей влезть.

— Солнышко, — сказал я, когда она устроилась рядом. — Тебя что, мама не учила не заговаривать с чужими дядями?

Она засмеялась. Утро было прохладное, даже слишком прохладное для ее тонкого свитера, который был так велик, что просто висел на ней. Девочка была достаточно большая, чтобы не доверять вот так вот каждому встречному.

Я окинул взглядом пляж — где же эта сумасшедшая мамаша? — и увидел только парочку играющих детей, каких-то зевак и спортсмена, делающего пробежку. Я поднялся.

— Мне пора идти, — сказал я.

Она протянула руки, чтобы я помог ей спуститься, и я взял ее на руки и поставил на песок.

Надо бы отвести ее в полицию, подумал я, это же потерявшийся ребенок.

Но тут, к моему облегчению, появилась группа женщин, которые направлялись в нашу сторону, и моя девочка побежала к ним. Идея снять мост при восходе погибла безвозвратно: нужное освещение уже пропало.

Я уехал и провел всю вторую половину дня, шатаясь по Геттисбергу.

Позже я колесил по окрестностям, держа курс на север, слушая фуги Баха, потом Сибелиуса: радио я включать не стал. В мотелях я читал Фуэнтеса, Гарсия Маркеса, Дона Делилло или биографию Манна и не включал телевизор.

В среду вечером возле Миддлтауна, штат Нью-Йорк, пообедав и подходя к мотелю, я увидел человека, который дожидался меня, прислонившись к своему черному «форду». Он выпрямился, когда я приблизился.

— Мистер Ситон? Уинстон Ситон?

Не грабитель, подумал я. Они обычно не окликают своих жертв, прежде чем обогнать их. Я кивнул.

— Можно вас на несколько слов? Я — Джереми Керш, из ФБР.

Он одним движением распахнул свое удостоверение, и я подумал: интересно, кто у кого позаимствовал этот жест: актеры ли, играющие в шпионских телевизионных сериалах, у настоящих агентов или наоборот. Я пожал плечами, открыл дверь, и он проследовал за мной.

У него было круглое лицо с мягкими чертами, слишком розовое и чересчур гладкое — кажется, оно вообще не нуждалось в бритве.

Вдобавок он обладал тем типом сложения, когда центр тяжести находится ниже талии; но я заподозрил, что он наверняка не так мягок, как кажется.

Я указал ему на кресло, а сам прошел к низкому столику, где у меня хранились кубики льда и бутылка бурбона. Мне нужно было пройти мимо него, и он подобрал ноги, чтобы пропустить меня.

Я остановился в одном из тех мотелей, где в номере можно найти два кресла, малюсенький круглый столик с висячей лампой, о которую постоянно ударяешься головой, кровать королевского размера и туалетный столик с большим зеркалом.

— Что я могу для вас сделать, мистер Керш? — спросил я, доставая стаканы из полиэтиленовой обертки.

— Выпьете? — Я показал глазами на бутылку в надежде, что он откажется, так как за шесть дней я выпил уже почти все, жидкость осталась только на дне.

Он действительно отказался, и я налил себе бурбона, добавил кубики льда и пробрался мимо него, чтобы сесть на край кровати.

Керш сидел, расставив ноги, опершись руками о колени и наклонившись вперед. Видно было, что он чувствует себя не в своей тарелке.

— Вы, наверное, знаете об этой истории с крушением самолета «Милликен Лирджет», — начал он.

Я отрицательно покачал головой, и на мгновение он как будто смутился, словно поняв, что его заранее заготовленная речь в таком случае не годится и ему придется импровизировать.

— Но вы, наверное, знаете, кто такой Джо Милликен? — спросил он.

Каждый ребенок слышал о Синей Бороде, Аленьком Цветочке, Робин Гуде, Синей птице и о миллионах Милликена... Я кивнул.

— О'кей, мистер Ситон. Как только вы откроете любой журнал, газету или включите телевизор, вы узнаете множество версий этой истории. Я вам предлагаю нашу. Два года назад дочь Милликена исчезла вместе со своим ребенком, и Милликен заявил, что они были похищены. Он и включил нас в это дело. Мы до сих пор их не отыскивали, так что дело это для нас все еще открыто, как небо Монтаны.

Я прервал его жестом руки, так как некоторые воспоминания, касающиеся этого события, стали всплывать в моей памяти.

— Я читал, что мать забрала ребенка и сама ушла из дому.

— Вы много чего могли читать, — сказал Керш, пожав плечами. — Но он, старик-миллионер, утверждает, что они похищены. Не было никакого письма с требованием выкупа, ничего. Тем не менее дело у нас заведено и все еще не закрыто. Окончательно все запуталось из-за того, что, когда мать с ребенком исчезли, пропали все записи в больнице, отпечатки пальцев ребенка, анализы крови — все. О'кей, две недели назад мистеру Милликену позвонила какая-то женщина и сказала, что его внучка у нее и что она отправила ему по почте фотографию девочки, которая вот-вот должна прийти. Она сказала, что еще перезвонит, и повесила трубку. Милликен позвонил в наш офис в Хьюстоне, и наши люди приехали как раз тогда, когда он получил фотографию — снимок кареглазого светловолосого ребенка, сделанный «поляроидом». Таких детей миллионы. Но точно такой же была и дочь Милликена в этом возрасте. Он сказал, что это она, его внучка. Никаких дискуссий.

Керш вздохнул, он выглядел уставшим, словно последние две недели ему пришлось тяжело.

— Вкратце так обстоит дело, — произнес он. — Милликен и та женщина договорились о цене. Она, и никто другой, должна была привезти ему ребенка в Хьюстон, и он отозвал нас, вот так-то. Было запланировано, что ребенка ему доставят на одном из его самолетов «Лирджет». Пилот сказал, что электропитание барахлит, но он и слышать ничего не желал. Хотел, чтобы ребенок немедленно был доставлен на самолете. Так что неделю назад в Филадельфии мы просто стояли и наблюдали, как мужчина и женщина ведут маленькую девочку на борт самолета Милликена. У нас тоже были самолеты, и мы собирались следовать за ними по пятам до самого приземления. Но через полчаса после того, как самолет с девочкой вылетел из Филадельфии, в эфире прорезался голос пилота: система электропитания не в порядке, — и потом настала тишина. Самолет стал падать.

Керш покинул свое кресло, он был охвачен беспокойством и, казалось, ему не хватает в этой комнате места, чтобы ходить взад-вперед. Я подумал, что он, наверное, хочет выпить, но предлагать больше не стал. Он заглянул в ванную, вернулся и встал возле кровати, засунув руки глубоко в карманы.

— Мы нашли тела трех женщин и трех мужчин: двух стюардесс, той женщины, что везла ребенка, ее приятеля, пилота, помощника пилота. Но никакого ребенка, — добавил он хмуро. — Наши люди были там через несколько минут, весь район оцепили в течение получаса, но ребенка не нашли.

Его взгляд, который до этого был неопределенным, теперь сосредоточился на мне.

— И вы не видели этого в передаче новостей, не читали об этом?

Я покачал головой.

— Что вы от меня-то хотите мистер Керш? — спросил я терпеливо. — Ничего не скажешь, это интересная история, и я о ней обязательно прочитаю в газетах как-нибудь на днях. Но почему вы здесь?

— Мы хотим просить вас о помощи, — сказал он. Если раньше его поза не выражала ничего, кроме усталости, то теперь он весь подобрался и хотя не выглядел угрожающе, но от его мягкости не осталось и следа.

Интересно, подумал я, а другие агенты ждут сейчас в машине на стоянке? Но тут же посмеялся над собой за этот раздутый детективный сценарий — придет же такое в голову! Я потягивал бурбон и ждал.

— Мы думаем, что вы по крайней мере дважды разговаривали с девочкой в Атлантик-Сити, — сказал Керш. — Мы хотим, чтобы вы вернулись и немного поболтали там по городу. Посмотрим — может быть, она снова подойдет к вам.

Теперь уже я вскочил на ноги, но так как он занимал единственный свободный пятачок в комнате, я снова сел.

— Вы что, издеваетесь? — произнес я после паузы. — Если вы знаете, что она там, так возьмите ее, проведите опознание и покончите с этим делом.

И тут я вспомнил ту маленькую девочку, которая выпрашивала мороженое, и это воспоминание только разозлило меня:

— Так вы следили за мной? Почему, черт возьми?

— Только с понедельника, — ответил он устало, вовсе не пытаясь меня успокоить, а всего лишь объясняя. — В воскресенье местный полицейский сообщил, что он, кажется, видел ребенка, которого мы ищем. Мы, естественно, сообщили полиции ее приметы. В общем, он видел девочку и подумал, что это может быть, та самая, но она сказала ему, что ждет папу, и потом подбежала к вам, и вы купили ей мороженое. Полицейский обо всем забыл, тем более что на следующее утро снова увидел вас с девочкой вместе на дамбе и понял, что может теперь выкинуть свои подозрения из головы.

Но после этого он видел, что вы уезжаете из города один — заметная у вас, однако, машина, — и на этот раз ему это все показалось настолько подозрительным, что он последовал за вами. Мы проверили номер лицензии и приехали сюда. Насколько мы знаем, вы позволили ребенку снова скрыться, так что...

Я смотрел на него в недоумении.

— Я не понимаю, Керш. Вы знаете, где она, — так идите и берите. Хотя девочка, которую видел я, не та, кого вы ищете. Она слишком большая, года четыре, наверное — что-то вроде этого. Вы-то вроде ищете двухлетнюю?

Керш взглянул на меня еще более угрюмо, чем до этого.

— У меня диктофон в машине. Вы не могли бы зачитать небольшое заявление: как вы увидели ребенка, что на ней было надето, что она говорила. Сделаете?

— Конечно, — ответил я. — Но, Керш, это другой ребенок.

Он направился к двери.

— Тогда вам же лучше — это дело не будет вас касаться, ведь так? Сейчас вернусь.

Был уже одиннадцатый час, я устал и хотел спать. Я ложился в десять и вставал, когда еще не было шести каждый день с начала моего

путешествия. Я зевнул, но история Милликена не выходила у меня из головы — я вспоминал некоторые подробности. Сюжет в стиле мыльной оперы. Грубый папаша. Несчастливая дочка богача, которая вышла за неровню — игрока в теннис, жокея, носильщика газонов или кого-то в этом роде. В общем, кто бы он ни был, он не дожил до рождения своего ребенка. Смерть в результате несчастного случая. Более точно я припомнить не мог. Потом, когда младенцу было несколько недель от роду, дочка Милликена исчезла вместе с ним, и, насколько мне было известно, никто их с тех пор не видел.

Таким образом, теперь внучке миллионера должно было быть около двух лет. Награда нашедшему ее выросла до миллиона, припомнил я и попытался как-то совместить образ встреченной мною девчушки с моим представлением о двухлетней малышке. Ничего не вышло. Не тот ребенок. Я снова зевнул.

Керш вернулся с диктофоном космического века, черным с серебром.

— Мы хотели бы, мистер Ситон, чтобы вы прежде всего назвали себя, потом дату, когда вы видели эту девочку и рассказали об этой встрече своими словами.

— Дату вы знаете лучше меня.

— Возможно, но мы хотим иметь запись. Готовы?

Это не заняло много времени — в конце концов, я ведь мало что мог рассказать. Когда я закончил, Керш спросил:

— Так что же, мистер Ситон, вы поможете нам разыскать этого ребенка?

— Нет, — я отказался наотрез. — У меня отпуск. Я не вижу, чем могу быть вам полезен.

— Она вам доверяет, — подчеркнул он. — Она приблизилась к вам Два раза без страха. Мы думаем, она подойдет к вам и в третий раз.

После таких речей я уже просто уставился на него в недоумении. Керш сидел молча несколько минут, потом сказал задумчиво:

— Я вот все думаю, мистер Ситон, что вам нужно?

— А вы не хотите выключить эту штуку?

Он что-то сделал со своим диктофоном, возможно, даже выключил его, но мне это было не особенно интересно. Я наблюдал за ним.

— Мы знаем, что каждому человеку что-то нужно, — продолжал он все еще в раздумье. — Мы нуждаемся в вашей помощи, конечно. А вам-то что нужно? Можем мы воззвать к вашему благородству? Чувству справедливости? Предложить вам сумму, равную вашему годовому доходу без вычета налогов? Или еще более выгодную сделку?

— Мне нужно, чтобы вы отсюда убрались и я мог лечь спать.

Так как он не пошевелился, я поднялся, поставил стакан на столик у кровати и начал расстегивать рубашку.

— Послушайте меня, Керш. Ребенок, которого я встретил — это, я повторяю вам, не внучка Милликена. Она слишком большая. Абсолютно непохоже, чтобы она была похищена. Я вам уже рассказал о ней все, что мог, и я не хочу ввязываться ни в какие авантюры. А теперь я ложусь спать, а вы можете сидеть здесь хоть всю ночь — мне наплевать.

Он поднялся, слегка улыбаясь. Эта улыбка омолодила его лет на десять, теперь он был похож на учителя в младших группах колледжа, довольного своими учениками, довольного жизнью.

Он прошел к двери и тут сказал:

— Я вот все думаю: почему ты, когда застал Стива Фалько со своей

женой, не выколотил из него все дерьмо? Видно, когда я буду знать ответ на этот вопрос, тогда я буду знать, как добиться вашего содействия, мистер Ситон. Спокойной ночи.

Когда я сам узнаю ответ на этот вопрос, у меня будет ключ к загадкам Вселенной, подумал я. Я налил себе еще один бокал и сел в кресло, которое освободил Керш. Оно было еще теплым.

Двенадцать лет назад мой дед умер и оставил мне небольшое состояние и свой дом в Атланте. Я переехал в Нью-Йорк, женился на фотомодели по имени Сьюзен Лоренца, начал со Стивом Фалько совместный бизнес в области фотографии и графики и купил «тендерберд». Полоса удач — три подряд попадания в десяточку.

Три года спустя Сьюзен и Стив обчистили меня и отправились на Запад. Но у меня по-прежнему оставался дом в Атланте — они-то не знали, что дом этот очень даже приличный, — и у меня был мой «тендерберд». Я напился и не просыхал долго, года два, а потом отправился разыскивать их и в конце концов нашел в Лос-Анджелесе.

Сьюзен была по-прежнему красива, причем с новым голливудским блеском и к тому же с новыми грудями. Ее желтый свитер очаровательно выставлял их напоказ.

— Пришлось это сделать, — сказала она. — Мне нужно было попытаться добиться чего-то самой.

Ее голос тоже звучал по-другому: на уроках по постановке речи она научилась заставлять его вибрировать.

Детектив, которого я нанял, донес мне, что она снимается в порнофильмах; я ему сначала не поверил. Теперь-то уже верилось. Стив Фалько остался абсолютно таким же, как был, ниже меня на полголовы, черные волосы, темные неугомонные глаза.

Он и раньше почти все время кусал ногти, как я помнил, и в этот день тоже.

— Мы тебе возместим потери, старик, — говорил он. — Мы уже давно хотели это сделать, только все не было возможности.

Они жили в маленьком, задрипанном, оштукатуренном домике со штампованной пластмассовой мебелью, а во время нашего разговора жались в углу возле софы. Когда я сделал шаг по направлению к ним, Сьюзен закричала: «Не бей его! Уинни, пожалуйста! Я все объясню!»

Тут вмешался Стив:

— В ней же пропадает звезда. Да я из нее сделаю величайшую...

Два года я жил словно бы с раскаленными углями в душе, и тут вдруг, глядя на новый бюст Сьюзен, я почувствовал, как все потухает и остается только пустота.

Я повернулся и ушел, сел в свою «Птичку» и поехал в Атланту, где сдал дом и на вырученные деньги открыл издательскую компанию «Феникс».

Так что я не знаю, почему я не вышиб тогда из Фалько дух. Наверное, все дело было в этой самой мебели, подумал я, с сожалением выцеживая остатки бурбона из бутылки. Пластмассовая мебель, искусственные груди. Что-то в этом было, что мне помешало, хотя я до сих пор не мог понять что.

Я вспомнил тот день, когда позвонил в Атланту арендаторам и спросил разрешения осмотреть дом. Я не был в нем уже пятнадцать лет. Он содержался в прекрасном состоянии, некрашенные деревянные панели

сверкали, дубовый паркет блестел, а мебель была просто великолепной. Перед крыльцом цвели камелии и азалии, и солнечный цвет лился в просторные комнаты, словно исцеляющий бальзам.

Некоторое время мне пришлось, стоя в обширном холле, убеждать жильцов, что я не собирался силой их выселять до срока, и мне было ужасно неудобно перед ними. Когда два года спустя жильцы уехали, я поселился в доме.

Я выключил свет в номере и сел на кровать, прислонившись к стене. Заснуть я бы не смог, но не хотелось, чтобы Керш знал, что его визит отогнал от меня всякий сон. Он попытался разворошить угли в моей душе, напомнив о давно умершем, от чего и пепла не осталось, ни искорки, только пустота, и все его старания меня уколоть были обречены, с тем же успехом он мог лупить палкой по пустоте.

Но ведь он попытался! Вот что меня поразило. Он попробовал меня зацепить. И я не знал, зачем ему это было нужно.

Какие воспоминания он пытался пробудить во мне? Гнев, разочарование, желание кары, возмездия, чувство, что меня предали, которое перекрывало все остальные? Или все это вместе? А может быть, хотел пробудить любопытство? В полумраке я состроил гримасу. Вот это ему удалось. Я даже представить себе не мог, сколько рабочих часов, сколько долларов ушло на это расследование моей биографии, которое они провели буквально за пару дней. Но зачем?

Я уселся поудобнее в кровати и вытянул ноги. Если они действительно ищут ребенка Милликена, подумал я, то они идут по ложному пути и Керш должен это понимать. Просто-напросто ребенок, с которым я разговаривал, был слишком большим. Я, конечно, мало что понимал в детях, но знал, что двухлетки — это все-таки почти младенцы, разве что не в пеленках, и ведут себя соответственно, а та девчонка, которой я купил мороженое, была уже маленьким человечком, личностью. Она не отличалась ни особой красотой, ни умом, насколько мне помнилось, но я на самом деле не так уж хорошо ее запомнил. Обыкновенная девчушка с карими глазами и светлыми волосами, взъерошенными легким ветерком с океана.

Но что, если фэбээровцы просто использовали историю с внучкой Милликена как прикрытие, чтобы добраться до другого ребенка? Дремота снова отлетела от меня. Я медленно покачал головой.

Не верилось. Что могло быть более важным, чем миллионы Милликена, его влиятельные друзья и его власть?

Я выехал из мотеля пораньше, и когда припарковался на стоянке возле ресторана, за полмили от мотеля, рядом со мной встал черный «форд».

— Не машина у вас, а куколка, — сказал Керш влюбленно. Он провел рукой по серебряному капоту. Машина была грязная, но порода в ней чувствовалась, несмотря ни на что.

— Кто ваш начальник, Керш? — спросил я по дороге к ресторану. Он ответил, я зашел в телефонную будку и набрал номер справочной, потом позвонил в Вашингтонское бюро ФБР, наконец, дозвонился до них и спросил этого самого начальника. Когда через пару минут я вошел в ресторан, Керш помахал мне из закутка. На столике стоял кофейник на двоих. Мало кто в кафе завтракал так рано.

— Мы так и думали, что вы станете проверять, — сказал он. — Но если бы вы не догадались сделать это сами, я бы вам предложил. Я

собираюсь заказать блинчики с ежевичным джемом. Звучит аппетитно, а?

Я налил кофе, в душе у меня все кипело. Заместитель директора Лиланд Мерчисон ждал моего звонка, он рассчитывает на мое содействие, дело чрезвычайной важности, заранее признателен, национальные интересы...

Куча ничего не значащих слов. Так ничего мне и не объяснили. Официантка подошла принять наши заказы, и, когда она удалилась, я спросил:

— Ну что, мистер Керш? Вы пробовали пустить в ход доводы разума, потом намекали на взятку. Теперь на очереди угрозы? Вроде аудиторской проверки по линии Международной таможенной службы или другой какой бюрократической закавыки?

Он засмеялся. Какое-то беспокойство вызывал его смех. Керш мрачный или Керш просто нейтральный был похож на актера, пытающегося сыграть сурового агента ФБР, но, улыбаясь, выглядел эдаким обычным соседом, добрым приятелем с кружкой пива и новым анекдотом наготове.

— Нет, мистер Ситон, — сказал он. — Хотя бы потому, что выискивание компромата займет слишком много времени. А нам нужна ваша помощь сейчас. Сегодня. Мы решили поступить по-другому: мы расскажем вам всю историю.

Теперь уже я рассмеялся.

— Вы помните, мы записывали на диктофон ваши показания о том, как вы встретили ребенка. Вот здесь заявления других людей, довольно объемистая пачка. Этого вам пока хватит. — Он подтолкнул бумаги ко мне через стол. — Прочитайте их. — И он налил нам обоим еще по чашке кофе.

Я отодвинул бумаги в сторону. Он взглянул на меня с блеском в глазах, которого я раньше не видел.

— Читай, — сказал он мягко. — Или я сейчас вгоню свой «форд» в твою серебряную «Пташку».

И я начал читать:

«Рут Хезлтайн, 16 февраля.

Я работаю медицинской сестрой четырнадцать лет, всегда в ночную смену. Мне нравится, настолько уже привыкла, что для меня такой ритм стал вполне естественным. Он дает возможность побыть с моими детьми вечером, когда это действительно нужнее всего, а спать я могу утром, пока они в школе. Все обычно идет прекрасно. Так было и в ту ночь. Это случилось во время той ужасной пурги, когда у нас не доставало рабочих рук. Глория Страм не смогла выбраться из дому из-за снега, но ночь была спокойная, и Ванесса и я нормально справлялись. Родилось девять малышей, не считая недоношенных, которые находятся в другом крыле, мы с ними и дела не имеем. Раньше мы кормили малышей на ночь и укладывали спать, но последние десять лет у нас такая практика, что мать кормит ребенка по его требованию, иногда даже два-три раза за ночь. Так было и с малышом Хильярдом. Пока дети с матерями, мы поправляем их кровати, меняем простыни, если это нужно, просто немного прибираемся, и я прибрала колыбель для этого малыша. Потом я отлучилась всего минуты на три. Прошла через холл в комнату мамы Хильярда, взяла его, перекинулась парой слов с матерью, вернулась с младенцем обратно, и — **она**, эта крошка, лежала в его колыбельке! Ни пеленки, ни веревочки с запиской на руке, ничего, и крепко спит. Я

опустила маленького Хильярда в другую кроватку и осмотрела эту девочку. На ней не было ни пеленки, ни браслета с биркой, пуповина профессионально перевязана, теплая и симпатичная малютка.

Похоже было, что она родилась часа три назад. Вес около семи фунтов, в общем, вполне нормальная девочка. Я запеленала ее и позвала Ванессу. Мы позвонили доктору Уэйбриджу, а он позвонил в службу охраны. Я не видела, как принесли этого ребенка, не видела, чтобы кто-нибудь входил на этаж после полуночи. Никого, кроме меня и Ванессы, там не было».

Молча я принялся за вторую запись:

«Ванесса Голдстейн, 16 февраля.

Никто не проходил мимо дежурного сестринского поста! Клянусь. На этаже никого не было, кроме меня и Рут. Доктор Уэйбридж осмотрел ребенка и сказал, чтобы мы провели обычную обработку новорожденного.

Я закапала ей глазки, и из лаборатории пришла Сандра Льюис, чтобы взять кровь на анализ. Мы запеленали ее, сняли отпечатки пальцев. Я надела ей браслет, где было написано „девочка“, и завела на нее карту. Она весила восемь фунтов и пол-унции, рост двадцать дюймов. Рефлексы в норме».

Я с раздражением взглянул на Керша, но того, кажется, занимали только разводы пенки на поверхности его кофе. Я перевернул страницу.

«Доктор Джейн Торранс, 17 февраля.

Доктор Уэйбридж просто ошибся, вот и все. И сестры слишком заработались — они сами сказали, что в ту ночь у них рук не хватало. Я осматривала девочку в восемь тридцать утра — это был ребенок, которому исполнилось по крайней мере десять дней от роду. Она была подвижной и активной, глаза хорошо следили за предметом. Пуповина отпала, и пупок зажил».

Я был на взводе, чувствуя, что меня пытаются одурачить, но продолжал читать, а Керш, увлеченный содержанием своей чашки, не обращал на меня ни малейшего внимания.

«Лириан Тулли, 12 марта.

Я ее взяла к себе. Там была такая шумиха, целая очередь тех, кто хотел ее удочерить, и все такое. Но нельзя просто так сплавить ребенка кому попало, как мешок с картошкой. Есть принятые каналы; я содержу приют для новорожденных, и моя очередь как раз подошла, так вот я ее и получила. Ну и вруны же они, эти социальные работники! Я уж не знаю, какая им была выгода от такого обмана, но этот ребенок был такой же новорожденный, как я. У нее уже зубы прорезались! Ну, так или иначе, я ее взяла и подумала было сначала держать ее у себя, начать ее воспитание. Нужно с самого раннего возраста приучать к порядку. Я так и делаю, и, когда они выходят из моего дома, они, по крайней мере, хоть немного представляют себе, что значит дисциплина и послушание. Начни смолоду — и они уж не сойдут с верной дороги, вы уж мне поверьте. Маленьким детям нужно все делать по расписанию, по часам. Но эта малютка! Все совершенно наоборот, и с того самого дня, как я стала наблюдать за ней. Не обязательно шлепать детей, бить их, есть другие способы привлечь их внимание, но когда я лишь чуть-чуть ущипнула ее за ушко, чтобы не орала и не просила есть в неположенное время, она меня укусила. Настоящий дьяволенок. Сидит в своей кроватке, уставившись на меня, как ведьма. Я не могла ее запеленать, чтобы она полежала хоть мгновение спокойно. Иногда нужно их потуже пеленать, чтобы они

оставались неподвижными хоть какое-то время. Но она не давалась, нет. Я позвала этих социальных работников и сказала: забирайте своего маленького дьявола. Посадите ее в конуру или сделайте с ней что хотите. Я больше не хочу иметь дело с подобными созданиями. Я им предложила проверить свои записи. Уж я-то знаю, что такое новорожденные, так им и сказала».

Я снова открыл записи на первой странице и сверил дату там и здесь. Керш наблюдал за мной без всякого выражения, как будто спал с открытыми глазами.

«Мэрилин Шлектер, 20 августа.

Не знаю, что произошло! У нас в компьютер занесено больше 200 дел, и, чтобы их вести, не хватает ни людей, ни технических возможностей. Даже нормально работающего компьютера у нас нет. Наш съедает записи, стирает информацию, посылает не в те файлы. Вот так это и случилось. Ее записи были перепутаны с чьими-то другими. Я не знаю, куда делись настоящие. С ней занималось столько народа, и никто из них не сравнивал свои записи с предыдущими, некоторые даже переименовали ее. Ей, совершенно очевидно, было не шесть месяцев, она уже самостоятельно ходила — никак не меньше полутора лет, а то и все два. Она сменила два или три приюта, прежде чем нашли, куда ее окончательно пристроить, и поэтому записи — это просто мешанина из разных имен и возрастов. Но наш инспектор уволился, и люди пытаются как-то его заменить.

Нельзя их винить за то, что случилось. Если бы у нас было больше персонала и помощь по ведению дел в офисе...

В наших записях она стала фигурировать как Мэри Джо Гудмэн, и ее послали к Виноне Форбуш под этим именем.

Не знаю, как это произошло. Но потом, когда у нас запросили информацию о другой девочке, то оказалось, что это она — Мэри Джо. Я позвонила миссис Форбуш и объяснила, что произошла ошибка, и договорилась о том, чтобы забрать ребенка на следующий день обратно, но когда я пришла к ним, в доме никого не было. Это все, что я знаю. Я знаю только, что га девочка, которая вам нужна, — не Мэри Джо Гудмэн. И не знаю, где она сейчас и кто она на самом деле. И — да, я плачу, — простите, не могу удержаться».

Я читал дальше, чувствуя как вместе с замешательством перед этими дикими сообщениями в моей душе поднимается злость.

«Макс Годел, сентябрь, ближе к концу месяца.

Сижу я, в общем, в автоприцепе Сильвии, читаю объявления о приеме на работу. Для меня — ничего подходящего, ну всегда так — ничего подходящего, но чем черт не шутит, надо взглянуть. А тут телефон звонит — Марша, черт возьми! Ну и номер — Марша! Бог ты мой, когда она удрала от меня, то обчистила меня догола, одну татуировку оставила — да и то, видно, потому, что не могла соскоблить. А тут звонит — я сейчас приеду, Сильвия на работе? Ну да, раз она работает в казино, что ей делать дома в десять? Ну так я еду? А я ей — ну что за дела, в чем дело-то? А она мне — подожди, увидишь. Дельце — самый верняк. Я только что прикатила в город. Сейчас прилечу. Я ей — нет уж, детка, лучше не надо. Но она уже летит, не прошло и получаса — стучится, я открываю, она мне — привет, Макс, как живешь? Сильвии дома нет? Я ей — давай исчезни, сучка. А она — да ты смотри, Макс, что я нашла. Вернее, оно меня нашло. Смотрю — ребенок какой-то. Ну, этот номер не пройдет — Марша хоть и

шустрая, ничего не скажешь, но не настолько же! Этот ребенок уже ходит вовсю, а Марша со мной была пару лет, до прошлой весны. В общем, даже Марше так бы подшустрить не удалось, но девчонка ее за руку держит, будто мамочку. Беленькая такая, глазки карие. Никакой не пупсик с пушком на голове, как в газетах было, глаза — тоже не блюдца. Обычный ребенок, года два-три, маленький, в общем.

Марша впихивает его в дом, захлопывает дверь и подпирает ее спиной, будто там неприятельская армия снаружи и сейчас попытается ворваться.

Поиграй-ка с картами, малышка, говорит она, и ребенок идет к столу, где я пасьянс до этого раскладывал. Ну, еще до того как стал объявлять о работе читать, я имею в виду. И, пока она там картами шерудит, Марша: нужно у вас поселиться на пару дней, а я ей — ха-ха! А она — это самое наше классное приобретение, Макс. Я на нее смотрю, смотрю на ребенка и думаю — а что, может, и правда? В газетах всегда все путают. И я говорю Марше — ты что, поймала ту самую девчонку? Как это ты? А она — ни фиги, Макс. Я в город возвращалась (она считает, что Нью-Йорк — единственный город на Земле) из Филадельфии и услышала об этом по радио, ну про авиакатастрофу и все такое, а я проезжала как раз почти там, где это случилось и я думаю: любопытно — взглянуть, что ли? Но там полицейских орава, всякие патрули, останавливают все, что движется. Я думаю, черт, на фиг это нужно. Ну, понимаешь, в общем. И я в этой очереди машин, все пытаются оттуда выбраться, разворачиваются, чтобы в объезд проехать — дурдом. Так что я сворачиваю на боковую дорогу вместе с кучей других, мы все сворачиваем, и я останавливаюсь в закусочной по дороге пива выпить — а все там болтают о катастрофе и ребенке, которого ищут, все уши прожужжали. Я уже думать ни о чем больше не могу, как поскорее отчалить, убратся к чертовой матери, вернуться в город, где ясно что к чему. И вот я рулю, ищу, как выбраться снова на автостраду, и вдруг — она сидит на заднем сидении и спрашивает: а скоро мы приедем домой?

А девочка, пока она все это рассказывает, играет с картами на столе. Она их все раскладывает по мастям. Пики к пикам, бубны к бубнам, кладет картинки по ранжиру и остальные выкладывает по порядку, от десяти до одного очка. Не знаю, что-то я нервничать стал. Она же маленький ребенок вроде? Да и одета она вовсе не в розовые штанишки с цветами по бокам и розовую кофточку, как сообщали, и я головой качаю: не она. Не может быть, говорю. Но Марша говорит: пришлось ей кое-какую одежду купить, та для нее уже мала была. Открывает сумку — а там те самые вещи, о которых по радио и телеку трещат целый день.

Нам поговорить надо, говорит она, усаживает ребенка на кровать, закрывает дверь, а вскоре Сильвия приходит, и они с Маршей начинают визжать и орать друг на друга, а потом обе на меня накидываются, и я наконец говорю: ну, давайте наконец в полицию звонить. А они еще немного повопили, и мы все решили лечь спать, уже три часа ночи было. И Марша постелила ребенку на полу и подушку ему положила, сама разместилась на софе, и мы с Сильвией пошли на боковую. А что потом было — опять вопли. Сильвия орет: ты, сукин сын, ты куда девал ребенка, — а я говорю: да ты спятила, что ли? А ребенка-то нету действительно. А Сильвия вопит — я из-за этого работу потеряю, ты, идиот. Это ты понимаешь? И звонит в полицию».

Завтрак подали, когда я дочитывал последнюю страницу. Я закончил чтение, аккуратно сложил бумаги и скрепил их, а затем поднял глаза на Керша.

— Понимаю ваши мысли, — сказал тот, жуя. — Сумасшествие.

Я принялся за яичницу. Не просто сумасшествие, подумал я, не просто. Жуть какая-то, от этих записей мурашки ползли по коже. Я не принял того скрытого смысла, что таился в документах, которые я прочел, а если Керш поверил, значит, он сошел с ума. Но не он один, среди его команды, его начальников, подчиненных, нашлись люди, которые тоже поверили, и это-то пугало сильнее всего.

— Два разных ребенка, — сказал я после того, как несколько минут ел в молчании.

Он покачал головой.

— Хотел бы я, чтобы это было так, — сказал он мрачно. — Но наша ниточка — это Винона Форбуш, та женщина. Мы нашли ее останки после крушения самолета, ее и ее приятеля. Когда они узнали, что к ним попал ребенок без имени, они вспомнили об истории с похищением внучки Милликена и решили, что им убийственно повезло. — Он тяжело вздохнул. — Я не намеревался каламбурить.

— Это — то я и имею в виду. Ребенок совершенно очевидно родился не прошлым февралем. Работники социальной службы просто здорово напутали в записях. Они и сами это признали. Это всего-навсего путаница.

Он возразил тоном почти извиняющимся:

— Мы исследовали отпечатки пальцев в доме Форбуш и сверили их с отпечатками Снежной Девочки. У Форбуш другого ребенка не было. Это она.

Я теперь припомнил — Снежной Девочкой газеты прозвали того ребенка, которого таинственным образом обнаружили в больнице прошлым февралем.

— Вы должны были бы узнать, кто ее подкинул в госпиталь, кто ее там оставил, — сказал я, пытаясь унять свою злость. Я не мог понять, к чему он клонит — все эти сведения трудновато переварить вместе с яичницей и тостами с самого утра.

— Ну, просто дело в том, — сказал он мягко, — что мы этим вообще-то не занимались поначалу. Похищение наоборот. Так можно это назвать. Полиция в Филадельфии тогда никого не нашла, и мы в это не вмешивались до тех пор, пока не начали дело Милликена. Потом мы стали расследовать обстоятельства, которые всему этому предшествовали, и до сих пор этим занимаемся. Вот еще одно заявление, которое вам стоит прочитать. Самое интересное — на десерт.

Он вытащил еще одну бумагу из дипломата и продолжал, держа ее в руке:

— У нас уже есть показания тех, кто так или иначе имеет отношение к больнице: рабочих, медперсонала, посетителей, пациентов — и эти показания до сих пор поступают. Это немало, Ситон. Немало. Вот это может показаться вам интересным.

Мне не хотелось ничего больше читать. Не хотелось даже думать об этом больше, но рука моя взяла бумагу, а глаза начали пробегать ее.

«Рай Энн Дейвис, 16 февраля.

Я младшая медсестра в отделении для недоношенных. Работаю там уже двадцать четыре года. В ту ночь, когда была метель, у нас родилась

тройня, мы видели, что они, бедняжки, не выживут, но всегда пытаешься сделать все возможное, словно есть хоть какой-то шанс. Еще поступил ребенок с отравлением лекарствами, и ему нужна была детоксикация, а нам не хватало персонала, как и во всех остальных отделениях в ту ночь, так что мы с ног сбились. Возвращаясь после перерыва, я зашла в туалет для посетителей, потому что в комнате для сестер меня сразу же поймали бы и позвали работать, а я еще пару минут хотела отдохнуть. Так вот: в туалете на полочке лежал маленький сверток, что-то завернутое в полотенце. Я взглянула на него — это был тот младенец. Даже не недоношенный он был, скорее эмбрион, выкидыш, результат аборта, и все еще с плацентой. Странная такая плацента, со слишком длинной пуповиной. Он бы не выжил, даже если бы был доношен положенный срок. Я чуть не заплакала. Какая-то бедная девушка, наверное, до смерти испугалась того, что с ней произошло, и оставила здесь этот сверток. Но его помыли, этого ребенка, и запеленали — видно, кто-то думал, что он еще может выжить. И правильно, что оставили они его здесь, в католической больнице, где монахини крестят таких бедняжек. Так или иначе, хоть он и был еще теплый, но уже считай что не жилец, подумала я, завернула его снова в полотенце и взяла с собой в помещение для сестер, а тут у одного из настоящих недоношенных начались судороги, и тройняшки еще не были подключены к системе жизнеобеспечения — и это все оказалось в точности как я и предполагала.

Мне пришлось бегать туда-сюда вместе с остальными целый час, а то и больше, и я совсем забыла об этом эмбрионе в полотенце. Я его положила на полку в стационаре и забыла про него, прости Господи. А когда я его снова увидела — перепугалась: я ведь не позвала ни старшую сестру, ни монахинь, никого, кто мог что-то сделать для бедняжки, так что я просто положила сверток в полотенце к себе в сумку. Я подумала, что, когда буду уходить с работы, подкину его к дверям, как это делают в книгах, и пусть его кто-нибудь другой найдет. Не возле нашего отделения, а прямо за входной дверью. В двенадцать часов, когда я собралась уходить, шел такой густой снег, что добраться до дому было сложно, и двое сестер стояли у входной двери, обсуждая, что придется остаться ночевать в больнице, и у меня не было возможности избавиться от свертка, так что я вернулась в комнату для сестер, и он все еще был в моей сумке. Но я не нашла бы покоя, пока не сделала бы для него что-нибудь, и наконец вернулась в комнату для посетителей. Я решила оставить его там, где нашла, но только он оказался другим, уже не таким крошечным, больше похожим на настоящего младенца, только маленького. И плаценты не было, которую я вроде раньше видела. Он стал крупнее недоношенных, которых мы обычно принимаем. Я голову потеряла от страха и выбежала оттуда, села в лифт, поднялась в столовую, выпила чашку кофе и выкурила сигарету. Я подумала, что схожу с ума, раз начинает такое чудиться. В общем, я снова вернулась обратно, и ребенок все еще был там, девочка, розовенькая, теплая, достаточно большая, чтобы поместить ее в палату для обычных новорожденных, и я подумала, что слишком долго работаю с недоношенными и они мне уже мерещатся на каждом шагу. Тут я перевязала ей пуповину. Не знаю зачем, просто мне казалось, что кто-то должен это сделать. Я знала, что, если подожду немного, Рут пойдет за ребенком, которого она отнесла к матери, и я тем временем подкину свою девочку в одну из колыбелек, и пусть они о ней заботятся. Я не могла теперь уже рассказать о том, как я

ее нашла. Никого, кроме меня, не было в туалетной комнате с девяти часов. Они бы меня спросили, почему я раньше об этом не сказала.

Так что я сделала все, как намеревалась. Они меня не заметили, и ребеночек оказался в кровати, все сработало нормально, только мне пришлось взять парочку выходных, потому что у меня голова раскалывалась, так я волновалась, как бы у меня опять не начались галлюцинации. Но потом я успокоилась и припомнила салат с макаронами, который тем вечером ела в кафетерии, и поняла, что это все из-за пищевого отравления, все эти видения. С тех пор они уже не повторялись».

Керш пристально наблюдал за мной, пока я дочитывал бумагу.

— Черт возьми! — пробормотал я. — Вы, значит, удовлетворяетесь версией, что младенец, который родился прошлым февралем, теперь вырос в четырехлетнего ребенка? Вы с большей охотой верите в это, чем в то, что записи просто были перепутаны и эти дети не имеют друг к другу никакого отношения!

— К тому времени, как она покинула больницу, ее осматривали по крайней мере семь сестер и четыре доктора, и результаты каждого следующего немного отличались от предыдущего. Потом она жила у дюжины работников социальных служб, у пятерых приемных родителей. Они все не такие уж неопытные наблюдатели, — мягко проговорил он. — Не говоря уж о Максе и его компании, и добавьте еще ваше заявление.

Ресторан к этому времени был уже полон, становилось все шумней. Керш осмотрелся, наклонился вперед и сказал так тихо, что я едва мог его слышать:

— Психолог исследовала ваши показания прошлым вечером. Она сказала: вы заметили, что ребенок изменился во вторую встречу с вами по сравнению с тем, каким был за день до этого, даже если вы сами об этом не подозреваете. В первый день вы обращались с ней как с трехлетней: «Где твоя мама?» — и все такое прочее. Люди обычно не знают, о чем можно говорить с такими маленькими детьми. Вы ей купили мороженое, и она ускакала. Во второй день вы уже имели с ней беседу, предостерегали ее от общения с незнакомцами. Так, как если бы вы говорили с ребенком лет четырех. Я угощаю, — сказал он, доставая бумажник и оплачивая счет.

Их фэбээровский психолог была права, с этим я согласился. Но она не знала настоящей причины. Когда я поднимал девочку на дамбу, я удивился, какая она тяжелая — тяжелее, чем я ожидал. Поэтому-то и предупредил ее. Я решительно покачал головой.

— Вы хотели знать, почему мы обратились к вам за помощью, — сказал Керш, вставая на ноги. — Мы бы не узнали ее, и вы тоже можете не узнать, но она, возможно, снова доверится вам. Давайте пройдемся.

Мы вышли и остановились возле «тендерберда». Он снова огладил капот.

— Думаю, вы бы никому не позволили сесть за руль своей машины?

— Правильно думаете.

— Теперь вам решать, — сказал он. Но может, все-таки отправитесь на юг, а? Там тоже множество деревьев вдоль дороги. Как кто-то сказал, если видел одно, то видел их все.

— А вы будете висеть у меня на хвосте, не так ли?

— Или кто-нибудь вместо меня, — сказал он, улыбаясь. — Поговорим об этом позже.

Я открыл дверцу машины, а он придержал ее, не дав сразу захлопнуть.

— Ситон, думайте быстрее, ладно? Милликен нанял целое стадо частных детективов, и мы не хотим, чтобы они первыми нашли ребенка. Мы действительно не хотим отдавать ее Милликену.

— Но у него она будет жить как принцесса, разве нет?

— Долго ли? Что бы он сделал, как вы думаете, осознав, что получил не совсем то, что заказывал? По всей вероятности, он сам нанял убийц для своего зятя. Нет доказательств, даже обвинения, но его дочь в это поверила и сбежала. Мы не хотим, чтобы этот ребенок достался ему, Ситон.

— А вы-то что будете делать с девочкой? — спросил я жестко.

В его глазах снова появился странный стальной блеск.

— Это решает не мой отдел, — сказал он. — Но все равно, это будет лучше для нее, чем жить у Милликена.

Он закрыл дверцу моей машины, хлопнул по ее крыше и зашагал прочь к своему черному «форду». Когда я выехал со стоянки, он последовал за мной.

Я направился к ущелью Делавэр, где планировал снимать весь день. Побродив там около часа, я вернулся к машине и остановился, разглядывая пейзаж. Деревья выглядели очень мило, но они еще не обрели того роскошного вида, что мне хотелось запечатлеть на пленке. Они будут лучше на обратном пути, подумал я и тут же поймал себя на мысли, сколько раз я уже думал: «На обратном пути».

Другая машина стояла на смотровой площадке, белый «додж». За рулем сидел человек с запавшими щеками и читал газету. Я проигнорировал его точно так же, как он проигнорировал меня.

Они ничего не могут заставить меня делать, думал я. Они не могут под дулом пистолета вывести меня на пляж и заставить гулять там, пока маленькая девочка не попросит у меня мороженого. Вряд ли человек, марширующий под прицелом, сможет приманить ребенка. Но что же это за невероятная история? Кем на самом деле является эта девочка? Мне приходили на ум дюжины вариантов, более правдоподобных, чем история Керша: потерявшаяся когда-то внучка президента, наследница британского престола, незаконная дочка нефтяного магната, подопытная со смертоносными вирусами в крови...

По ущелью хлестнул порыв ветра, взвихрив ветви деревьев в диком танце, взметнув листья, как тучи конфетти. Пока я бродил здесь, мне стало жарко, я даже вспотел, однако сейчас ветер заставил меня поежиться. А где в это время спала та малышка? Тепло ли ей было, сухо? И кто кормил ее? Кто одевал?

Я ехал по горной дороге без всякой цели. Вот сейчас бы остановиться и пофотографировать, думал я, но продолжал двигаться дальше. И наконец повернул на юг.

Я еще не знал, позволю ли Кершу себя использовать, еще не хотел вмешиваться ни в какие аферы, но ехал на юг. Я не поверил его рассказам и теперь пришел к мысли, что, возможно, так никогда не узнаю, что они на самом деле замышляют, но они потратили на это кучу времени, и им действительно нужна была моя помощь. Я рассмеялся, когда мне пришло в голову: конечно, ведь это психолог их ведомства подсказала, что, пробудив мое любопытство, можно использовать меня в

своих интересах.

Но все чаще мне вспоминалось, как малышка протягивает свои ручки ко мне, чтобы я поднял ее на дамбу, уверенная, что я потом помогу ей снова спуститься вниз, и как она засмеялась, когда я предостерег ее против излишней доверчивости к незнакомцам. Где-то она сейчас?

Было около двух, когда я остановился возле ресторана. Керш вразвалочку подошел ко мне, пока я забрасывал свои походные ботинки в багажник.

— Угощу тебя обедом, — сказал он дружелюбно. — У тебя желудок работает по другому расписанию, чем у меня, это уж точно. Я думал, что умру от голода до того, как ты остановишься.

Я пожал плечами и закрыл багажник.

— Считай, что просто часть твоих налогов к тебе вернулась, — сказал он, пока мы вместе заходили в ресторан.

Обычный деловой обед, подумал я, пока мы делали заказ: пастроми из копченой говядины, ржаной хлеб и молоко для меня; ветчина, сыр, белый хлеб и кофе — для него. Деловой разговор пока не завязывался. Судя по виду Керша, ему действительно необходимо было выпить кофе. Он выглядел измотанным и, словно в подтверждение моих мыслей, даже широко зевнул.

Едва мы кончили есть и я заказал еще кофе, он перешел прямо к делу:

— Вы решили оказать нам услугу?

— Еще нет.

— Вы ничего не потеряете, Ситон. Только приобретете.

— Приобрету что?

— Расположение. Огромное расположение, а это не такая вещь, на которую можно начхать в наши дни. Правительственные службы будут на вашей стороне, и — большому кораблю большое плавание.

— Может быть, ее уже и нет в городе.

— Ну нет, она не уехала. Мы знаем, кто въезжает в город и кто покидает его. С Атлантик-Сити все просто, не так-то много дорог ведет из него, разве кто отважится совершить далекий заплыв по холодному океану.

— Но погода изменилась, она, наверное, уже не ходит на пляж.

— Мы уже думали об этом. Скорее всего, она крутится там же, где другие дети. Эффект «Похищенного письма» Эдгара По. У нас есть неплохая, вполне толковая карта. Она ждет вас в комнате. Словом, вы ходите и фотографируете возле школ, на детских площадках, на пляже. Где есть другие дети, там и она появится. Мы ставим на это.

Он выпил вторую чашку кофе, подозвал официантку и заказал третью. Мне показалось, что сейчас у него начнется нервный тик.

Очень тихо он сказал:

— Ситон, кто-то должен разыскать этого ребенка. И вы знаете это так же хорошо, как и я.

Хотя и неохотно, я кивнул.

— Ну, вот и хорошо. Теперь мы закажем вам номер в гостинице. Вам нравится то место, где вы останавливались — «Аббатство»? Если нет, то скажите. Мы вас поселим в Тадж-Махал, в Палаццо Дожей, куда скажете. Обеды, выпивка — все, что хотите. Нет проблем. Если будут другие расходы, записывайте их и предъявите нам счет. Оплатим.

«Аббатство» — небольшой отель в трех или четырех кварталах от

главной магистрали, но тихий. Я сказал, что он вполне сойдет.

— О'кей. Вот видите, мы хотим, чтобы вам было удобно. Вы можете не встретиться с ней сразу, или она может не сразу подойти. Если она к вам приблизится, поговорите с ней. Просто поболтайте. Потом уйдите — и все, ваше дело сделано. От захода до восхода делайте, что хотите, развлекайтесь. Ночью она не покажется. В таком месте, как Атлантик-Сити, ребенок один ночью выделялся бы, как динозавр на пляже. Сверяйтесь с картой — мы отметим места, где она может быть. Вам не нужно ее разыскивать — просто бывайте там, где она может вас увидеть.

Я пил кофе, уже остывший и горький.

— А что, если она не подойдет ко мне в течение нескольких дней?

— Тогда мы попробуем еще что-нибудь, — сказал он устало. — В субботу мы немного завернем гайки. Произойдет утечка информации, и вечером по телевидению, а потом в воскресных газетах сообщат: ФБР подозревает, что внучка Милликена прячется где-то в Атлантик-Сити, и агенты собираются обыскивать все дома. — Он вздохнул и развел руками. — Мы хотели бы этого избежать. Будем надеяться, что она все-таки подойдет к вам завтра или хотя бы в субботу днем.

Перед моим мысленным взором возникла эта девчушка, загнанная в угол агентами ФБР, спецназом, целой шайкой частных сыщиков и миллионом недоносков, прознавших о награде Милликена. Я поднялся.

— Помилуй Боже, — сказал я. — Но ведь это всего лишь маленький ребенок!

— Ребенок, Ситон? Вы в этом уверены?

Я зашагал прочь, а он неожиданно разразился смехом.

— О Боже, я только что понял, почему вам нравится отель «Аббатство». Потому что там постояльцы сами припарковываются. И не надо пускать служащего за руль своей машины.

Я не остановился. Он догнал меня уже у дверцы.

— А если бы Фалько забрал у тебя машину, а не жену, ты бы выколотил из него все дерьмо?

Он продолжал смеяться, а я все еще уходил от него, поэтому он не мог увидеть моего лица и понять, что с этого момента с нерешительностью покончено.

Если ребенок подойдет ко мне и если это будет та самая трех-четырёхлетняя, которую я встретил тогда, я сделаю то, что от меня хочет Керш. Передам ее ФБР. Нельзя оставлять маленького ребенка одного ни в Атлантик-Сити, ни где-либо еще. У нее должна быть семья, возможно, Керш знает эту семью, и, возможно, он вернет туда девочку и я никогда не узнаю, чем кончилось все это дело.

Но если ко мне подойдет девочка, которая покажется старше, больше, в общем — другой, Кершу она не достанется.

Уяснить это для себя было просто, и на тот момент решение даже казалось разумным, но следовать ему было практически невозможно. Я ехал в раздумье и чем больше думал, тем более безнадежным казалось это предприятие. Весь город был блокирован ими, выехать из него можно лишь по мосту — если только не припасена лодка, — а мост контролировался день и ночь.

Дорога была перегружена, я выехал на правую полосу, машины неслись мимо, и тут наконец в голову пришло имя — Джои Маркос, и план, который мог бы сработать. Я припарковался на ближайшей же заправочной станции с закусочной и позвонил Джои в Манхэттен. Так как

он работал в одном из самых крупных рекламных агентств, где поднялся на недостижимые высоты, легче оказалось выяснить телефон фирмы по справочной, чем потом дозвониться до его агентства. Наконец, голос Джои зазвучал в трубке.

— Уин, — сказал он. — Неужели это ты?

Я едва вставил слово, как он продолжал:

— Слушай, старик, как поживаешь? Ты где сейчас? Давай приезжай!

— Джои, замолчи и слушай. У меня есть просьба.

— Будет сделано, — ответил он на полном серьезе. Он ни разу не перебил меня, пока я излагал план: чтобы кто-нибудь доставил сюда машину, а потом улетел обратно, не пытаясь со мной встретиться.

— Мне необходимо знать номер водительских прав, марку машины, все такое, — сказал я. — И ключи, конечно. Если все это мне и вправду понадобится, можно будет с тобой связаться в ближайшие три вечера? Я не знаю когда, я не знаю даже, будет ли эта машина вообще нужна.

— Детка, — рассудил он трезво. — Я понял, что у тебя серьезные неприятности. Атлантик-Сити? Нет проблем. Дам тебе пару номеров, по которым ты можешь меня найти.

Оказывается, у меня перехватило дыхание в ожидании ответа — теперь я перевел его.

— Спасибо, Джои, — сказал я. — Просто спасибо.

Никаких вопросов, никаких требований, «будет сделано» — и все. Мы поболтали еще пару минут, и, когда я повесил трубку, я впервые почувствовал, что теперь я завязан в этом деле.

Когда Джои было тринадцать, а мне четырнадцать, его семья переехала из Бруклина в Атланту, где их встретили отнюдь не с хваленым южным гостеприимством. Джои был ничуть не темнее меня, но ребята в школе знали, что он мулат, и у него был странный выговор, испано-пуэрториканский с примесью бруклинского. После того как мы пару раз вместе побывали на занятиях, я обнаружил, что впервые встретился с человеком, с которым можно поговорить об искусстве, и он сказал, что с ним тоже самое. Он был застенчив, когда не хорохорился, сукин сын.

Мы оба хотели стать художниками, мечтали о том, что нас ждет впереди: Род-Айлендская Школа дизайна (ни он, ни я туда не пошли, в итоге), потом собирались поехать в Италию на год или два, чтобы проникнуться древним искусством, он поехал, я — нет.

Когда ему было пятнадцать, а мне шестнадцать, его забрали и стали допрашивать о причастности к краже в местном магазинчике, и я дал письменное показание под присягой, что он провел те выходные вместе с нами в загородном коттедже на озере. Это была ложь. Позубоскалив на наш счет и обменявшись многозначительными взглядами, в конце концов полицейские его отпустили. Я пригласил Джои на дачу в следующее воскресенье и там отколотил как следует. Это было нетрудно, я был на несколько дюймов выше и на пятнадцать фунтов тяжелее.

— За что? — провыл он, прикладывая окровавленное полотенце к щеке.

— За то, что ты тупоголовый ниггер, и я знаю, что они могли бы с тобой сделать.

Теперь уже он набросился на меня с кулаками, после чего мы ревели уже в два голоса.

Сидя в своем «тендерберде», я ехал на юг и продолжал обдумывать план, который вырисовывался все яснее. Но приступить к его выполнению

было нельзя, пока эта девочка не подойдет ко мне.

Добравшись до «Аббатства», я принял душ, переоделся и отправился в казино. Поиграл немного в «блэкджек», а потом славно ободрал игровые автоматы — триста здесь, пятьсот там, пока у меня не набралось около пяти тысяч наличными.

Я поздно пообедал и потом стал колесить по острову взад и вперед, заезжал в переулки и снова выезжал на главные улицы, затем вдоль пляжных навесов, потом обратно, пока не нашел то, что искал. Игорный зал бинго, круглосуточный, с сотней игроков, к нему примыкает крошечная детская игровая комната. Перед входом под прожектором стояли фигуры двух зебр, и рядом была церковь. Одним словом, Атлантик-Сити. Еще я нашел два места для парковки между домами и, довольный, вернулся в отель спать.

Утром после завтрака я позвонил Джои из автомата и сказал, где находится стоянка, а он описал машину, которую туда доставит по первому слову. Серая «тойота селика» 89-го года. Я записал номер лицензии, он сказал, что будет в полной готовности, на том и порешили.

Потом я отправился на Променад и на пляж, прихватив свою фотоамуницу.

К трем часам пополудни я был готов выезжать куда угодно. Погода стояла холодная и серая, нависли тучи, обещаая дождь, который все никак на мог пролиться. Я уже сделал больше фотографий, чем было кадров на пленке, и теперь продолжал щелкать впустую, что не улучшало расположения духа. Я съел на ленч горячую сосиску и теперь чувствовал изжогу. Не самый лучший денек, подумал я и вдруг увидел группу ребятишек, которые играли среди бетонных черепашек. Мальчишки взбирались на них, брыкались, играя в черепашьего короля, за ними несколько маленьких девчушек играли в мяч. И она была среди них.

Свитер, который в прошлый раз был ей немного велик, теперь был чуточку мал. Наверное, стирали в горячей воде, подумал я, доставая и устанавливая камеру и не сводя глаз с мальчишек на черепашках. Все ребята замерли, уставившись на меня. Только не подходи, мысленно молил я. Оставайся на расстоянии, детка. Словно послушавшись, она осталась где была.

Сегодня она играла с четырех-пятилетними детьми, прекрасно вписываясь в их компанию. Я навел объектив на мальчишек, которые сразу стали строить рожи, девчонки тоже начали высовывать языки. Я сказал, как бы невзначай:

— Вы потом, девочки. Сначала мальчишек сфотографируем. Вы знаете, где стоят зебры, рядом с церковью?

Один из мальчишек сказал, что знает, и я, склонившись над камерой, произнес:

— Ну вот, сегодня вечером, как стемнеет, я буду снимать там.

Девочки стали придвигаться ближе, и я проговорил, все еще обращаясь к своему фотоаппарату:

— Не подходите. За нами наблюдают.

Я взглянул на хохочущих детей. Она тоже засмеялась, чуть позже остальных. Но выглядела испуганной. Один из мальчишек пытался встать на голову, упал, и все они захохотали еще громче. Я притворился, что сфотографировал его. Тут одна из девчонок далеко закинула мяч, остальные побежали за ним, и ни одна не обернулась. Мальчишки

перестали слоняться вокруг, я упаковал свое снаряжение.

— Спасибо, приятели, — сказал я, уходя.

Достаточно ли было такого намека? Я не мог этого знать. Но, по крайней мере, ни один наблюдатель не мог бы выделить ее из толпы. И в первый раз я почувствовал холодок, причиной которого была не погода. Я подумал о словах Керша, когда я, протестуя, заявил, что ведь это всего лишь маленький ребенок, а он произнес: «А вы уверены?» Действительно, я не был уверен ни в чем.

Погуляв еще минут десять, я заметил кофейню и зашел в нее. Из автомата я позвонил Джои и произнес только «сегодня вечером», положил трубку, потом сразу же набрал номер своего офиса. Ответила Грэйси, и мы поболтали минуточку-другую.

Высокая негритянка пододвинулась достаточно близко, чтобы подслушать, что я говорю, и я этому не препятствовал. Потом я выпил кофе с кексом.

Когда я вернулся в «Аббатство», Керш ждал меня в холле.

— Угощаю, — сказал он.

Последние полчаса я только о том и мечтал, чтобы зайти в помещение с улицы, согреться, выпить чего-нибудь, так что я пожал плечами и последовал за ним в бар отеля.

— Отвратительно выглядишь, — сказал я, пока он усаживался напротив меня за крошечным столиком. В тусклом свете выделялись синяки под глазами и бледность его некогда розовых щек.

— Холодает, — сказал он. — Паршиво себя чувствую. Здесь чертовски сыро.

— Расскажи мне, как все идет. — Я понизил голос. Мы сделали заказ и не начинали разговор, пока не принесли выпивку.

— Пока пусто, — наконец признался он. — Но мы и не ожидали, что это будет так уж легко, ты же понимаешь.

— Я весь выложился для вас по такой холодине.

По его лицу пробежала улыбка.

— Я знаю. То, насколько ты был добросовестным, подтверждают наши доклады. Ну что ж, завтра нам, может быть, повезет больше.

— Почему бы тебе не поспать немного, — сказал я, осушая стакан. — Я замерз, устал и хочу есть. Собираюсь принять очень горячий душ, потом хорошенько пообедать и лечь в постель. Чего и тебе желаю.

Может быть, дело закончится завтра, — проговорил он философски. Может быть, она подойдет и попросит — уже не мороженого, не по такой погоде, — горячего шоколада, а? Сегодня горячего шоколада, завтра кока-колы, послезавтра мартини?

Он качнул головой и посмотрел куда-то мимо меня, и в этот короткий миг мне показалось, что я разглядел человека под маской клоуна. Этот человек был испуган.

В девять тридцать, поужинав, я вернулся в отель, получил у портье свой ключ, а также пакет. В нем были ключи от «тойоты». Без четверти десять я потушил свет в комнате и покинул отель, на этот раз воспользовавшись служебной лестницей, а не лифтом. Под куртку я надел теплый свитер, карманы у меня были набиты деньгами. Больше я не взял ничего. Если меня кто-нибудь остановит, я не хотел, чтобы мелочь вроде бритвы меня выдала.

Я вышел через боковую дверь и попал на стоянку. Там толпилось множество людей — была пятница, впереди маячили долгие веселые

выходные. Я обогнул здание, вышел на заднюю улицу и отправился пешком к бинго-казино с зебрами.

Я шел быстро, пытаясь согреться, холодный ветер дул с океана. Добравшись до бинго, я замедлил шаги, а потом даже остановился на минуту, чтобы заглянуть через стеклянные окна.

Казалось, там были те же люди, только их было больше, и те же скучающие дети в крошечной игровой комнате.

Я прошел мимо двух зебр, приблизился ко входу в церковь, и когда я уже был возле угла здания, маленькая фигурка появилась из-за доски объявлений. Ее ручка скользнула в мою.

Она была как ледышка, дрожала от холода, все в том же свитере, который был ей мал и легок не по сезону. Мы шли в молчании, держась за руки. Два квартала, думал я. Всего два квартала до стоянки, машины, обогревателя, может быть, даже безопасности. Мы прошли один из них, не разговаривая, двигаясь не слишком быстро, чтобы не привлекать внимания. На тротуаре было много народу, группки, парочки, компании подростков. Кажется, некоторые, посмотрев на ребенка, потом оглядывались на меня с осуждением. На шоссе образовалась пробка, шоферы сигналили, музыка редела. Еще один квартал. Я подавил желание схватить ее на руки и бежать.

Мы разыскали машину, и девочка забралась на заднее сиденье. На переднем в конверте я нашел талон парковки, водительские права Джои и даже кредитную карточку, а под конвертом был прекрасный черный берет Джои из тонкой кожи, который он купил в Париже лет пятнадцать назад. Этот берет стал его «визитной карточкой». Я надел его.

Мы некоторое время ехали по боковым улицам, потом остановились.

— С тобой все в порядке? — спросил я ее. — Согрелась?

Она кивнула.

— Только есть хочется, — сказала она.

— Сейчас я что-нибудь найду.

Я осмотрелся — машин было мало, пешеходов не видно вообще, и я стал разбирать то, что нам приготовил Джои. Я просил его положить в машину темное одеяло, но он сделал гораздо больше. Машина была серая с сиденьями из черных овечьих шкур, с черными коврами на полу, а одеяло было настолько темным, что выглядело почти черным. Были приготовлены также два спальных мешка, шесть банок пива в упаковке, маленький холодильник, термос и подушка. Холодильник был набит сэндвичами, яблоками, еще там был сыр и даже банка копченых устриц. Мне хотелось и смеяться и плакать одновременно.

— Послушай, — сказал я девочке, вручая сэндвич. — Мы немного покатаемся здесь, а потом уедем с острова. Когда поешь, тебе придется полежать на полу, накрывшись одеялом, пока я не скажу вылезать. О'кей?

— О'кей. — Она с жадностью стала уплетать бутерброд.

Я достал один из спальных мешков и постелил его на пол. Как только она закончила трапезу, я уложил ее и накрыл сверху черным одеялом. Она словно бы превратилась в невидимку — настолько хорошо удалось ее замаскировать. Я ободряюще кивнул ей.

— Как тебя зовут?

Она покачала головой.

— Не знаю.

— Как тебя называют другие дети?

— Никак. Они меня не любят.

— О'кей. Придумаем тебе имя.

Она заснет, подумал я, так что надо не забыть проверить, чтобы одеяло с нее не сползло — под ним ее практически невозможно было увидеть, разве что наклонившись очень близко.

Я снова сел за руль, положил в бумажник водительские права Джои и его кредитную карточку, а все документы, на которых стояло мое имя, вытащил оттуда. С меня причитается, Джои, подумал я, снова отправляясь в путь. Я не собирался покидать остров до тех пор, пока не рассосется пробка на магистрали. Не хотелось сидеть в остановившейся машине под ослепительным светом уличных фонарей в ожидании своей очереди выехать на мост. Вместо этого я проехал вдоль острова, а когда вернулся, время перевалило за полночь и пробка рассосалась. Машин все еще было много, но уже терпимо, и я вклинился в движение, оглянувшись сперва на девочку, чтобы убедиться, что ее не видно. Она крепко спала, укрытая от чужого взора.

Меня остановили, заглянули в салон машины, в багажник, назвали меня «мистер Маркос», посмотрев водительские права, и пропустили. Я не расслаблялся до тех пор, пока не достиг крайней заставы, тут меня остановили второй раз и снова пропустили. Я повернул на запад, направляясь к Уилмингтону, затем еще южнее. Никто больше не заглядывал в машину и не спрашивал права. Около трех часов утра, опасаясь уснуть за рулем, я свернул на боковую дорогу и открыл термос. Дымящийся черный кофе. Отпив, я рассмеялся. Джои, оказывается, основательно сдобрил его бурбоном.

Я проспал часа три, проснулся окоченевший и допил кофе. Малышка мирно спала под одеялом.

Я хотел проехать через Фредерик, двинуться на юг по триста сороковому шоссе, но, наверное, теперь это было невозможно. Я старался держаться подальше от основных магистралей, объезды удлиняли путь. Вскоре девочка зевнула и сказала, что ей нужно в туалет и что она хочет есть и пить. Мы остановились на обочине, и я посоветовал ей сходить в кусты. После недолгих препирательств она так и сделала, потом мы доели последние сандвичи и она принялась за яблоко. Вид девочки встревожил меня. Ее необходимо было умыть, причесать, переодеть...

— Почему ты пряталась? — спросил я ее наконец.

— Не знаю, — ответила она с полным ртом.

Что ж, лучше и не скажешь, подумал я устало. Если бы она меня спросила, почему я ее прячу, я ответил бы то же самое.

— Ты знаешь, кто тебя разыскивает?

Она покачала головой.

— Мне опять нужно лечь на пол?

Я знал, что при дневном свете это не столь эффективно.

— Нет. Но оставайся на заднем сидении. Ты ведь знаешь, что некоторые люди тебя разыскивают, правда?

Она серьезно кивнула.

— Ну вот, а если нам придется остановиться, снова ложись под одеяло. Мы скоро доберемся до города, и, когда откроются магазины, я куплю тебе что-нибудь из одежды и расческу. А тебе придется в это время подождать меня в машине. О'кей?

— О'кей.

Когда мы двинулись дальше, она устроилась на краешке заднего

сидения, положив подбородок на спинку переднего.

— Где ты ночевала, пока пряталась? — спросил я.

— В разных местах. Однажды в машине. А в другой раз я увидела, как собака заходит в дом, и я зашла вместе с ней. У собаки была собственная маленькая дверца. Она стала моим другом.

Дверь для собаки? Я выуживал из нее то, что она помнила, или то, чем хотела со мной поделиться. По ее словам, она помнила о крушении самолета и видела машины вокруг и всех этих людей, которые о чем-то говорили, открыла дверцу одной из машин и забралась внутрь. Но ей те люди не понравились, они слишком громко кричали, и она ушла, когда они все уснули. Потом она прошла за собакой в дом и поела там кукурузных хлопьев. Зашла в другой дом, но хозяева вернулись и закрыли за собой двери, она пряталась в чулане всю ночь и там же уснула, а когда они на следующее утро ушли, вылезла через окно.

— А почему ты попросила меня купить тебе мороженое?

— Мне хотелось есть.

Пока она говорила, меня охватывала злость и возмущение, но теперь я чувствовал только великую печаль, даже под ложечкой засосало. Я наблюдал за ней в зеркало заднего обзора: она внимательно рассматривала все, мимо чего мы проезжали. Для нее все было новым, я это понял; она открывала мир, и самые первые уроки, которые она получила, дали ей навыки выживания. Их-то она хорошо усвоила.

Мы подъезжали к городу Фредерик, машин стало больше, и наконец потянулись магазинчики.

Я купил ей все необходимые вещи, велел переодеться на заднем сидении, потом мы заехали на заправочную и там в туалете она умылась и причесалась.

Когда она вернулась, я посадил ее рядом с собой; если ребенок сидит на заднем сидении, это выглядит подозрительно. Кажется, настоящие родители обычно так не поступают.

Мы опять остановились, и я купил ей еще несколько вещичек, и тут обнаружилась новая проблема. Она слишком отличалась теперь от других детей именно тем, что была одета во все только что купленное, с иголки. Кроме туфель. Обувь, подумал я с ужасом. Ей нужен больший размер.

И еще — я должен был как-то ее называть.

— Когда мы среди людей, — сказал я ей, сидя в машине, — ты меня должна называть папа. Ладно?

— А ты тоже не знаешь своего имени, да?

— Я-то знаю, но маленькие дети не называют своих родителей по имени. Они их называют «мама» и «папа». Нужно придумать тебе имя. Тебе какое имя нравится?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

— Когда тебя ребята спрашивали, как тебя зовут, что ты говорила?

— Они не спрашивали. Однажды я сказала, что меня зовут Малышка, одна девочка стукнула меня и убежала.

Глянув на меня искоса, она спросила:

— Опра? Пусть меня будут звать Опра?

— Нет. Это не подходит. Как насчет Сары? Или Дженнифер? Или Мишель? Рэчел?

Она поджала губы и сказала тоном, не допускающим возражений.

— Сегодня меня зовут Долли.

Болезненное чувство снова вернулось ко мне. Она не знала никаких имен.

— Пусть Долли, — сказал я. — Но только сегодня.

Впереди я увидел вывеску «Благотворительная распродажа» и направил машину туда. Там должна быть вполне приличная комиссионная одежда, в том числе для детей. Может быть, даже туфли.

Нам удалось купить больше полезных вещей, чем где-либо. Я даже купил кое-что навыrost для «ее старшей сестры». Она посмотрела на меня просительно секунду, хотела что-то сказать, потом глянула куда-то мимо меня.

— А можно мне книгу?

Там была букинистическая секция, и на одной полке стояли детские книги. Она, однако, пропустила слишком простые и начала просматривать книжки, которые, по моему разумению, годились для трех-четырехклассников. Когда она успела научиться читать? Она выбрала четыре книги, и мы вышли из магазина. Она скакала рядом со мной, улыбаясь. Я не так уж часто видел ее улыбку — хорошая такая улыбка.

Я снова вел машину и спросил, где она научилась читать.

— Я не знаю.

— Может по телеурокам в программе «Сезам-стрит»? — предположил я.

Она просветлела и сказала, что да, она смотрела «Сезам-стрит», и снова вернулась к книге, которую читала.

Я купил льда для походного холодильника, молока, сока и фруктов, и мы продолжали продвигаться на юг. Путешествие без цели, подумал я. Настроение от этого ничуть не улучшалось.

Сначала мои мысли были полностью заняты тем, как осуществить задуманный план, а рассуждениями, что буду делать потом, я не задавался. На деле же просто не был уверен, что план удастся.

Ее инстинкт говорил ей «прячься», а мой — «помоги ей». А что теперь? Внутренний голос молчал, ничего не подсказывая. Я могу колесить с ней по дорогам еще несколько дней, а что потом? Совершенно очевидно, я не мог взять ее к себе, но не мог и оставаться в пути вечно.

Я взглянул на нее, она беззвучно произносила непонятные слова, шевеля губами.

Ее лоб перерезала маленькая морщинка. Она спросила меня значение некоторых слов — «сомнительный», «нерешительный», «благотворный», «умиротворенный».

«Что ты такое? — хотел я потребовать ответа. — Кто ты? Игра природы, мутант? Продолжится ли процесс акселерации и взросления такими темпами и дальше? Или это болезнь?»

Я понимал, что испугало Керша.

Он дал мне ключ, когда сказал, что она будет выделяться, как динозавр на пляже, если выйдет одна ночью. Динозавр на пляже. А может быть, это мы, все остальные, уже вроде динозавров? Есть ли еще такие, как она? Ее дети, значит, будут весить несколько унций при рождении и достигнут зрелости через пару лет? Одни вопросы без ответов.

Я знал, что мне следовало бы позвонить Кершу, сказать ему, чтобы он забрал ее, и пусть ученые разгадывают эту загадку. Однако я знал также, что не сделаю этого. Я чувствовал себя так, словно, бросившись со скалы, повис в воздухе.

Она закрыла книгу и вздохнула.

— Что, плохая?

— Глупая, — ответила она.

— В следующем городе мы остановимся и пойдем в настоящий книжный магазин, и я тебе выберу несколько.

Она расплылась в улыбке и открыла другую книжку.

«Надо взять „Винни-Пуха“, подумал я, „Ветер в ивах“, „Алиса в Стране Чудес“...»

Уже когда перевалило далеко за полдень, мы сделали последние покупки, перед тем как поехать в мотель, — в другом супермаркете, где был книжный отдел. Я выбрал для нее несколько книг, и она пролистывала их, когда компания подростков подошла к молоденькой продавщице и завела с ней разговор:

— Дороги заблокированы, полиция, шериф со своей командой и еще целая куча других. Кларенс говорит, ищут сбежавших из тюрьмы, откуда-то со станции Арко.

— Они остановили брата Макнирни и заставили его открыть багажник, — сказал другой парень, и они все покатались со смеху.

— Пойдем, — сказал я, взял девочку за руку и мы подошли к прилавку, чтобы заплатить за книги. Ее рука дрожала.

Остановившись на секунду в просторном проходе, я подумал о машине и о разбросанных в ней вещах. Свертки с одежками, купленными на благотворительной распродаже, пакеты из супермаркетов, моя бритва в сумке, старая одежда, из которой она выросла...

Я сменил курс, подошел к секции сумок, купил чемодан. Мы вышли. Рядом был кинотеатр. Я увидел очередь ребятишек с родителями в кинозал. Показывали детский мультфильм.

— Послушай, — сказал я ей. — Я тебя отведу сейчас в кино, и ты там побудешь, пока фильм не кончится. Когда ты выйдешь, я буду тебя ждать здесь. Ладно?

Ее рука крепче ухватила мою, и вопросительный взгляд больших глаз показался мне очень долгим, прежде чем она все-таки кивнула.

— Я вернусь, — сказал я. — Обещаю.

Я заметил что многие родители делали то же самое. Усаживали своих детей, снабдив их воздушной кукурузой, а сами куда-то исчезали. Иные даже не трудились покупать два билета, чтобы проводить своего ребенка до места.

Я привел в порядок машину: упаковал вещи в чемодан и положил его в багажник вместе с одеялом и спальными мешками; поставил шесть банок пива в упаковке на заднее сиденье; туда же положил картофельные чипсы и банку копченых устриц. Я оглядел плоды своих усилий и остался доволен — никто не смог бы заподозрить, что я путешествую с ребенком. Я въехал в поток машин, шедших на юг, и мне поминутно приходилось останавливаться. Наконец я оказался у развилки, где, свернув направо, можно было попасть на шоссе, ведущее в другой штат, а слева шла местная дорога. Здесь меня задержали ненадолго, попросили открыть багажник и проверили регистрационное удостоверение, которое Джои оставил в отделении для перчаток.

От этого меня пробрало больше, чем от чего-либо. Мы отъехали от Атлантик-Сити на триста миль, а они и здесь проверяли машины. Возможно, проверяли наобум, возможно, они получили конфиденциальную информацию, у кого-то возникли подозрения или и в

самом деле из тюрьмы сбежали преступники. Я понял, что нужно убраться на время с большой магистрали, и найти место, где можно переночевать и подумать.

Я подъехал к мотелю под названием «Наилучший Западный», несколькими кварталами дальше, и зарегистрировался как мистер и миссис Маркос с двумя детьми; жена и дети смотрят кино, и я заберу их позже, сказал я. Клерку так все надоело, что он едва взглянул на меня.

Я вернулся к магазину боковыми улицами, держась подальше от магистрали, разделяющей город, и подъехал к кинотеатру за невольным минут до конца фильма.

Еще десять — пятнадцать родителей ждали здесь своих детей. Я увидел ее прежде, чем она меня. Одновременно и безутешная и настороженная, она казалась маленькой потерявшейся девочкой, которую бросили. Потом она вдруг заметила меня, и ее лицо просветлело, она рассмеялась и подбежала ко мне.

— Привет, солнышко, — сказал я, подкидывая ее на руках. Она поцеловала меня в щеку.

В эту ночь она спала, а я наблюдал за ней. Ей вполне можно было дать на вид пять лет. Никто бы не усомнился в ее возрасте, если бы я сказал, что ей пять. Она была умной девочкой, может быть, даже с блестящими способностями, но запущенной. У нее просто не было времени, чтобы узнать о таких вещах, как сова и ослик. Я почитал ей кое-что из «Винни-Пуха», она прерывала меня то и дело, чтобы задать вопрос. Ей нужна была целая библиотека, учебники, задачники, ей нужно было узнать много вещей, о которых другие дети знают с малолетства, о которых мне даже в голову не приходило ей рассказать. Например, как кого зовут.

Мой план провести несколько дней в машине оказался ниже всякой критики. Нужно было пристроить ее куда-нибудь, чтобы она пожила в тишине, подальше от дорог, но куда?

Наконец я улегся в постель, и тут меня осенило: тетушка Бетт! На самом деле она не являлась мне родственницей, но она была лучшей подругой моей матери с незапамятных времен. Они вместе росли, вместе ходили в школу, вышли замуж примерно в одно время и навещали друг друга почти ежедневно до того дня, двадцать лет назад, когда тетушка Бетт переехала в штат Теннесси, где жила и по сию пору. Тогда они стали ездить друг к другу по несколько раз в год.

Когда мой отец скончался от инфаркта, она тут же приехала и провела у нас несколько недель. Годом позже, когда мама погибла в автокатастрофе — ее машина врезалась в дерево на скорости девяносто миль в час, — тетушка Бетт обняла меня и сказала, что я не должен себя ни в чем винить. Мне было девятнадцать, и я был как-то непонятно смущен этими ее словами. Мне не приходило в голову винить в этом себя. Больше мы не виделись, лишь года четыре назад я заехал повидать ее по дороге на ярмарку в Цинциннати. Мы не переписывались, не обменивались рождественскими открытками, не перезванивались. Ее адреса не было в моей записной книжке. Тетушка Бетт. Ей было, наверное, семьдесят пять, может, чуть больше она жила совсем одна в своем доме, а вокруг там всюду шла реконструкция. В этом районе кроме нее осталось еще только с полдюжины старожилов. Добрая старая тетушка Бетт, сказал я себе и после этого смог спокойно заснуть.

Когда я последний раз видел тетушку Бетт, ее дом нуждался в

ремонте, и она сказала, что уже наняла для этого человека. Теперь, не заметив и следов ремонта, я понял с запоздалыми угрызениями совести, что она никого и не нанимала, возможно, у нее и денег-то на это не было. Домик постепенно разваливался. Тетушку Бетт я нашел более дряхлой, чем ожидал, выглядела она лет на восемьдесят. Она выращивала на клумбах цветы, держала крошечный, заросший сорняками огородик, но остальная земля на участке в два акра заросла куманикой, кустарником, сосенками и молодыми дубками. С двух сторон за ручейком, огибающим сад, и позади дома участок ограничивала высокая проволочная изгородь, за которой виднелись какие-то современные строения.

Тетушка Бетт встретила нас радостно и тут же принялась распоряжаться и хлопотать.

— Ну конечно же, вы погостите у меня, — сказала она. — Уин, дорогой, не сходишь ли ты наверх, посмотреть, проветрено ли там в спальне? Если бы ты заранее дал знать...

И все в том же духе: короче, она рада оставить нас у себя пожить сколько захотим.

Я сказал ей, что девочка — дочь Джои Маркоса, что с его женой произошел несчастный случай, она будет несколько недель в больнице, и ребенка не на кого было оставить. (Сегодня этот ребенок сказал мне, что ее зовут Алиса. Значит, Алиса Маркос).

— Я подумал, что могу на недельку-другую поселить ее у себя, — закончил я. Девочка внимала в молчании, пока я придумывал ей отца, мать и детство в нью-йоркской квартире.

— Ты ее собираешься оставлять одну на весь день в своем огромном доме, пока будешь ходить на работу? Уин! Так не обращаются с маленькими детьми. Ну-ка, Алиса, помоги мне приготовить Ужин.

За завтраком на следующее утро девчонка объявила, что сегодня ее зовут Мери. Я обомлел, но тетушка Бетт поддакнула:

— Хорошо, Мери так Мери. Мне это имя нравится, я его всегда любила. Не хочешь ли ты помочь мне помыть посуду?

Можно перевести дух...

Я составил список того, что первым делом нужно было сделать в доме тетушки Бетт. Зашпаклевать окна, заменить два оконных стекла, поправить перила у крыльца. Список получился длинный. Я проверил запасы продуктов тетушки Бетт, и мне пришлось писать перечень покупок — он вышел еще длиннее. Тетушка Бетт не могла даже предположить, какой аппетит был у этой маленькой девочки.

Тетушка занялась ее образованием.

— Она не может отличить бисквит от булочки, — говорила она с возмущением. — А гладиолус от циннии. О чем они вообще думали, держа ее в таком невежестве!

После полудня я стоял на приставной лестнице и шпаклевал окно, когда услышал как тетушка Бетт говорит ей названия цветов: лилия, маргаритка, «Сасси-Франси» — камнеломка, жимолость — «Биззи-Лиззи», анютины глазки.

Потом они отошли дальше, разобрать отдельные слова стало трудно.

Позже я видел с крыши, как она бежит туда-сюда и все изучает. Красный свитер, волосы сзади перевязаны красной лентой — она была похожа на редкостную тропическую бабочку в золотом свете солнца; бабочку, которая то замирает, то перепархивает с места на место, сверкая крылышками.

Она поглощала одну книгу за другой с угрожающей скоростью. Дети тетушки Бетт оставили наверху целый ящик книг, книги были и в подвале, и на чердаке. Было ясно, что этот ребенок намеревался прочесть их все без исключения. Прочитанное и услышанное накрепко оседало в ее памяти. Ее образование, каким бы хаотичным оно ни было, продвигалось со скоростью света. И еще она росла. Занимаясь ремонтом дома, я раздумывал, что мне с ней делать.

Я подстриг траву на лужайке и застеклил окна. Починил крышу и поправил калитку, законопатил и замазал щели, но проблема — что делать с ребенком? — так и оставалась нерешенной. Я начинал приходить в отчаяние — ведь мне пора было возвращаться домой, к моей собственной жизни, в мой офис, в мою компанию.

Мы прожили у тетушки шесть дней, когда появилась первая за все время посетительница.

— Дома ли миссис Маркхэм? — спросила она. Это была женщина лет пятидесяти. Ее одежда и ее «бьюик» свидетельствовали о прочном положении. Она поглядывала на меня с нескрываемой враждебностью.

— Вам тетушку Бетт? Она где-то там, за домом.

— О, а я подумала, что вы один из ее сыновей.

Я красил крыльцо и приостановил работу, ожидая, пока она уйдет, но вместо этого она сделала пару шагов ко мне.

— Меня зовут Хэдли Прюитт, — сказала она. — Я добровольный работник службы помощи престарелым. Сказать по правде, мистер...

— Уинстон, — подсказал я.

— Мистер Уинстон, нас чрезвычайно беспокоит то, что ваша тетя живет здесь одна. Я написала обоим сыновьям, но, кажется, ни один из них не в состоянии убедить ее покинуть дом и переселиться в более подходящее место. Она не должна быть одна, мистер Уинстон. Не в таком возрасте. И ей некого пригласить жить у себя.

— Куда же вы прикажете ей переселиться? — Я представил себе реакцию тетушки Бетт на любые предложения этой женщины. А что касается Боба и Тайлера, они оба могли бы очаровать Хэдли Прюитт своей изысканной вежливостью, но в конце концов посчитались бы с мнением своей матери.

— Есть специальные дома, построенные правительством — Хэдли Прюитт теперь сияла, она разговаривалась. — Я имею в виду дома для престарелых. У нее крошечная пенсия, но в этих домах плата как раз подходит для таких жильцов.

— Я передам ваше предложение, мэм, — сказал я очень вежливо. Ее лицо снова приобрело высокомерный вид.

— Раз у нее гости, не стану ее сегодня беспокоить. Прощайте, мистер Уинстон.

Я проводил взглядом ее машину и продолжил красить. Своим посещением она, однако, подала мне идею, которая могла сработать. Я пошел не задний двор чистить кисточки и увидел тетушку Бетт на крыльце в старом кресле-качалке, ноги на солнышке. Глаза закрыты, а рядом примостился на ступеньке ребенок. Я поманил девочку, прижав палец к губам, чтобы не разбудить тетушку Бетт.

— Я не сплю, — сказала та, выпрямляясь в кресле. — Я пытаюсь разгадать загадку. Что имеет восемнадцать ног и биты?

Девочка наблюдала за ней со сдержанным ликованием. Она нашла книгу загадок и как раз изучала ее вместе с тетушкой Бетт, которая

всегда была азартным игроком.

— Сдаюсь, — наконец произнесла тетушка.

— Бейсбольная команда! — Девочка расхохоталась, и тетушка Бетт засмеялась вместе с ней.

— Как тебя сегодня зовут? — спросил я девочку.

— Я уже говорила. Не помнишь?

— Скажи еще раз.

— Нетушки. Угадай!

Тетушка Бетт подмигнула ей, встала и пошла в дом. Я подождал, пока за ней закроется дверь, и затем спросил:

— Если тетушка Бетт согласится заботиться о тебе, ты не останешься у нее на некоторое время?

— Ты что, уезжаешь? — спросила она, внезапно становясь серьезной.

— Мне вскоре придется. Видишь ли, у меня работа, люди, которые меня ждут. Я не могу отлучаться надолго, а взять тебя с собой я тоже не могу. Тебя тогда выследят.

— Меня зовут Франси, — сказала она, глядя вниз на свои новые туфли.

— Сасси Франси? — спросил я с улыбкой. Она замотала головой.

— Просто Франси.

Я обнял одной рукой ее застывшую маленькую фигурку, и через мгновение она уткнулась лицом в мое плечо.

Я погладил ее по волосам.

— Я бы очень хотел тебя взять с собой, — сказал я мягко.

— Ничего страшного, — проговорила она невнятно.

Я подождал до вечера, и, когда девочка уснула, заговорил с тетушкой Бетт, которая выглядела встревоженной.

— Что с ней такое, Уин? Ведь она не дочка Джои Маркоса, верно? Это твой ребенок?

— Нет. Я бы хотел, чтобы это было так. У нее какие-то проблемы с ростом, гормональные или что-то в этом роде. Это не поддается лечению. Все, что ей нужно — это место, где бы она себя не чувствовала лишней и была в безопасности. Представь, ведь если бы она ходила в школу, то быстро переросла бы всех в своем классе, ее бы задразили, издевались бы над ней.

Она серьезно кивнула.

— Да, я могу себе представить. Но чей это ребенок? Откуда она?

— Я не знаю точно, — сказал я после паузы. Потом выпалил: — Она найденный, за ней теперь охотятся ученые, чтобы разгадать, что с ней происходит. Это все, что мне известно.

Это было достаточно близко к правде.

— Я тебя знаю с того дня, когда ты родился, — сказала тетушка. — Скажи мне честно, Уин. Ты сделал что-то непорядочное?

Я покачал головой.

— Я сделал что-то, чего мне, возможно, не следовало делать — спрятал ее, привез сюда, но ничего больше.

Озабоченное выражение все еще не сходило с ее морщинистого лица.

— Ты знаешь, что в марте мне исполнится восемьдесят? Восемьдесят, — повторила она задумчиво. — Я не думаю, что еще долго пробуду в этом мире, Уин. Поэтому мой дом не станет для нее настоящим.

— Я не думаю, что дом ей понадобится надолго, — медленно проговорил я.

— Ну что ж, тогда возможно, все обойдется. Возможно. Я буду о ней хорошо заботиться, сынок.

Мы поговорили о деньгах — деликатный вопрос. Если бы я предложил слишком много, тетушка Бетт оскорбилась бы, поняв, что становится объектом благотворительности, но денег должно быть достаточно, чтобы она не разорилась. Девушка вырастала из одежды в считанные недели и обладала зверским аппетитом. К тому же нам нужно было поддерживать связь, мне необходимо было знать, что с ней происходит. Джои Маркос будет связным, решил я.

Когда все было обговорено, тетушка Бетт поднялась, чтобы идти спать. Подойдя к двери, она еще раз оглянулась и остановилась.

— Я знаю, зачем я это делаю, Уин. У меня здесь никого нет, и я, видишь ли, уже успела привязаться к девочке. Она могла бы быть моей внучкой. Но тебе-то это все зачем?

— Ей просто нужна была помощь, и я как раз оказался там в нужный момент.

Тетушка Бетт изучала меня еще несколько мгновений, потом двинулась в свою комнату — мои слова явно ее ни в чем не убедили. «Зачем?» — задал я себе тот же вопрос, сидя один в гостиной. В мире миллионы детей, которые нуждаются в помощи, Атланта просто наполнена ими. Я давал деньги на хорошие дела, на благотворительность, исполнял таким образом свой гражданский и моральный долг и потом пытался выкинуть все это из головы — и большую часть времени глобальные проблемы меня не волновали. Так почему же? Потому что я полюбил ее? Может быть, но не тогда, когда я увез ее на одолженной машине. Тогда я никак не мог успеть к ней привязаться, да и сейчас я не был уверен, что так уж ее люблю.

Мне мало кого доводилось пока любить по-настоящему. К тому же я еще был достаточно молод, чтобы успеть завести дюжину собственных детей, так что тут дело было не в простом желании стать отцом. Я мог бы жениться в течение недели, я знал это, и стать отцом естественным образом через год. Я не нуждался в приемной дочери. Так в чем же дело?

На следующий день я в последний раз повел ее за покупками. Мы купили кое-что для нее, а потом еще кучу того, что, по ее мнению, «понравилось бы ее старшей сестре». Я купил им новый телевизор и оплатил кабельные программы за шесть месяцев вперед. Я купил ей компьютер, несколько программ к нему, полдюжины компьютерных книг и в тот же вечер дал ей несколько простейших уроков на компьютере, которые прошли так же, как проходили все остальные. Она с одинаковым успехом заучивала имена цветов, названия африканских племен и компьютерные программы.

На следующий день я сел за руль и отправился в Нью-Йорк. Мы не стали особенно тянуть с прощанием. Никто не плакал. Но когда я посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел хрупкую старушку, держащую за руку ребенка, для которого слово «возраст» не имело никакого значения, мне захотелось плакать. Да, мне захотелось плакать.

В Нью-Йорке я вернул Джои все, что ему принадлежало, и мы долго-долго беседовали. После этого Уинстон Ситон снова вернулся в мир. Я вылетел домой.

Меня встречала почетная делегация из одного человека — специального агента Джеймса Хэнрэхена.

Он сказал, что мистер Керш хочет поговорить со мной, если я не

возражаю. Я сказал, что, конечно, не возражаю, и мы подъехали к зданию ФБР, где я прождал три часа. Комната была относительно комфортная, с двумя диванами, кофеваркой, журналами — все удобства, кроме телефона.

Я вытянулся на одном из диванов и стал дремать. Поначалу это была просто бравада — до чего мне на них наплевать, но я на самом деле уснул, а когда проснулся, Керш стоял надо мной.

— Сукин ты сын, — хрипло сказал он. Он пересек комнату и открыл дверь.

— Пойдем.

Эта дверь, ранее закрытая, вела в обычный кабинет с канцелярским столом и несколькими креслами, ничего особенного.

Он указал на кресло, а сам сел за стол. Вынул диктофон, но не включил.

— С глазу на глаз, — сказал он. — Как ты выбрался с острова? Где ребенок? Кому достался ребенок?

— Нет уж, мистер Керш, — ответил я, — делайте запись. Давайте уж лучше будем все записывать.

Он нажал кнопку на диктофоне.

— У меня было много свободного времени последние две недели, — произнес я. — Я подумал, что было бы интересно написать небольшой отчет о наших разговорах, что я и сделал, засвидетельствовав, что ребенка, которого я видел, было три-четыре года, то есть он был слишком большой и не может быть одним из двух детей, которых вы ищете. Я уверен, что мистер Милликен будет в ярости, когда узнает, что ФБР использует его личную трагедию как ширму для своих происков, а моих корреспондентов позабавила бы история о том, как все силы ФБР брошены на охоту за ребенком, который прячется от них на пляже. Я думаю, что люди, которым я послал копии отчета, разделят мое мнение по этому поводу. Я сказал им, что вернусь сегодня обратно в город, и, если по каким-либо причинам не объявлюсь больше, просил их открыть запечатанные конверты и прочитать ту сказочку, которую я записал.

Его это не впечатлило.

— Вы смотрите слишком много фильмов. Но вот о чем в них не говорится: у нас преимущество во времени. Через неделю, через месяц, через год — времени у нас достаточно. Мы найдем ребенка, можете быть уверены. А к вам в любой момент может подойти наш человек, чтобы задать тот или иной вопрос и выяснить пару пунктов. Вам вряд ли понравится, мистер Ситон, когда вы не будете знать, кто сидит за соседним с вами столиком — может быть, агент с очередным вопросом. А теперь что касается ваших показаний...

Что касается моего прежнего заявления, то я все подтвердил. Я сказал тогда правду, и теперь не было никаких причин что-либо оспаривать. Но я отказался говорить о том, как уехал из города, какой дорогой, видел ли еще раз ребенка.

— Обвините меня сначала в чем-нибудь и позвольте позвонить моему адвокату, — сказал я наконец после четырех часов допроса. — Я хочу получить обратно мою машину и все, что мне принадлежит. Так что если мы закончили... — Я поднялся.

Я знал, что Керш наверняка так же устал и так же раздражен, как и я, но его гладкое лицо оставалось невозмутимым. Он выключил диктофон и откинулся в кресле.

— Мы очень не хотим, чтобы ее гены попали в генофонд нации, — прокомментировал он. — Плохая добавка, очень плохая. Ты ее спрятал где-то, но она не одна. Наступает зима. Она живет у кого-то. Мы выясним у кого, Ситон. Как я сказал, у нас есть время. Ты свободен.

В Атланте трудно поймать такси, мне пришлось пройти несколько кварталов до отеля «Карлтон» — я знал, там я смогу взять машину, — и по дороге раздумывал, кого из моих знакомых они будут допрашивать. Всех моих друзей в Атланте, служащих моей компании, родственников. Мою бывшую жену Сюзен и Стива Фалько в Лос-Анджелесе. Когда-нибудь они дойдут и до Джои, моего лучшего школьного друга. Доберутся ли они до тетушки Бетт? Пока я не видел, каким образом они это могут сделать. Она была подругой моей матери, а не моей, и она не была мне родственницей. Потом до меня дошло, что Керш ожидал, что я стану нервничать, попытаюсь войти в контакт с кем-нибудь, чтобы предупредить. И следом зловещая мысль: Керш-то как раз и рассчитывал, что я разгадаю его намерение. Он играл со мной, пытаясь заставить меня нервничать. И не без успеха.

Я снова вернулся к своей прежней жизни, словно ничего не изменилось. Все в офисе сгорало от нетерпения узнать, почему ФБР вызвало их на допрос, а я сказал, что был не менее озадачен, чем они. Грэйси, моя секретарша, предположила, что я ограбил пару банков на севере, и понимающе улыбнулась, это меня взбесило.

Грэйси была расторопной, иначе бы она здесь не работала. Со своими обязанностями она справлялась прекрасно. Но она любила к тому же покрасоваться своим остроумием. Я ничего не мог с этим поделать. Если бы я приказал ей перестать демонстрировать свою чертовскую проницательность, она бы надулась, хотя и весьма очаровательно. Через день-два все уже потеряли интерес к истории с ФБР, и потянулась обычная работа.

Прошла неделя, я много работал, чтобы наверстать упущенное, брал работу на дом, оставался в офисе сверхурочно.

Если они наблюдали за мной — а они наблюдали, конечно, — им нечего было доложить. В следующую субботу Керш посетил меня. Я работал в домашней фотостудии, одет был в старый свитер, еще более старые теннисные туфли и джинсы. Я открыл дверь, и он стоял передо мной со своим дипломатом.

— Что тебе еще нужно, Керш? Я занят.

— Похоже на то. Ну и житуха у тебя, такой дом, работаешь в удобной домашней одежде. Я привел твою машину. Настоящая милашка.

Он передал мне ключи, переступая порог.

— Приятно здесь у тебя, — сказал он. — Великолепны эти старые дома, правда?

Он заглядывал в гостиную через мое плечо.

— Хочешь обыскать?

— Да нет, незачем. Мы знаем, что ты один. Просто люблюсь. Не против, если я осмотрю твою студию?

Я пожал плечами и повел его через широкий холл в тот, что поуже, а потом в одну из задних комнат, которая раньше была то ли верандой, то ли швейной комнатой. В ней были широкие окна без занавесок. Даже сегодня, в пасмурный день, там было светло. Здесь стоял мой стол с пирамидами пробных отпечатков, рукописей, писем. Этот большой чертежный стол был просто похоронен под грудями и кипами материалов,

но маленький столик для рисования был относительно свободным. На полке стояли акварельные краски, к которым я не прикасался несколько лет. Как раз за легким столиком я и работал, ретушируя фотографии, когда Керш позвонил, — вообще-то это не входило в мои обязанности, брюзжал я, но все равно никто больше не мог это сделать по-человечески.

Я стоял посреди комнаты и наблюдал, как Керш все это примечает. Наконец он кивнул.

— Настоящая мастерская, да? Я тебе кое-что принес показать, если смогу здесь развернуть.

Он достал рулон бумаги из дипломата, и я освободил ему столик, поставив кое-какие вещи на пол.

Он ухмыльнулся, и выражение его лица сразу стало другим. Я уже был знаком с его способностью становиться старше или моложе, меняя выражение лица.

Он развернул бумагу и разложил ее.

— Ты должен разбираться в таких вещах лучше меня, — сказал он, будто извиняясь. — Вот какие предположения строит кое-кто из наших специалистов.

Передо мной лежал обыкновенный график.

— По вертикали идет возраст, соответствующий определенной стадии физического развития, — показал он. — А по горизонтали — время, месяцы. Видишь? — Он отодвинулся и внушительно посмотрел на меня. — Есть уже и более точные графики, по дням, но ничего — сойдет и этот. В этой точке она родилась: день ноль, месяц ноль, год ноль. Мы просто обозначили точки, соответствующие показаниям приемной мамы, у которой этот ребенок находился в месячном возрасте, показания той женщины, Форбуш, у которой она была в шесть месяцев, ваш отчет, когда ей было восемь месяцев... Вот эти точки.

— А эти линии? — спросил я. Мои ладони вспотели. Понятно, что могли означать линии, проходящие через эти точки.

— Ты ведь и сам понимаешь, — пожурил он. — Есть небольшое разногласие между разными прогнозами, так что здесь версии разных экспертов. Например, между точкой, когда ей было шесть месяцев, а она по развитию была полуторагодовалым ребенком, и до момента, когда ты ее встретил и ей было на вид три-четыре года, линия идет довольно круто. Они выбрали эти факты как опорные для прогнозов, хотя некоторые наши эксперты думают, что она подверглась стрессу, что вызвало такой аномально резкий скачок роста. Ну, авиакатастрофа, Макс и его подружка, потом эти прятки в одиночестве на пляже. Стрессов тут достаточно. Так или иначе, вот ее линия роста, вот здесь она достигнет физического развития двенадцатилетней, когда ей будет семнадцать месяцев. Но если взять другой прогноз, то в два с половиной года.

Были и другие линии, и Керш что-то объяснял мне, но все это было не важно. Главное — если все эти предположения были хоть сколько-нибудь похожи на правду, то где-то между полутора годами и двумя с половиной она должна была достигнуть подросткового возраста.

Он снова свернул график.

— Тут есть некий секрет, может быть, новый способ метаболизма. Какой-то гормон, фермент, химическое соединение. Что за питательная добавка была в той плаценте, чтобы вызвать такой быстрый рост всего за несколько часов? Ведь это вещество можно было бы вводить домашнему скоту. Или использовать для лечения рака. Умники в белых халатах

отдали бы все на свете за эту девчонку. Поверь мне, Ситон, они и волоска на ее голове не тронут. Черт, она же умрет от старости к шести годам! Им она нужна сейчас. Конечно, они бы предпочли, чтобы она досталась им живой, и даже позволили бы ей иметь детей — под их наблюдением — но лучше было бы получить ее мертвой, чем позволить ее породе бесконтрольно размножаться.

В его глазах снова появился странный отблеск. Фанатизма? Усердия? Искренней тревоги? Утомления? Что бы это ни было, истинную причину своих чувств он умело скрывал.

— У них нет никаких доказательств, и ты об этом знаешь, Керш. Их гипотезы ничего не стоят, так что пусть себе мечтают.

— Пока ничего не стоят. Но так будет не всегда. Подумай, какой это был бы переворот, если бы женщины смогли рожать детей вот так легко, хоть каждые несколько месяцев. Ни боли, ни усилий. Черт, подумай только, как изменились бы отношения между полами. И ведь через пару лет секрет был бы доступен любому. Ты можешь составить свой собственный график. Подумай об этом, Ситон. Еще увидимся.

Я мог сам нарисовать эту диаграмму, подумал я, когда он ушел. И — Господи, помоги нам всем — во многом он был прав. Я снова вспомнил, как он сравнил ее с динозавром на пляже, и тут обнаружил, что моя рука рисует динозавра на листе бумаги, потом еще одного, и еще, пока мой пляж не оказался заполненным динозаврами.

У одного из них рот был открыт, виднелись острые треугольные зубы, и он смотрел на скалу, по которой бежала, спасаясь, испуганная мышка. Я уставился на эту картинку и, наконец, нерешительной рукой, пририсовал овал и написал в нем большими, жирными буквами: «И что же вы собираетесь делать?»

Чего ждал Керш? Он уже знал, что у меня не было ни малейшего желания сотрудничать с ним. Я читал кое-какие романы, смотрел фильмы я знал, что у них есть способы получить информацию от кого угодно, если им понадобится; Керш предупредил меня, что они применят любые средства, если время начнет поджимать. Почему он это сказал? Он мог ставить на то, что я запаникую, попытаюсь послать ей сообщение и снова пущусь в бега. А ему удастся перехватить это мое сообщение. Возможно, это было частью игры. Но главная игра, я был уверен, заключалась в том, что они до сих пор использовали меня как наживку, они держали меня на крючке и дергали за удочку, чтобы в конце концов рыбка клюнула. У меня не было никаких сомнений, что они просматривают мою почту и прослушивают телефонные разговоры. Каждого, с кем я разговаривал, брали на заметку — каждого, с кем я вместе обедал, ходил на вечеринки или в театр.

Постепенно я стал выпадать из своего окружения в Атланте. Я ссылался на загруженность, усталость, все, что приходило в голову. Несправедливо было бы вмешивать кого-то еще в эту историю. Я снова стал рисовать и даже поэкспериментировал с акварелью, а игра в кошки-мышки продолжалась.

Джои приехал в город навестить родителей, как он делал обычно, и мы, как всегда, вместе пообедали. Я передал ему большой пакет, адресованный тетушке Бетт и попросил его отправить письмо из Нью-Йорка. Никаких вопросов. Внутри была тысяча долларов чеками и еще один конверт поменьше для девочки. Я колебался, не зная, как к ней обратиться, какое имя она себе выбрала в последний раз, но наконец

написал «Франси». В этом письме я объяснял, что опасаюсь остаться объектом слежки до конца жизни, и чтобы она никогда не пыталась связаться со мной напрямую. Я предупредил ее насчет СПИДа, герпеса, наркотиков, мужчин... Я рассказал ей все, что знал, о ее раннем детстве и о разнице между нею и другими детьми. Я написал, что до июня она должна переехать куда-нибудь, и я не должен знать куда. Я молил, чтобы они подождали до июня.

В письме было много родительской тревоги и прочей чепухи, так что я сам над собой посмеялся, но я все-таки все это написал, и Джои забрал конверт, чтобы отправить по почте.

В феврале я отпраздновал ее день рождения один на один с бутылкой шампанского. Я не мог даже как следует поднять за нее тост, потому что не знал, какое у нее сейчас имя.

В апреле — был вечер субботы, и я сидел дома — зазвонил телефон.

— Уин, — сказала она. — Тетушка Бетт умерла в понедельник, мы похоронили ее в среду. Я уехала. Все будет в порядке. Просто хотела, чтобы ты знал. Спасибо тебе, Уин. Спасибо тебе.

И все. Пошли гудки, я в оцепенении уставился на стену за телефонным столиком.

Часа не прошло, как заявился Керш.

— Кто такая тетушка Бетт? — выпалил он. Я рассказал ему. Он изучал меня несколько мгновений с каменным лицом и тем же блеском в глазах.

— Ты толкнул ее на улицу, Ситон. Она в Нью-Йорке. Это такие девчонки как она, смазывают колесики, которые приводят город в движение. Как ты думаешь, сколько парней ей надо завтра обслужить, чтобы заработать на обед?

Мне хотелось его убить.

Зима сменилась весной, весна — летом, вся история отошла куда-то в незапамятные времена. Так все и шло. Я выкинул ее из головы — какой она теперь стала, большой, взрослой, как ей живется, чем она зарабатывает на жизнь, не разыскали ли они ее? Иногда несколько часов подряд я не думал о том, какое имя она себе выбрала сегодня.

Август, знойный месяц, ознаменовался грозами и бурями, теплая завеса тумана поднималась над мокрым асфальтом, мягко обнимая прохожих.

Тогда ко мне снова наведалься Керш. В руке он нес легкую куртку, рубашка и лицо влажные от пота.

— Ты продаешь дело? — спросил он прямо с парадного крыльца.

Я пригласил фэбээровца в дом, хотя и там кондиционер не мог избавить воздух от влажности, только чуточку умерял ее. Но после улицы первые минуты было приятно.

— Итак?

— Слышал, ты получил заманчивое предложение, — сказал он и проследовал за мной в гостиную, где уселся в кожаное кресло и вздохнул. — Терпеть не могу жару, — объяснил он.

— Что тебе нужно?

— Ничего. — Он поднял руку. — Честное слово, Ситон, ничего. Просто услышал, что ты продаешь свой бизнес.

— Может быть. Еще не решил.

— Ты, видно, не принадлежишь к тем, кто решает все с бухты-

барахты, как говорится, — заметил он. — А ее все еще не нашли.

Я пожал плечами.

— Хочешь чаю со льдом?

— Да, было бы здорово.

Он последовал за мной на кухню и понаблюдал, как я готовлю чай.

— Мы не хотим прерывать с тобой связь, — сказал он как ни в чем не бывало. — Ну, ты понимаешь, давай поддерживать дружбу, все такое. Что, устал от бизнеса?

До смерти устал, подумал я, но ничего не ответил. Я выжал лимон, добавил капельку сока и вручил ему стакан. Устал от сроков, плохих фотографий, задержек в выполнении заказов. Меня раздражала некомпетентность. Меня тошнило от необходимости вести дела. Устал. За последние два года я получил три неплохих предложения, и то, о котором Керш разузнал Бог вещь как, было самым заманчивым.

Большие корпорации не любят сами создавать новые компании, это всегда рискованно, но они любят приобретать эти компании, когда те уже крепко стоят на ногах.

Все, о чем я мечтал, было загрузить вещи в мою «Пташку» и ехать, ехать, ехать вперед. То там, то здесь фотографировать, делать наброски, а потом отправляться дальше.

Очень вежливо я подождал, пока он допьет чай, и потом спросил:

— Я так понимаю, ты пришел, чтобы передать это сообщение? О том, чтобы поддерживать связь? Это все?

Он осушил стакан и поставил его.

— Я считаю так: ее уже нет в живых. Шесть недель в Нью-Йорке для неопытного ребенка, такого как она, — это целая жизнь.

Это вариант номер один. Второй вариант: ее завербовали. Они любят вербовать таких, молоденьких. Те никогда уже потом не отобьются от рук. Третий вариант: она больна, подцепила уже полдюжины болячек. Морг, больница, тюрьма — ее везде поджидают. Мы думаем, она объявится в одном из этих мест. Если нет, то она может захотеть обновить ваше старое знакомство. Когда она будет больна, или разбита, или обижена. Вот что я хотел сообщить. Просто будем поддерживать связь. Увидимся, Ситон Я сам найду выход, не провожай.

Я и не собирался его провожать. Я никому не говорил об этом последнем деловом предложении, но они все-таки узнали. Так что же еще? «Что еще им оставалось узнать?» — спросил я себя с горечью. Те три варианта, которые он мне изложил, казались вполне реальными, и, конечно, они бы опять первыми обо всем узнали.

Август в Атланте — месяц ураганов, ураганы проносятся над побережьем, обрушивая водопады ливней. Во время нынешнего наводнения уровень воды на улицах за шесть часов достиг двух дюймов, и, как обычно, город затопило. Транспорт стоял, самолеты не взлетали.

Я стоял у окна в своем офисе, наблюдая за расходящимися от автомобилей сотрудников кильватерными волнами. Все торопились успеть домой до того, как наводнение наберет силу. Грэйси уже ушла, Фил тоже, здание быстро пустело. И тут зазвонил телефон. Я никогда не следовал официальной процедуре ответов на звонки.

Я просто сказал:

— Алло.

— Ты ли это, Уин, дорогуша? Я уж думала, не найду никого из знакомых.

— Кто это? — спросил я. Томный шепот в трубке меня раздражал.

— Дорогуша, а ты говорил, что никогда не забудешь! Это Франси, милый. Я тут застряла в аэропорту.

Франси. Я закрыл глаза и уцепился за телефон, будто бы он мог спасти меня, словно подо мной вдруг разверзлась бездна.

— Я подумала, может быть ты сможешь сюда добраться, — продолжала она с хрипотцой, маняще. — Мы тут на мели, и неизвестно, когда взлетим. Я сняла комнату в отеле аэропорта, но я здесь совсем одна.

«Меня зовут Франси», — сказала она тогда. «Сасси Франса?» — переспросил я. «Нет, просто Франси».

— Если ты не можешь, — продолжала она, — ну, действительно не можешь, ничего, радость моя. Я просто решила, что здорово было бы снова встретиться, раз я здесь. Ну, знаешь, поболтать о старых добрых временах. — Ее смех звучал непристойно. — Ты ведь после того уж не заглядывал в Новый Орлеан, правда?

— Правда. Слушай, я приеду к тебе, как только смогу выбраться отсюда. Здорово будет увидеть тебя через столько лет.

Она снова рассмеялась, сказала мне, в каком баре будет меня ждать, и повесила трубку.

Меня прошиб холодный пот, руки дрожали. Глубоко вздохнув, я попытался собраться с мыслями. Телефон прослушивается, и, конечно, кто-то из агентов подоспеет туда как пить дать. Заберут стакан, который она держала, стол и стул, исследуют отпечатки пальцев, сличат их...

Я же наказал ей держаться от меня подальше, подумал я с яростью. Вот этого-то момента они и дожидались. Но они вряд ли будут ассоциировать ее с таким голосом, спорил я сам с собой, это голос типичной шлюхи из Нового Орлеана. Они будут искать подростка, совсем молодую девушку. Им известно, как долго я уже не встречался с женщинами. Если бы я не пошел на свидание, это выглядело бы еще более подозрительно, — они ведь слышали этот телефонный стриптиз. Может быть, мне удастся стереть отпечатки, узнать, зачем она приехала, и снова ее отослать...

Я добрался до места быстрее, чем ожидал; большинство людей направлялось в город, а не в аэропорт, — многие рейсы отменили. Порывы ветра достигали сорока — пятидесяти миль в час, а дождь лил такой, что до полуночи уровень воды должен был бы подняться еще дюйма на два. То как она выбрала время, нашла предлог для звонка, — все было идеально спланировано, а при виде ее все сомнения и опасения отпали: она выглядела как высокооплачиваемая нью-орлеанская девушка по вызову. На ней были черные кружевные чулки, перчатки в тон, узкая блестящая мини-юбка, блузка с низким вырезом и воланом. Волосы черные, длинные и густые. Она взмахнула фальшивыми ресницами, поднялась с высокого табурета в баре. Все мужчины провожали ее взглядами, пока она скользящей походкой шла мне навстречу.

Я почувствовал себя так неловко, как будто зашел в бордель, а там оказалось полно учителей из моей воскресной школы. Она засмеялась и взяла меня под руку.

— Расслабься, котик. Давай выпьем немного, а потом найдем местечко поукромнее, где сможем... поговорить.

Один из мужиков невдалеке расхохотался и повернулся к своему товарищу, сказал ему что-то и тот тоже заржал. Мы с Франси нашли

столик.

Подошедший бармен назвал ее куколкой, а она его — красавчиком. Она заказала перье и потом проворковала:

— Ну-ка, проверь мою память, Уин, милый Ты ведь пил «Гибсон», водку «Гибсон». Так?

Я кивнул, и она рассмеялась, подмигнула бармену и сказала:

— Я никогда не забываю важных вещей.

Как только он ушел, я наклонился вперед и прошептал.

— Нам нужно уйти отсюда. За мной следят.

Она поцеловала кончик своего пальца и прикоснулась им к моим губам, улыбаясь.

— Вы, деловые люди с севера, всегда спешите. Такие импульсивнее. Дай я тебе сначала расскажу, как я прилетела, Уин, дорогуша. Я в жизни так не пугалась, самолет начал дергаться вперед и назад, вверх и вниз. Нет уж, ты меня теперь палкой на самолет не загонишь — до тех пор, пока не закончится буря и не выглянет солнышко и все такое. А я думаю, это будет не раньше завтрашнего утра, как, Уин?

Она прекрасно вошла в роль, этого я не мог не признать. Она говорила низким голосом, строила глазки другим мужчинам в баре, а как она самым возмутительным образом заигрывала с барменом! И ее лексикон! Она позаботилась даже о том, чтобы не оставить отпечатков пальцев. Я выпил «Гибсон», и она допила свою воду, и наконец мы были готовы идти. Она взяла мою руку, обернула ее вокруг своей талии, и так мы проследовали к выходу. Великолепно.

В ее комнате я поспешил задвинуть шторы, а она включила радио и покрутила его, пока не поймала тяжелый рок, а затем села на край кровати. Медленно она стянула черный парик и потом отлепила свои фальшивые ресницы. Ее волосы, короткие, каштановые, вились крупной волной. Глаза были золотисто-карие.

— Почему ты здесь? — тихо спросил я. — Что-нибудь случилось?

Она покачала головой.

— Мне нужно было тебя увидеть, и чтобы ты увидел меня, вот и все. Тетушка Бетт умерла, Уин.

— Знаю. Куда ты потом уехала? Как тебе жилось?

— Она отдала мне большую часть тех денег, что ты прислал, и у меня были еще те деньги, что ты послал мне отдельно. Собралась большая сумма. Она просила меня поблагодарить тебя. Взяла с меня обещание, что я скажу тебе спасибо от ее имени.

Мне очень хотелось обнять ее, притянуть к себе, утешить, но она уже не была тем ребенком, которого я нашел в Атлантик-Сити. Я чувствовал, что я не могу дотронуться до этой молодой женщины. Мы разговаривали тихо, и я едва различал слова, когда она рассказывала, как ей жилось.

— Там была школа для девочек, знаешь, где ученицы носят форму. Я купила такую же форму, и на меня там никто не обращал внимания. И там недалеко было большое здание, где люди ночевали в вестибюле, под ступеньками, и я тоже спала там.

Меня передернуло, но она тут же прибавила:

— Это было не так уж плохо. Я купила зубную пасту, такую, без запаха и вкуса, и я ее немного жевала, смешивала со слюной и могла выпускать пену изо рта, и ко мне никто не приставал. Я еще научилась забавно закатывать глаза, вот так.

Она стала вращать глазами, выглядела она при этом вполне

слабоумной.

— О Боже, — пробормотал я, опустив голову.

Успокаивая, она коснулась моего плеча, но тут же одернула руку. — Все было нормально, — сказала она мягко. — Честно, нормально. Когда я еще немного выросла, то купила другую одежду и стала болтаться около университета. Мне даже комнату там удалось снять, и после этого все действительно наладилось. Я ходила в библиотеку и много там читала. Я все еще продолжала изменяться — ну, росла. Не то чтобы выше становилась, просто более зрелой, что ли. И я стала думать о тебе и о том, как я хотела бы тебя снова увидеть...

Ее голос замер.

После паузы я указал на парик, который лежал на кровати.

— Где ты этому научилась?

Она засмеялась грустным смехом.

— Что, здорово у меня получилось? Я же читала кое-что, смотрела кино, ну и наблюдала за женщинами на улице, за их походкой, как они разговаривают с мужчинами.

И никогда ничего не забывала, добавил я про себя, когда она снова замолчала.

Я поднялся, подошел к окну и приподнял немного занавеску. Дождь лил все сильнее.

Вне всякого сомнения, дорогу из аэропорта через пару часов совсем зальет. Я снова опустил штору и повернулся к ней.

— И что теперь?

Было ясно, что ей больше не нужна помощь. Может быть, немного денег, но и только. Она могла бы поехать куда угодно, стать кем угодно. Выбор был за ней.

— Я не знаю, — сказала она так тихо, что на этот раз я не смог услышать ее ответ из-за орущего радио, но прочитал по движению ее губ и вспомнил, как она беззвучно произносила незнакомые слова из книг меньше года назад.

Она порывисто встала, прошла через комнату и взяла меня за руку. Она направилась в ванную, ведя меня за собой, закрыла за нами дверь и включила душ на полную мощность.

— От этого радио помешаться можно, — сказала она со слабой улыбкой. Потом сразу же она снова стала серьезной. — Я знаю, как я не похожа на других, Уин. Возможно, моя мать употребляла какой-то наркотик, и от этого произошли изменения в хромосомах, что-то в них перемешалось или разорвалось, что-нибудь такое, и все так и закончится на мне и не передастся моим потомкам. Но также возможно, что я генетический уникум, что-то новое в природе, и мои дети будут такими же. В любом случае те люди, которые хотят изучать меня, не успокоятся до самой моей смерти. Они будут постоянно охотиться за мной. Рассуждая разумно, я их не виню, я бы поступила так же на их месте. Но дело в том, что я не на их месте, и я не знаю, что значит быть такими, как они, как ты, как все остальные. Я такая, какая есть, и для меня это естественное состояние. Я не чувствую себя уродом или чудовищем.

— Господи, — прошептал я. — Господи, Франси. Какое же ты чудовище? Ты прелестная женщина.

— Научи меня любви, Уин. Пожалуйста. Ты научил меня многому. Научи меня и этому тоже! — Она прикоснулась к моей щеке.

Я протянул руку к крану позади нее и выключил душ, потом взял ее

на руки, отнес в постель и научил ее любви.

— Чего бы мне хотелось, — прошептала она в ту ночь, — это жить на склоне горы, вокруг — деревья и маленький прозрачный ручеек с рыбками. И чтоб ни души вокруг. Но чем бы ты стал заниматься в таком месте?

— О, я бы поддерживал дом в хорошем состоянии, лес рубил, чтобы было чем топить, рисовал бы и фотографировал.

— Тогда ладно, — сказала она, кивнув, как будто все решено. — А я бы учила детей так, как меня учила тетушка Бетт. Я бы их учила именам цветов, и какие растения съедобны, и алгебре, и как готовить бисквит, и где расположен парк Серенгети. А потом девочки бы покидали дом и находили бы себе возлюбленных, — конечно, выбор должен быть очень тщательным, — а потом они бы возвращались, чтобы рожать детей. — Она тихонько рассмеялась. — Дедушка с бабушкой.

Когда она уснула, я рассматривал ее лицо в тусклом свете, падающем из ванной комнаты. Какой красивой она стала, какая дивная фигура, какая нежная кожа. Я понял, кажется, почему я помог тогда той малышке на пляже, почему я спрятал ту девочку от всего мира, — чтобы в конце концов настал вот этот миг. Ради этого я сделал все, что сделал, и этот миг был предрешен.

Я улыбнулся своему глупому мистицизму, но верил в это свято. Я прикоснулся к ее щеке, и она улыбнулась во сне и придвинулась ближе. Завтра я скажу ей, чтобы она уезжала. Я возьму с нее обещание никогда не возвращаться, не звонить и не писать. Она могла теперь прожить сама. Знакомство со мной несло ей только опасность и в конце концов выдало бы ее. Мне не хотелось спать. Я хотел смотреть на нее и гладить, гладить ее по щеке и видеть, как она улыбается, но я задремал, и, когда я проснулся, она ползала по комнате с полотенцем.

— Что ты делаешь?

Она подошла и опустилась на колени возле кровати.

— Стираю свои отпечатки пальцев. Мне только что пришло в голову, — прошептала она.

Я притянул ее в кровать, и мы снова любили друг друга, и я не сказал ей, что полное отсутствие отпечатков будет такой же уликой, как и их полный набор.

Когда я проснулся снова, было уже девять утра, а она ушла. Я понял это сразу, как только открыл глаза. Прошедшая ночь была напитана ее присутствием, а утро я встретил один в скучном и пустом гостиничном номере.

Сентябрь. Октябрь. Я окончательно решил продать свое дело в день, когда поймал себя на том, что смотрел на фотографии с пятнами совершенно равнодушно. Я попросил своего адвоката и своего бухгалтера заняться этим. Единственным моим условием было, чтобы те, кто захотят, могли продолжать работать в компании. Это не могло стать камнем преткновения. Я ожидал, что Керш заявится в эти дни, но он не приходил — может быть, бегал по улицам Нового Орлеана и разыскивал там проститутку с черной гривой волос и в блестящей юбке в обтяжку.

Я безнадежно мечтал услышать ее голос, узнать, что с ней все в порядке, и в то же время я хотел, чтобы она на выдавала себя, не звонила, не писала — это было еще более неисполнимым желанием. Я поймал себя на том, что перебираю книги, складывая в стопку одни, упаковывая другие, и я понял, что во мне созрело решение продать заодно и дом. Мне

нужно было уехать, чтобы она не могла меня найти.

Ноябрь. Как и каждый год, в отеле «Карлтон» на День Благодарения ожидалась вечеринка выпускников нашего университета. Соберется и наша славная футбольная команда, весело принимавшая и победы и поражения. Я был дома, когда она позвонила.

— Эй, Уин, — пробулькала она. — Это Розали. Ты, буба, что-то давно прячешься. Приходи на вечеринку в субботу. Улизни там из толпы и подваливай к нам на огонек — восемь двадцать, шесть четырнадцать, десять тридцать. Увидимся!

Я повесил трубку. Она совсем с ума сошла, — этот приезд, звонок. Она же знала, что мой телефон прослушивается. Знала, что они наблюдают за мной день за днем, ночь за ночью. Не пойду в «Карлтон», подумал я, но тут же отверг эту мысль. Она была в городе и могла снова позвонить, предложить какой-нибудь еще вариант, и по крайней мере на встрече выпускников всегда бродят орды молодежи. Будет ли она изображать там лидера спортивных фанатов? Или девчонку, влюбленную в футболиста? В любом случае я знал, что у нее получится великолепно.

До этого я купил подарки всем сотрудникам в офисе; теперь я решил купить что-нибудь для нее. Что-то, что я мог бы держать в руке, не вызывая подозрений. Что-то, что я мог бы передать ей, сказав о своем отъезде. Я пытался разгадать, что означали цифры в ее сообщении, и это мне не удавалось. В комнатах отеля всегда устраивались вечеринки, там всегда было полно народу; она бы не стала планировать встречу на одной из них, и я никак не мог переставить цифры таким образом, чтобы вышел какой-нибудь смысл. Я шел вдоль прилавков в поисках подарка, и думал о цифрах, и снова смотрел на безделушки вокруг. Именно безделушки. Для нее они не годились.

Наконец я нашел то, что искал. Легкое, как осенняя паутинка, кимоно из мерцающего белого шелка, мягкое как облако, сзади вышита единственная красная роза, и кругом идет нежная, вытканная золотом кайма. Я сначала прошел было мимо, но потом вернулся, погладил рукой — и купил его. Коробка была, правда, великовата, чтобы брать ее с собой на вечеринку, зато это была ее вещь. Кимоно выглядело так, словно было сделано специально для нее и только и ждало, чтобы его купили. Я попросил завернуть подарок и унес его домой в фирменном пакете.

В субботу вечером «Карлтон» напоминал приют для умалишенных, персонал которого объявил забастовку. Гуляли в трех больших залах на первом этаже, в столовой, в фойе и в баре. Я взял пакет с подарком с собой и пробрался в раздевалку: я решил сдать его вместе с пальто и передать ей номерок, когда мы встретимся, — это казалось мне лучшим выходом из положения. Продвигаться через фойе пришлось медленно: половину людей из находящихся там я знал, и многих давно не видел. Все громко кричали и были счастливы.

В гардеробе я встал в очередь, сдал пальто и пакет, одновременно болтая с одним из моих старых преподавателей и его женой, молодая женщина за стойкой положила мне в руку номерок, и от прикосновения я резко обернулся. **Ты**. Она приятно улыбнулась, уже забирая пальто у следующего мужчины.

Я посмотрел на свою руку: вместе с номерком я держал ключ от комнаты.

Она сказала мне время, понял я: десять тридцать.

Десятый этаж бурлил вовсю. Вспоминали славные деньки, обсуждали

прошедшие битвы на поле, и, разыгрывая их снова, там кидались подушкой, здесь в игре был настоящий мяч. В холле мячи были уложены рядом, ожидая начала игры.

Я переходил от одной компании к другой, задерживаясь пару минут и продвигаясь дальше: девять тридцать, девять сорок, девять сорок пять. Я присоединялся к следующей группе, принимал бокал с напитком, который ни за что не стал бы пробовать при других обстоятельствах, болтал о том о сем и мгновенно забывал, о чем я только что говорил и с кем. Я не знал, кто наблюдает за мной в тот или иной момент — да я и раньше этого никогда не знал. Десять двадцать. Я сел в лифт на том же десятом этаже и потом спустился до шестого вместе с какими-то незнакомыми людьми. На шестом я покинул группу, нашел лестницу и стал взбираться на четырнадцатый этаж.

Если я увижу кого-нибудь, кроме тех, кто знаком мне долгие годы, я дойду до десятого, там еще посижу в одной-другой компании и пойду домой, сказал я себе. Я был уверен, что никто не заметил, как я зашел на лестницу, да и трудно было уследить за человеком в такой толпе. Просто чтобы убедиться в этом, я свернул на одиннадцатый этаж и прошел по всему коридору. Было тихо, вечеринки шли на десятом, восьмом и шестом этажах и еще на первом.

Я нашел другую лестницу и прошел оставшиеся этажи. Тринадцатого этажа не было. На четырнадцатом пожилая парочка прошла мимо меня в холл. Мы кивнули друг другу, они пошли к лифту, а я отправился к комнате 1418. Сначала я подумал, что она еще не пришла. Маленький столик стоял возле большой стеклянной двери, выходящей на крошечный балкончик с очаровательным видом на ночную Атланту. Там все сверкало. На столе стояла бутылка шампанского в ведерке и два стакана. Тут она появилась в проеме балконной двери.

— Красиво, правда? — сказала она.

Она переоделась, вместо черно-белой униформы на ней теперь была бледно-голубая юбка и такого же цвета свитер. Она была еще прекраснее, чем в моих воспоминаниях.

— У меня есть подарок для тебя, — сказала она и положила на столик тоненький сверток.

— А мой подарок в гардеробе.

Она подняла глаза, и ее зрачки расширились. Глядя куда-то мимо меня, она прошептала:

— Обещай, что ты возьмешь их с собой, Уин. Сохрани эти подарки как память. Обещай. Не забывай меня.

Я обернулся и увидел Керша и еще двоих, беззвучно входящих в комнату. Один из них метнулся к ней, отстранив меня с дороги, но она была на балконе, между нею и остальными находился столик. Она посмотрела на меня еще мгновение, отвернулась, легко переступила через ограждение и сделала шаг в пустоту.

На минуту все замерли, потом я закричал и рванул к балкону. Кто-то ударил меня в затылок, и я упал на колени.

Они отвели меня в другую комнату, и я сидел в большом кресле, а люди входили и уходили. Я не мог плакать по ней; у меня не было слез, только мертвящее сознание того, что я все-таки сделал это, я предал ее. Сначала я не смог спасти свою мать, которая врезалась в дерево на скорости девяносто миль в час. Потом свою бывшую жену, которая решила, что ей нужны искусственные груди. Тетушку Бетт, столько лет

прожившую в бедности и одиночестве. Тех девчонок, что «смазывают колесики механизма Нью-Йорка». И ту социальную работницу, которая плакала от того, что ей не давали самого необходимого для спасения детей. Всех их предал.

Керш принес сверток из другой комнаты и попросил меня открыть его. Это была книга с нарисованными от руки иллюстрациями, изображающими различные цветы. Рядом были написаны их названия. Он пролистал ее и отдал мне.

— Хочешь, кто-нибудь отвезет тебя домой?

Я встал и направился к двери.

— Ситон, подожди секунду, — с трудом произнес Керш. Он смотрел на меня некоторое время, потом сказал: — Все кончено. Мы тебя больше не будем беспокоить. Понимаешь, что я имею в виду? Ты бы все равно не смог этого предотвратить. Мы подбирались все ближе последние недели. Мы не собирались больше ждать. Понимаешь, что я тебе говорю? Садись в свою красивую машину и жми на газ, Ситон. Просто жми на газ и поезжай.

Кто — то спустился вместе со мной на лифте; хотя был уже третий час ночи, в холле было полно народу, но уже стало тише, все разбилось на маленькие группки. Никто не обратил внимания на то, как агент провел меня сквозь кучки людей и взял мое пальто и пакет из гардероба. Он проводил меня до входной двери, и я направился к своей машине. Один.

Много времени прошло, пока я повернул ключ зажигания, еще больше, пока я нажал на газ и двинулся с места. Дома я положил перед собой подарки. «Обещай. Не забывай меня». Я открыл книгу, но не мог сосредоточиться ни на картинках, ни на словах. В книге лежала золоченая закладка. Я открыл ее на этой странице, и слова словно врезались в мое сознание. «Сасси Франси», *Saxifraga*, Камнеломка, иногда называемая «Мать Тысячи». Теперь я поднял свой пакет, и я уже знал. Я еще сам не до конца верил в это, но я знал, что пакет успел потяжелеть. Моя рука дрожала, когда я запустил ее внутрь и вынул небольшой ящичек размером с коробку из-под детских ботинок. Он был завернут в серебряную фольгу, и в нем было проделано множество дырочек. Я осторожно открыл крышку и увидел ее, нашу дочь, свернувшуюся калачиком во сне. Ее крошечная рубашечка была прикреплена к стенкам ящика, который был обит чем-то легким и устлан розовым шелком. И тогда я заплакал.

Она знала, что, пока жива, ей не избежать преследования, но наша дочь была свободна. Я найду поросший лесом горный склон в глуши; стану учить ее всему необходимому; потом ее детей, и их детей в свою очередь. Все нужно тщательно обдумать: никто не должен ни о чем догадаться, пока они не рассеются по миру, как семена. В машине, по дороге, еще будет время выработать план.

— Твое имя будет Роза, — тихо сказал я своей дочурке, которая уместилась бы на моей ладони.

И мне открылись имена цветов.

Линда Нагата

Линда Нагата родилась в Сан-Диего, а десятилетней девочкой, когда ее отца, морского офицера, направили в Оаху, попала на Гавайи. Тогда

она начала читать научную фантастику, следуя примеру отца и старшей сестры.

Они жили в домике на берегу Тихого океана — теперь Линда с семьей живет на склоне вулкана Халеакала в Мауи на высоте 1000 метров над уровнем моря, в чем не видит ничего необычного. В отличие от прочего мира, Гавайи дают возможность заглянуть в будущее, где люди разных культур, рас, этносов образуют новую формацию.

В Гавайском университете Линда изучала зоологию, что отразилось в ее творчестве. Ее волнуют вопросы выживания человека как вида, его эволюция, то, как мы будем выглядеть в глазах далеких потомков.

Первый рассказ Линды появился в журнале «Analog» в апреле 1987 года, потом — еще два, и вот повесть, которую она закончила недавно. Действие «Освободительницы» разворачивается в мире, уже описанном ею в романе «Руки Любви». приносящей сегодня немалый доход издателям.

Нагата, мать двоих детей, пишет: «Освободительница» явилась в некотором роде откликом на закрепившийся в литературе прием: чтобы дать главному герою свободу для проявления своего героизма, автор «убивает» его семью или оставляет его полностью свободным от родственных связей (классический пример такой техники — «Звездные войны»).

Мне было интересно: а что, если главный герой не так свободен, чтобы ответить злым силам? Что, если повседневные моральные обязанности не дают ему действовать активно?

В результате получилась захватывающая фантастическая повесть с необычным поворотом сюжета.

Линда Нагата Освободительница²

Одна в темной спальне, Ханан могла наконец заняться созданием призрака — электронной копии собственного сознания. Программа выполнялась автоматически: только запустить ее — и атриум в мозгу начинал перерабатывать информации, моделируя призрака.

«Теперь ты будешь свободна» — донеслись из далекого прошлого слова матери.

Но свободным был лишь призрака — не Ханан. Двойник сознания, точная и в то же время самостоятельная копия, мог бывать в недоступных для Ханан местах, а когда возвращался, увиденное включалось в память Ханан.

Пока призрака обретал форму, она, покачиваясь в кресле, прислушивалась через открытую дверь к мягким шагам Сеида.

Ее встревожил звонкий писк. Из-за туалетного столика послышался сухой шелест. Ханан насторожилась — должно быть, заветный зверек проголодался, раз так шумит. Она послала короткий электронный сигнал через атриум. Тут же крошечная летучая мышь вылетела из укрытия и, пронесаясь по комнате, спланировала на колени Ханан. Та бережно подняла мышь, уцепившуюся острыми коготками за пальцы хозяйки в поисках опоры.

«Я никому не сделала больно», — думала Ханан, поглаживая Черный бархатистый мех. Давным-давно это создание контрабандой завезли в страну с партией гуманитарной помощи для голодающих детей Душного квартала. Тельце мыши легко умещалось в ладони, и Ханан баюкала ее, не переставая удивляться уютной домашности зверька. Под слегка нависающим лбом глаз почти не видно, поэтому мордочка кажется навсегда застывшей в грустной гримаске: большие, будто измятые уши, вывороченные собачьи ноздри.

Атриум сообщил о готовности призрака. Ханан приказала мыши подготовиться к трансляции. Ее ментальная копия, записанная атриумом, перемещалась в мышь. Теперь Ханан существует в двух экземплярах, как две разделенные и независимые сущности, два разнонаправленных сознания.

Но, как всегда, Ханан медлила отпускать призрак, трудно было доверить ему то, что хотелось сделать самой (хотя это и была она сама). Она в нерешительности гладила мышь, проводя пальцем по тонкой косточке у основания крыла, где нащупывалось небольшое утолщение, маленькое смертоносное устройство, имплантированное конструкторами этого существа. Если мышь когда-нибудь обнаружат, устройство среагирует на сигнал атриума и впрыснет в кровь мыши быстродействующий яд. Через полторы секунды яд достигнет мозга и сотрет всю информацию об атриуме и о призраке. Это шишечка под крылом успокоила Ханан. Она постояла, все еще держа крошечное существо, потом подошла к двери на веранду и, отдернув прозрачную штору, выпустила. Сорвавшись с ее ладони, летучая мышь исчезла в темноте.

— Ханан?

Она поспешно обернулась — на пороге стоял Сеид.

— Ах, ты напугал меня. Я задумалась.

Нежно улыбаясь, он подошел к ней:

— О чем? Я надеюсь, не о Дядюшке?

Ханан вздрогнула:

— Нет. Хватит о нем на сегодня.

Он коснулся ее щеки:

— Но ты чем-то обеспокоена...

Уже зная, чем отвлечь его, она дразняще улыбнулась:

— Так успокой же меня!

Усмехнувшись, он принял вызов.

Однако и позже сон не приходил. Ласки Сеида не могли отогнать ее тревожных мыслей. Она лежала в темноте, слушая легкое дыхание мужа, вспоминая прошедшие события, пытаясь найти оправдание унижительной бессмысленности дня. Если бы только она могла видеть вещи в истинном свете!

В кабинете она давала подробные указания слуге:

— В Душном квартале за фабрикой фейерверков есть маленькая гостиница. В пристройке живет девочка-сирота десяти или двенадцати лет. Она там прислуживает. У нее на руках еще пятеро детей — младшие братья и сестры. Соберите их и отвезите в школу Святой Марии, там уже приготовлено место для них.

— Да, мэм.

— Как всегда, ты не должен называть моего имени.

— Я понимаю, мэм.

И тогда она заметила свою дочку, Сари, потерянно остановившуюся в дверях. Ханан отпустила слугу и позвала Сари:

— Дорогая, что случилось?

Сари бросилась к ней:

— Мама, зачем пришел Дядя? — спрашивала она жалобно, прижимаясь к ней всем телом. — Я его боюсь.

— Тс-с, дорогая, — шепнула Ханан. — Он просто к папе. У них дела. Ты вовсе не должна его бояться. Он любит тебя.

— Почему тогда ты его боишься, мамочка?

Ханан взглянула через открытую дверь кабинета на веранду, где Сеид беседовал с гостем под влажным облачком из мельчайших капелек воды, защищающим особняк от палящего солнца.

Сеид мог найти общий язык с кем угодно, даже с таким извергом, как Дядюшка.

— Дядя любит тебя, — повторила Ханан, — и меня тоже. Ты должна помнить, что семья для него важнее всего на свете.

— Но ему так трудно угодить! Когда я подавала ему сок, он только и сказал, чтоб я ходила тише и чтобы осторожнее ставила стакан. Сказал, что причесывать меня должна ты, потому что у меня получается некрасиво. — Из ее больших темных глаз полились по смуглым щекам слезы.

Сердце Ханан запылало. Зачем он приходит сюда, если ему здесь все не нравится?! Почему он такой злобный человек? Но, вытирая слезы Сари, она говорила:

— Дядюшка просто хочет, чтобы ты выросла хорошей девушкой, достойным членом семьи. Теперь иди, позови брата. Он должен подойти поздороваться, иначе Дядюшка обидится и никогда больше не придет к нам!

Сари хитро улыбнулась такой шутке.

— Если бы достичь этого было так просто! — прошептала она и убежала в детскую искать Хамалю.

Ханан выпрямилась. Взглянув на веранду, она наткнулась на строгий пристальный взгляд. На секунду она испугалась. Неужели он слышал последние слова Сари? Но нет, Дядя, улыбнувшись, поманил ее. Ханан покорно вышла из кабинета, тихо ступая босиком по коврам, узкая шелковая юбка мягко скользила по бедрам.

— О, Ханан, — по-акульи улыбался Дядя, — присоединяйся. Сеид говорит, ты нашла места в благотворительных школах еще для трех семей.

— Да, — ответила Ханан, присаживаясь, — и еще одно сегодня. Но нашлась очень маленькая комната, а нуждающихся так много.

— Наверняка не так много, как ты думаешь. — Дядя откинулся на спинку стула, сложив руки на откормленном животе. — Если бы обитатели трущоб имели мозги, чтобы уметь пользоваться лучшей жизнью, президент давно бы построил школы в Душном квартале, все бы получили образование. К тому же попытка сделать это уже была, не так ли?

Ханан опустила глаза — только покорность спасает ее от этого человека.

— Да, Дядя.

Но ей показалось, что в отполированном серебре кофейника промелькнуло лицо ее матери. Большие темные глаза смотрели с

непреклонным осуждением. Ханан вздрогнула. Анна Шукода умерла тридцать лет назад.

Дядя обратился к Сеиду:

— Как можно только думать об этом — строить школу в Духовке! Тогда нужно построить сразу еще и ясли, чтоб двенадцатилетние школьницы могли оставлять там своих детей. — Он самодовольно рассмеялся.

Сеид мягко отшучивался, хотя в его спокойных глазах отражалось замешательство. Ханан опять посмотрела на серебряную поверхность кофейника, но на этот раз увидела только свое отражение.

«Вот она, Ханан-совершенство», — насмешливо думала она. Женщина с необычно светлой кожей, полными губами, гармоничными чертами лица; ее деяния всегда милосердны и величественны, ее любовь к людям широко известна; любящая мать двоих детей, любимая жена преуспевающего бизнесмена, племянница шефа секретной полиции, верного слуги государства. Такой ее знали в обществе. Она же видела другую картину. Ханан-фальшивка. Обманщица, живущая в неимоверном страхе, каждый день ожидающая разоблачения.

Она нервно всматривалась в отражение. «Нет, ничего не видно», — думала она. Ничто в ее облике не говорило об атриуме, никто не сможет заподозрить ее в обладании им, даже Сеид. А ведь атриум у нее есть. И если бы она только посмела, то могла бы с помощью этого устройства подключиться к мировой сети. Биоэлектронный орган позволяет принимать и гостей-призраков, правда, она никогда бы не рискнула допустить туда кого-либо. Атриум был сконструирован иностранцами, а введен в ее мозг матерью, когда Ханан была совсем маленькой. «Теперь ты будешь свободна!» — повторяла всегда Анна Шукода. Но атриум был запрещен, и Ханан знала, что это смертельный дефект, который однажды убьет ее, так же, наверняка, как опухоль, разрастающаяся в мозге старухи.

Анну Шукоду подобные мелочи не заботили. Она упрямо следовала своей политической программе, выступая за всеобщее образование в трущобах и обличая правительство. Она коллекционировала врагов, как другие женщины коллекционируют, к примеру, духи. Дядя приказал своему младшему брату развестись с ней, но тот отказался. А Дядя не терпит непослушания. Даже спустя двадцать четыре года Ханан отчетливо помнила последний митинг, организованный матерью, звуки и запахи страха, когда войска правительства открыли огонь по безоружной толпе. Какой-то полицейский, в закрывающем лицо шлеме, вырвал ее, плачущую, из рук отца. Через мгновение отец уже лежал на земле, изрешеченный пулями.

Дядя считал, что семья превыше всего, и ничего важнее семьи для Дяди не существовало... кроме семейной репутации. Ради этого он бы пожертвовал и Ханан так же легко, как ее отцом.

Сеид тронул ее за руку. От неожиданности Ханан подскочила.

— Ханан, Дядя с тобой разговаривает.

— Где ваш сын? — резко повторил Дядя с зарождающимся подозрением. — Сеид сказал, он сдал математику на «отлично». Я хочу поздравить его.

Покраснев, Ханан ответила:

— Простите, Дядя. Когда Хамаль делает уроки, внешний мир для него не существует. Сари пошла за ним.

Дядюшка растянул губы в ледяной улыбке.

— Да-да, Хамаль — милый мальчик. Вырастет — будет работать в аппарате президента.

— Да, Дядя.

«Да-дядя, да-дядя» — насмешливо отозвалось в ее разгневанном сердце. Она скорее умрет, чем позволит превратить своего милого Хамалья в Дядиноного протеже.

Ее взгляд скользнул за ограду веранды и выше, к «потолку» сада. Из специальных трубочек на крыше сочился туман, который поднимался прохладным облаком над домом. И потому здесь было всегда свежо, даже когда город плавился от жары.

Послышались звонкие шаги по каменной дорожке.

«Сколько людей!» У Ханан не укладывалось в голове, как может такое множество народу десятками лет существовать в столь ужасных условиях. Недостает воды и пищи. Свиристствуют болезни. Родители умирают, не успев поставить детей на ноги, и каждое новое поколение вынуждено создавать свою культуру заново, ловя слабое убывающее эхо некогда богатого прошлого.

Мышь почуяла запрограммированный запах. Она зависла и нырнула вниз по следу. Ханан удивилась, увидев школу, — значит, девочка уже под защитой сестры Марии. Ханан развернула мышь — ей достаточно было знать, что дети теперь в хороших руках, проводить их нет времени. Пора думать о других. Мышь уже летела в самое пекло Душного квартала присмотреть за остальными детьми, которых Ханан считала своими подопечными. Только уже подыскав место в школе или миссии, принимающей бездомных детей, она забирала их из трущоб, а до этого только наблюдала.

Анна Шукода доказала бесполезность попыток улучшить положение изнутри. Ее социальное движение милосердия вылилось в кровавый мятеж. Политические кампании выродились в массовые убийства. Сама она была предательски убита в ссылке.

К рассвету призрак облетел всех детей. Мышь очень устала. Пришло время возвращаться домой. Ханан настроила мышь на свой собственный запах и направила ее к сияющему центру города. Но мышь почему-то рвалась обратно в трущобы. Призрак забеспокоился — мышь никогда не нарушала приказов Настоящий ужас охватил Ханан-призрака тогда, когда она поняла, что мышь все-таки беспрекословно следует указаниям: она летела по следу Ханан. В Душном квартале. Ночью!

Это невозможно! Ведь настоящая Ханан спит сейчас у себя дома, в центре города, далеко отсюда. И все же в хаосе запахов ночи ясно выделялся один. Ее собственный запах.

Оставалось слушаться мышь. Она неслась над трущобами, и бродяги, которые уже сворачивали свои тенты в ожидании рассвета, не замечали ее. Запах усиливался. Не могло быть уже никаких сомнений, что настоящая Ханан где-то здесь, в этом ужасном месте. Но почему? Только ее добрые дела могли достичь трущоб, но она сама или кто-нибудь из ее семьи — никогда.

Небо на востоке посветлело, и навстречу из утренних сумерек выплыло здание. Оно казалось не на своем месте среди ветхих лачуг — слишком современное и ухоженное. Мышь перелетела высокую ограду и нырнула в затемненный двор. Локатор отметил очертания кустов и деревьев, золотые блики потревоженных насекомых. Мышь опустилась на

тростниковую циновку, закрывающую темное окно. Циновка тихо закачалась. В темной комнате за окном слышались голоса просыпающихся женщин — они желали друг другу доброго утра. След Ханан вел сюда.

Ханан-призрак мучилась в догадках. Как могла настоящая Ханан попасть сюда? Может, она стала жертвой преступления? Шантажа?

«А где тогда дети?»

Смерч дикой паники закружил ее. Она втянула воздух — запаха детей не слышалось абсолютно, это ее чуть-чуть успокоило.

Лучи солнца уже заглядывали во двор, когда мышь, цепляясь за края циновки, переползла на подоконник открытого окна. Инфракрасные глаза различили в комнате четыре фигуры. Женщины уже проснулись, но еще не встали. Одна казалась больной и старой, она поднялась и, сгорбившись, села на матрасе. Две другие помоложе — среднего возраста. Четвертая, хрупкая девочка-подросток, встала посреди комнаты, смеясь какой-то шутке. Подойдя к окну, она потянула шнур, чтобы убрать циновку. Мышь, испугавшись, взлетела к потолку и, попискивая, стала порхать по комнате над женщинами, старавшимися увернуться от перепончатых крыльев. В комнате поднялась суматоха, женщины изумленно вскрикивали и махали руками. В конце концов мышь нашла окно и стрелой вылетела на улицу. Ханан поспешно направила ее к дому.

«Это была не я», — думала Ханан, сидя на веранде, озадаченная принесенными призраком новостями.

Дети занимались с учителями. Сеид ушел по делам. Слуги уже убрали тарелки после завтрака, а Ханан все сидела за столом, вспоминая лицо, виденное ее призраком в лучах рассвета. Лицо девочки тринадцати — четырнадцати лет. Ханан помнила это лицо. У нее было такое же, когда ей было тринадцать.

«Это была не я».

Кто же тогда? Запах был совершенно идентичным, с соответствующими возрасту примесями. Нет людей с одинаковым запахом, это она знала точно. Кроме однояйцевых близнецов. Но эта девочка не может быть ее близнецом. Ханан — тридцать восемь лет. «Мама, неужели ты так ненавидела меня?» — прошептала Ханан.

Анна Шукода презирала всякие условности и традиции. Она всегда скептически отзывалась о законах, стоящих на страже морали и святости человеческой жизни. Ее привлекали идеи атриума, генной инженерии, контроля над рождаемостью. Она верила, что все человеческие жизни одинаково важны. Среди своих она была чужой, возмутительница толпы, жаждущая переделать мир. Ее политическая деятельность приводила Дядю в бешенство. В наказание он отобрал у нее Ханан, когда погиб его младший брат. Мать никогда не старалась вернуть дочь.

«Не такую дочь ты хотела», — поняла Ханан. Она представила себе тогдашнее состояние матери: озлобленная, без мужа, отрезанная от своей семьи и своего класса, собственная дочь предательски далека от ее убеждений. И все же — непобежденная, незапуганная, добивающаяся реализации своих планов. «Попробовать снова — только ты могла додуматься до такого, мама!» Слезы брызнули из глаз Ханан, слезы несправедливо отверженной. Поместить неудавшуюся дочь обратно во чрево, переродить ее, воспитать ее по-другому, чтобы конечный продукт был более... качественным.

Сердце Ханан переполнилось яростью. «Я не настолько ужасна! Я не

заслужила переделки!»

— С вами все в порядке, мэм?

Она вздрогнула. Ее глаза, полные ужаса, усталились на слугу, смиренно ожидающего ее указаний. Ханан, борясь с волнением, старалась придать лицу выражение холодного спокойствия.

— Да, все прекрасно. Теперь оставьте меня.

Слуга неуверенно кивнул и ушел.

Она существовала дважды. И эта ее вторая жизнь проходила в Душном квартале. Клон, почти наверняка нелегальный. Младшая сестренка. Дядя не должен узнать о девочке, иначе он убьет ее.

Сгоряча она подумала: хорошо, если бы этой сестры вообще не было на свете. Но теперь вовсе не хотела, чтобы клон погиб. Ее разобрало страстное любопытство — что он из себя представляет? Какой она стала в других обстоятельствах?

Ханан порывисто поднялась с места и направилась в комнату, где быстро переменила утренний туалет на шальвар-камиз, обула расшитые бисером сандалии, покрыла голову легким шарфом.

— Мне нужен сопровождающий, — сказала она слугам, — у меня дела в городе.

Ханан ехала на заднем сиденье «мерседеса» (вел машину слуга) и смотрела в окно, невидимая за тонированным стеклом. Из-за плохих дорог транспорт двигался медленно — грузовые и легковые автомобили, ярко раскрашенные коляски велорикш, управляемые мускулистыми, обливающимися потом людьми. Она подъехала к небольшому магазину, рекламирующему лекарственные травы. Ханан вышла под жгучее солнце, слуга поспешил было открыть перед нею дверь, но она приказала:

— Оставайтесь здесь, я буду через минуту.

Тот недовольно нахмурился — он должен был держать ее в поле зрения постоянно. Но твердый взгляд Ханан убедил его на этот раз сделать исключение. Она вошла в магазин, и их разделила дверь. Из задней комнаты ей навстречу появилась молодая женщина. Ханан достала кредитную карточку:

— Мне нужно получить информацию. Двухэтажное здание за высокой оградой. Между каналом и складом Чу Фонг. Что это такое? — отчеканила она.

Женщина взяла карточку и задумалась.

— Ах да. Это миссия.

— Христианская миссия? — Ханан удивилась. Мать никогда не интересовалась ни христианством, ни исламом, ни другими религиями.

— Нет. Она называется «Непреклонный цветок», не религиозная миссия. — Она взглянула на кредитку, потом опять на Ханан. — Дальше — дорого будет стоять.

— Я заплачу.

— Это политическое убежище для сторонников Анны Шукоды. Говорят, там живет ее дочь.

Ханан прижала руки к телу, чтоб не дрожали.

— Спасибо, — кивнула она.

Молодая женщина вернула кредитку, сняв со счета некую сумму, но Ханан даже не потрудилась проверить, какую.

В этот вечер Ханан-призрак отправилась в миссию «Непреклонный цветок». Управлять голодной мышью было трудно, и она дала ей пару

минут поохотиться в саду, прежде чем направить непосредственно к зданию. Мышь настроилась на запах Ханан и тут же взяла след, он вел к открытому окну. Ханан медлила. Она никогда не позволяла мыши проникать глубоко внутрь неизвестного здания. Что, если ее увидят? Судя по запахам, здесь было много людей. Что, если кто-нибудь прибьет ее шваброй? Но любопытство толкало ее вперед. Вскарабкавшись на подоконник, она глазами мыши разглядывала уже знакомую спальню. Комната была пуста, матрасы и одеяла аккуратно сложены в углу. Слабая лампочка горела над входом. Ханан влетела в комнату и устремилась дальше — через открытую дверь, по длинному коридору, освещенному только полосками света, пробивающимися из-под дверей.

След вел направо. Она летела над самым потолком, обдаваемая волнами собственного запаха. Пискнув, мышь присела на дверной косяк. Из ближайшей комнаты доносились голоса. Она перепорхнула туда. Яркое сияние люстры на мгновение ослепило ее. Когда же искусственные глаза адаптировались к свету, она увидела себя.

Хорошенькая девушка в полупрозрачной, застегнутой на груди блузке и голубом саронге, черные волосы аккуратно собраны в пучок на затылке. Мягким голосом она повторяла слова, обучая чтению семерых взрослых мужчин. У каждого в руках было по электронной книге, откуда они по очереди читали. Призрак узнал текст. Когда Ханан было десять лет, мать зачитывала ей отрывки. Слова врезались в память, хотя тогда она, конечно, плохо понимала их значение. Учебник Анны Шукоды «Полноправие: как простому человеку стать свободным» был запрещен в республике двадцать лет назад.

Ари — так звали клона. Обычное имя. Она работала учительницей в миссии. И несомненно была дочерью Шукоды. Вот и все, что удалось выяснить Ханан за этот час. Ей хотелось знать больше, задавать вопросы. Значит, пришло время увидеться с Ари.

В Душный квартал ее сопровождал слуга. Он неодобрительно нахмурился, услышав о цели поездки, но промолчал. Когда они подъехали к миссии, он последовал за Ханан к распахнутым воротам, установив в «мерседесе» систему защиты.

Дорожка, экономно залитая обновленным бетоном, шла через сад с молодыми фруктовыми деревьями и сочными овощами, по стенам вился виноград. Несколько седых женщин, ухаживавших за растениями, оторвались от работы, глядя на Ханан. Одна из них тихо поздоровалась. Ханан вежливо ответила ей.

— Ждите меня здесь, — приказала она слуге и поднялась по ступенькам здания миссии.

Воздух внутри можно было назвать прохладным лишь по сравнению с палящим зноем снаружи.

Ханан вспомнила о холодном тумане над ее собственным садом. Она остановилась в холле. По коридору шла женщина ее возраста, одетая в поношенное, но чистое платье.

— Мадам? — вопросительно улыбнулась она.

— Добрый день, — сказала Ханан, — простите, что я не предупредила о себе. Я хочу встретиться с Ари. Я слышала о ней много хорошего и теперь хочу увидеть ее, может быть, помочь ей.

Открытость женщины тут же сменилась подозрительностью.

— Да, здесь есть Ари, — сказала она, — но это просто начинающая учительница, может, вы хотели бы...

— Нет, — прервала Ханан, настаивая на своем. — Я хотела бы повидать Ари, дочь Анны Шукоды.

Лицо женщины застыло, словно маска из слоновой кости.

— Здесь таких нет, — отрезала она, — мы не имеем никакого отношения к политике. Это просто школа для бедных. И пожалуйста, не произносите этого имени в наших стенах.

Ханан не изменила тона:

— Пожалуйста, скажите Ари, что ее хочет видеть старшая дочь Анны Шукоды.

Женщина подозрительно прищурилась, но, когда она всмотрелась в черты Ханан, губы ее дрогнули:

— Вы...

— Да, ведь вы узнаете меня?

— Да, я... я...

— Позовите Ари, мне нужно поговорить с ней.

Женщина неуверенно кивнула:

— Пожалуйста, идите за мной.

Ханан проследовала за ней по тускло освещенному коридору. Пахло цветами и жареными овощами. Те же запахи, что слышала ночью мышь, только теперь они воспринимались гораздо слабее.

Она остановилась у дверей, откуда доносился голос Ари.

— У нее урок, — сказала женщина.

— Вызовите ее сейчас. Мне нельзя оставаться здесь слишком долго. Это опасно для нас обеих.

— Хорошо, мэм. — Она осторожно раздвинула шторы. — Ари, — шепнула она. — Ари!

Ари удивленно подняла голову. Ханан жадно уставилась за нее. Такая молодая, такая красивая.

— Ари, иди сюда, — поманила женщина, — важное дело.

Ари извинилась и тихо подошла к дверям. Ее взгляд скользнул по лицу женщины и остановился на Ханан. В ее глазах светилось узнавание:

— Значит, ты уже пришла.

Они сели на подушки в комнате. Раздвинутые двери впускали зной раскаленного двора. Ари подала Ханан сок безо льда.

— Как ты нашла меня?

— Я не могу этого сказать. Во всяком случае, больше никто не знает, что ты здесь. Ты поняла, кто я?

Ханан прищурилась:

— А **ты** сама знаешь?

Ари устало кивнула.

— Мать была честной во всем. Они ничего не скрывала от меня. Я — это ты, я — копия, выращенная из твоей клетки, но воспитали меня по-другому.

Отчаяние пронзило Ханан. Глотнув сока, она отвлеклась на минуту его сладким освежающим ароматом.

— Ну почему? — наконец выдавила она.

— Этот вопрос давно тебя мучает, правда? — сказала Ари. Она вздохнула. — Анна Шукода лишилась своей первой дочери. Она потеряла **тебя**, Ханан. Мы с ней — одно целое. Ты должна понять... Она осталась совсем одна. Ее муж давно погиб, дочь отняли, политическая карьера не удалась. Три года тюрем. Ей нужно было передать кому-то свой опыт.

— Но я-то не умирала, — сквозь зубы проговорила Ханан.

Ари грустно покачала головой:

— Она чувствовала, что виновата перед тобой, хотела искупить свою вину. Она хотела как лучше... — Ари замолкла. — Прости, наверно, тебе больно слушать все это.

Ханан боролась со своими эмоциями, пока не собрала их в теплый неподвижный ком.

— Она, должно быть, умерла сразу после твоего рождения?

— Да, я не знала ее.

— Как же ты выжила?

— Последовательницы заботились обо мне.

Недоумение Ханан отразилось на ее лице. Ари понимающе улыбнулась.

— Последовательницы — это три женщины, которые посвятили всю свою жизнь матери. Они не стали выходить замуж. Они вырастили меня, дали мне образование. О матери я знаю из их воспоминаний. Я обязана этим женщинам жизнью.

«Чем же орудие обязано своему создателю?» — думала Ханан.

— И ты продолжила дело матери?

— Да, но я решила быть незаметнее. Я ей и не ровня, и не замена. Делаю, что могу, как и ты.

— Не так уж важно то, что я делаю, — смутилась Ханан.

— Но не для тех, кому ты помогаешь.

Ханан не хотелось говорить о своих благодеяниях. Она давно смирилась со своим положением.

— Ты учишь по запрещенным книгам, — сказала она.

— Да.

Ханан смотрела на свои длинные сцепленные пальцы.

— Это очень опасно. Тебя казнят, если узнают об этом. Само твое существование незаконно. Если они узнают, что ты есть на самом деле...

— Да, Последовательницы мне говорили. Я не хочу умирать, но бросать работу тоже не хочу, она слишком важна.

— Это большой риск!

— Не обижайся, но мне кажется, никому и в голову не придет, что мы с тобой — одно.

Гнев вспыхнул в груди Ханан.

— Ты думаешь, я из-за этого? Думаешь, я пришла, потому что боюсь этой связи?

На лице Ари мелькнуло сомнение.

— У тебя дети. Вполне естественно, что ты беспокоишься о таких вещах. Может быть, тебе не следовало приходить сюда.

— Может быть, тебе следовало бы скрывать свое происхождение.

Но Ари возразила:

— Я не хочу прятаться. Имя Анны Шукоды дает мне здесь определенное положение. А если меня и арестуют, то казнят за атриум гораздо раньше, чем узнают, — как ты выразилась, — что я есть на самом деле.

Ханан услышала, как сердце дало сбой.

— У тебя есть атриум? — вырвалось у нее.

Ари кивнула:

— Мать ввела мне его. Она говорила, что атриумы потому и запрещены, что делают людей свободными.

Приглушенный стон ужаса вырвался из груди Ханан. Подозревала ли Ари о том, что ее атриум тоже сдублирован?

— Тебе не стоило говорить мне этого, — прошептала она, пытаясь закончить мучительный разговор.

Но Ари, спокойно глядя ей в глаза, сказала:

— Я знаю, что мать и тебе дала атриум.

Ханан сдержала протестующий крик. Ее губы сжались в тонкую дрожащую линию. Закрыв глаза, она заставила себя увидеть бесконечные ледяные пространства, громадный, пустой океан вечного холода. Сердце забилося медленнее. Ханан стала дышать ровнее.

— Никогда больше не произноси этих слов! — прошептала она.

Ханан открыла глаза и увидела Ари, озабоченно глядящую на нее.

— Прости, — сказала Ари, — действительно не надо было... Сейчас, наверно, тебе лучше уйти.

— Да, — согласилась Ханан. — Ты не дашь мне... адрес твоего атриума?

Ари улыбнулась, будто только и ждала этой просьбы.

Вернувшись домой, Ханан запросила сочинения Анны Шукоды. В библиотеке Сеида такого, конечно, быть не могло. Она попыталась получить информацию о политической литературе по компьютерной сети, но так как никто из операторов не знал Ханан, доступ к секретным документам был закрыт. В конце концов она заказала их за границей.

Все это время она будто со стороны наблюдала за собой. «Зачем я это делаю?» — этот вопрос измучил ее, хотя ответ был прост: ей необходимо было понять свою мать. Ей нужно знать, что заставило Анну Шукоду избрать жизнь, полную опасностей, когда у нее была прекрасная возможность дожить до глубокой старости в спокойствии и комфорте. Более того, Ханан хотела понять, почему сама она сделала другой выбор.

Компьютер просигналил о получении текстов. Ханан скопировала их в свою электронную книгу и улеглась с ней в постель.

Дети спали. Сеид еще работал со счетами. Прохладный туман окутал дом. Летучая мышь была отправлена к Ари.

Ханан включила экран электронной книги.

Рано утром позвонил Дядя — сообщить, что будет завтракать с ними. За столом Ханан сидела напротив него, чувствуя себя крысой под гипнотическим взглядом кобры. Дядя самодовольно смеялся, шутил с Сеидом и Хамалем. Он даже похвалил Сари и составленный ею букет. Но сквозь эту непринужденность Ханан чувствовала напряжение притаившейся кобры. Она заставила себя съесть тарелку фруктов и немного риса. Пусть кобра проглотит жирную крысу. Она не хотела чувствовать себя виноватой в глазах Дяди.

— Есть одно дельце, которое нам надо обсудить, Сеид, — сказал Дядя после того, как убрали со стола и дети отправились на занятия. — Лучше это сделать в твоём кабинете.

— Конечно, Дядя.

— Ах да, — он хитро взглянул на Ханан, — не присоединишься ли и ты к нам?

Она кивнула. Завтрак болезненно отяжелел желудок. «Пусть съест больную крысу», — подумала Ханан.

Она села на диван в кабинете Сеида. Дядя устроился в кресле-

качалке. Сеид попросил чаю и сел рядом с Ханан. Дядя улыбался, глядя на них.

— Я горжусь тобой, Ханан.

Она недоумевающе вскинула брови. Дядя, будто не заметив, продолжал:

— Я всегда говорил: семья превыше всего. Ты знаешь, что это так, Ханан, ведь я приютил тебя, когда умер мой брат, и вырастил как собственную дочь. Я сделал это не потому, что любил тебя. Мы с тобой должны признать, я тебя тогда едва знал. Пусть это звучит жестоко, я даже думал, что совершаю смертельную ошибку, беря тебя под свою крышу, что я рискую своей политической карьерой. Но, несмотря ни на что, я взял тебя, потому что ты была дочерью моего брата.

— Да, Дядя. Я навсегда благодарна вам.

Дядя притворился удивленным:

— Неужели? Но твоя мать была ужасно испорченной женщиной. Из-за нее мой брат покинул приличное общество. Она увлекла его своими сумасбродными идеями.

Ханан чувствовала, как горят ее щеки. От стыда или от гнева — она не могла сказать. Склонив голову, она изучала свои руки: напряжение свело пальцы в дрожащий купол. Смуглая рука мужа легко сжала ей кисть — Сеид напоминал о своей любви.

— И безусловно, Ханан оправдала ваше великодушие, Дядя. — В его голосе улавливалось предупреждение Дядюшке о том, что он не допустит дальнейших оскорблений своей жены.

Ханан склонила голову еще ниже. Подняв плечи, она ругала себя. Неужели она думала, что рискует только собой, вознамерившись отыскать Ари? Как она могла забыть, что Сеиду тоже может достаться.

— Ханан была мне хорошей дочерью, — спокойно сказал Дядя, — истинным утешением бездетного человека.

Ханан удивленно подняла глаза... и наткнулась на тот самый взгляд кобры.

— Но Шукода была растлительницей. И к тому же твоей матерью. Совершенно естественно, что ее жизнь могла быть тебе любопытна. Честно говоря, я удивлен, что ты так долго держалась.

— Дядя, прости! — Ханан разрыдалась. Сеид, пораженный, не знал, что и сказать. Взмахом руки Дядя разрезал воздух, требуя тишины.

— У тебя двое милых детей, Ханан, и уважаемый муж, который любит тебя. Когда поздним вечером тебя охватит тоска, вспомни лучше о своей семье. Подумай о детях. Пойди к мужу в постель, и к утру ты опять будешь свободна и довольна собой.

Ханан схватила Сеида за руку и закивала:

— Спасибо, Дядя, — шептала она, вздрагивая с облегчением, — спасибо!

— Ты думала, что ты делаешь? — кричал Сеид. — Может, думала, никто не заметит? Или служба безопасности ничего для тебя не значит? Почему, Ханан? Ну скажи, почему? Ты же всегда говорила, что ненавидишь свою мать.

Ханан повалилась на диван и снова зарыдала. Каждое гневное слово Сеида отдавалось болью в теле. Другие мужья кричали на своих жен, даже били. Но не Сеид. Каждый день, проведенный вместе, был для них днем любви. Теперь он страдает из-за нее.

— Прости, Сеид. Я не знаю, почему я это сделала. Не знаю, что на меня нашло. Я просто... — Она пыталась найти оправдание, которое успокоило бы его.

— Я узнала, что в Душном квартале люди опять говорят об Анне Шукоде. Я... я никогда не знала ее по-настоящему. Я хотела понять, почему столько людей любят ее, почему я сама не любила ее. Что было в ней особенного. Что заставляет людей спустя столько лет говорить о ней. Ее имя до сих пор вдохновляет людей. Я подумала, есть ли во мне такие силы... Будет ли кто-нибудь помнить обо мне после моей смерти.

— Я рядом, разве не так? — с болью говорил Сеид. Он стоял на коленях, обняв ее. — Ты меня вдохновляешь, Ханан. Я люблю тебя и каждый день благодарю Аллаха за наше счастье. Мне нельзя терять тебя. Пожалуйста, не рискуй Дядиным расположением. Ты и я живем в прекрасном мире. Не разбивай его.

— Я и не хочу, Сеид. Ты и дети — моя жизнь. Я умру без вас.

— Тогда больше никогда этого не делай.

Прохладная щека Сеида коснулась ее пылающей щеки. Ощущая его мужской запах, Ханан притянула Сеида еще ближе, так, что уху стало жарко от его дыхания.

— Что, если бы Дядя не удочерил меня, — выплеснула она наконец ужас, мучивший ее, — где бы я оказалась сейчас?

— Это неважно.

— Сеид, — она молила о понимании, — ты когда-нибудь задумывался, как бы все обернулось при других обстоятельствах? Посмотри на мою жизнь. Если бы отца не убили, если бы мать действительно любила меня, — кем бы я была сегодня?

— Никем. Тебя бы убили, Ханан! Помни: я — тот, кто любит тебя.

Непонимание исчезло, но тревога не покидала его. Весь день он боялся оставить ее одну. На том же диване они беззаветно любили Друг друга, отдаваясь полностью, без остатка. Потом он принес ей чай. Они вышли в сад собрать цветов для его офиса, и Ханан пела ему песни о любви. Хамаль и Сари шумно резвились неподалеку. Да, он был прав. Они живут в прекрасном мире. Отчего же тогда она не в силах забыть Ари?

Пришла ночь. Ханан и Сеид опять остались наедине. Он заснул в ее постели, такого уже давно не случалось. Ханан не могла и спать. Она сидела и смотрела, как он дышит, как спокойно его лицо во сне. Ханан знала его недостатки: раздражительность, когда отрывают от работы, нетерпимость к шалостям детей, щепетильность в отношении ее репутации — и дома и в обществе. С ним было не так-то просто жить. Но сон смягчил его черты. В такие минуты он казался почти совершенством. И это только увеличивало ее страдания.

Она нежно поцеловала его в лоб, будто извиняясь за будущую ложь. Он был ее солнцем. Но Ари была ужасной лунной тенью, мрачно скользящей по его лицу. Встав с кровати, она позвала мышь.

Зверек ловил насекомых в саду. Она сняла его со шторы — мех был слегка влажным от полетов в клубах тумана. Она задумчиво рассматривала мышь в слабом свете ночника. Жалкое создание, темное и скрытное, бессильное в этом мире. Это и было ее настоящее лицо. Красота, боготворимая Сеидом, была только маской. Если бы он заглянул глубже, он бы увидел другую Ханан. Ари совсем не такая.

Да, Ари совершенно другая, ее полная противоположность. Она дерзко использует имя Шукоды, открыто преподает запрещенные тексты,

активно влияет на мир. Ари не может быть ее копией. «Я должна защитить ее!» — в ней заговорили материнские чувства. Ханан осознала свой долг. Она стала смотреть на Ари как на своих детей — произошедших из ее плоти, но совершенно самостоятельных.

Она с моделировала призрак в атриуме и передала его в мышь.

— Присмотри за ней, — шепнула она мыши, улетающей в темноту.

Взрывчатка! В поисках запаха Ари Ханан-призрак оказалась в самом центре Душного квартала. Наконец локатор отметил нужный след, формула которого была заложена в банке данных мыши. Пылающей золотой стрелой след устремлялся к аллее за миссией «Непреклонный цветок». Ханан-призрак до предела увеличила скорость.

Она нашла первую мину в ограде, на расстоянии вытянутой руки от ворот. Другая была спрятана за тентом, где спали четверо детей со своей матерью. Ханан подождала еще секунд двадцать, пока мышь искала другие мины. Потом обратилась в библиотеку атриума за адресом Ари. Никогда прежде она не пользовалась атриумом для связи с другими. Это было слишком опасно. Такие переговоры легко было подслушать. Но сейчас раздумывать было некогда.

— Беги! — закричала она, как только Ари откликнулась. — Беги! Здание заминировано и внутри и снаружи. Мой Дядя уже нашел вас. В стены заложены мины, одна — возле твоей спальни. Беги же!

Послышался взволнованный голос Ари:

— Откуда ты знаешь? Ханан, где ты?

— Беги, Ари! Нет времени объяснять.

— Что за мины? Можно их обезвредить?

— Нет, слишком поздно. Их очень много. Беги сейчас. Я не знаю, когда они должны взорваться.

Она облетела двор, прощупывая локатором окна и стены. С облегчением она слушала голос Ари, эхом разносящий предупреждения об опасности.

Люди просыпались. Она видела, как они бежали через двор на улицу. Ари была с ними. Ханан летела над нею, а Ари в ночной рубашке перебежала от палатки к палатке, будя спящих.

— Уходите отсюда! — кричала она. — Уходите от ограды! Облава!

— Ари! — снова позвала Ханан-призрак. — Спасайся сама! Уходи...

Раздался взрыв. Каждая мина расположена со знанием дела, а взрывная волна была направлена на само здание.

Мышь, подброшенная волной, потеряла слух, Ханан едва могла контролировать ее метания.

— Ари! Ари! — кричала она. — Ответь мне, детка! С тобой все нормально?

Ей удалось развернуть мышь в сторону миссии. На этом месте теперь была гора мусора и известки. Горели обломки здания, Ханан видела тела убитых и раненых. Стоны о помощи заполнили пространство. Она искала запах Ари, но взрыв унес все следы.

«АРИ!»

— Я здесь, Ханан. — Голос звучал напряженно, будто говорили сквозь зубы.

— Тебя ранило?

— Немного. Ах, Ханан, за что они нас?

Ханан наконец увидела ее: Ари стояла на коленях возле истекающего

кровью тела. Это была одна из Последовательниц — та самая старая женщина, что водила ее к Ари.

— Я пошлю тебе деньги, — сказала Ханан, — найду новое жилье.

Ари подняла лицо к небу. Слезы текли по ее щекам.

— Я не знаю, где ты, Ханан, но спасибо тебе. Сегодня ты спасла много жизней. Если бы ты могла спасти еще одну, эту...

А в доме настоящая Ханан еще не спала. Она лежала в кровати, когда услышала далекий взрыв, и приподнялась, прислушиваясь. Раздались звуки сирены. Сеид сонно спросил, что случилось.

— Был взрыв в Душном квартале.

И опять заснул. Ханан встала. Было уже за полночь. Беспокойство стучало в груди, как ночные бабочки в окно. Переодевшись, она прошла в кабинет к телефону. Начала было звонить в атриум Ари, потом вспомнила — телефон записывает все звонки. Положив трубку, она уставилась в пустоту.

Мягко зазвонил телефон. Она испугалась, потом взяла трубку, но услышала только гудки. Сигнал повторился. И вдруг она поняла, что это совсем не телефон, а ее собственный атриум. Она не слышала этого сигнала с тех пор, как мать учила ее пользоваться атриумом. Никто больше не знал номера. Вызов повторился еще раз.

Что делать? Припомнив, вначале запросила данные абонента. Информация заполняла голову, будто потерянная мысль. Абонентом была она сама — ее призрак, управляющий мышью. Она медлила: никогда она не осмеливалась говорить со своим призраком, опасаясь узнать правду о своей душе. (Раздваивалась ли она? Или существовала вовне и тогда, получается, сама оставалась без души?) Кроме того, Ханан считала, что разговоры с призраком распаляют гордыню, что это гораздо преступнее, чем запоминать впечатления призрака и размышлять о них, будто о виденном во сне.

— Да... Я слушаю, — начала она, неуверенная, нужно ли говорить громче.

— Беги! — Собственный голос будто кричал ей в ухо. — Я была вынуждена связаться с Ари. Теперь они знают о нас. Беги из дома пока тебя не схватили!

Глаза Ханан расширились.

— А как же дети?

— Оставь их. Сеид о них позаботится. Дядя его не тронет.

— Я... я не могу...

— Дядя знает об атриуме. Уходи, пока не поздно!

— Но куда я пойду! — закричала она, в панике оглядываясь по сторонам. Дом перестал быть для нее убежищем. — Мне некуда идти. Я не смогу убежать из страны.

— Иди к Ари. Это единственный шанс.

— В миссию? Там не укрыться.

— На улицы! Миссия взорвана. Спрячься в старом городе, но беги немедленно!

Ханан поспешила к лестнице, ее ночные туфли беззвучно касались натертых полов. Скоро тут будет Дядя... Она бросает детей. Хотелось взглянуть на них в последний раз, но времени не было. Они возненавидят ее после такого внезапного исчезновения. Сеид тоже. Выйдя за дверь, она никогда не сможет вернуться. Попрощаться времени нет.

— Мама? — Испуганный шепот Сари заставил ее остановиться на верхней ступеньке лестницы.

— Сари! Ты должна лечь обратно в кровать.

— Мама, куда ты? Что случилось?

Сердце Ханан разрывалось на части. Сари была очень испугана, Ханан хотелось взять ее, обнять, сказать, что все будет хорошо. Она открыла рот, но не смогла выговорить заготовленной лжи, вместо этого сама собой вырвалась правда:

— Сари. Мне придется уйти. Я совершила... то... что... — Слезы мешали ей видеть. — Дядя придет за мной. Я должна уйти раньше. Сари, я люблю тебя!

Сари кинулась к ней и повисла на шее:

— Возьми меня с собой. Не оставляй меня здесь с Дядей.

Потрясенная Ханан отшатнулась.

— Нет, нет, я не могу взять тебя. Это было бы ужасно. Оставайся здесь, папа тебя защитит.

Обвившись вокруг Ханан, Сари зарыдала:

— Нет! Дядя говорит папе, что делать. И если ты уйдешь, Дядя не будет меня любить. Возьми меня с собой, мама! Как ты можешь оставлять меня здесь!

Ханан покачала головой. Никогда она не возьмет Сари на улицы, в это адское место! Сари там погибнет.

— Все, пусти меня. — Она пыталась разорвать судорожные объятия дочери.

— Ханан! — показался в дверях Сеид, взъерошенный, с полными страха глазами.

Ханан обратилась к Сари:

— Иди к отцу. Он тебя защитит. — Она решительно отстранила девочку и бросилась вниз по лестнице. Сеид кинулся за ней:

— Ханан!

Она развернулась, предупреждая вытянув руку.

— Не спрашивай ни о чем, — закричала она, — и не пытайся защищать меня. Ты невинен. Чем меньше ты знаешь, тем.

Входная дверь с шумом распахнулась за ее спиной. По выражению лица Сеида Ханан прочитала свою судьбу, по единственному беззвучно выговоренному слову: «ДЯДЯ».

Она медленно повернулась Дядя, оскалившись, стоял на пороге, вперив в нее взгляд. Четыре огромных солдата за ним.

— Изменница! — заорал он. — Обманщица! Шукода! — В его устах это имя звучало как ругательство. — Твой призрак был в городе ночью. Ты что, надеялась утаить от меня атриум?

Сдерживаемая ярость ударила в голову Ханан.

— И у меня получилось! Годами я скрывала это. Вы не подозревали? Никогда не догадывались, что сделала со мною мать?

— Шукода?! — завопил он.

Его лицо потемнело от бешенства, и Ханан поняла, что он встретил в ней своего старого врага.

— Это сделала Шукода? Почему ты не сказала мне сразу?

— Вы убили моего отца за меньшее. Я не хотела умирать.

— Оставь ее! — закричал Сеид. — Это моя жена!

Он попытался встать между Ханан и Дядей, но стоило Дяде только щелкнуть пальцами — и солдаты тут же оттащили Сеида в сторону.

Дядя извлек кем-жест. Что-то похожее Ханан уже видела в фильмах о полиции Жест был снабжен микроскопическим медицинским роботом, способным опознать и разрушить любой искусственный орган. Ханан откачнулась, но один из солдат схватил ее за руки. Сеид кричал.

— Уведите отсюда Сари! — рыдала Ханан.

Но поздно. Жест коснулся ее щеки. Она почувствовала как острое жало пронзило кожу. Робот, будто червячок, вбуравливался в ее голову, в мозг. Ханан с ужасом следила за происходящим, пока все не затмилось адскими вспышками пламени Она не чувствовала своего тела и совсем потеряла связь с миром. В ее ушах стоял грохот падающей воды — звуки проносающегося времени. В неистовом беспорядке мелькали перед глазами картинки из прошлого, потом все смешалось. Она пыталась поймать смысл, схватить воспоминания, но они лились, как вода сквозь пальцы, неуправляемым, нематериальным потоком.

Река поглотила ее. Влекомая течением, она медленно плыла у самого дна, утомленная яркими сновидениями, которые вспыхивали все реже и реже. Обрывки странных бессмысленных снов постепенно растворились во мраке.

Ханан очнулась в постели. В комнате, где прошло ее детство, в Дядином доме. Жара и яркое солнце подсказывали, что уже полдень.

Поняв, что она жива, Ханан удивилась. Она лежала, пытаясь осознать этот факт. Тело слушается. Вот только атриум не реагировал. Теперь нужно научиться жить без него. Пострадал ли мозг от этой потери? Память, похоже, в порядке. Она не стала углубляться в вопрос, возможно ли вообще распознать потерю памяти.

Открылась дверь, и вошел Дядя. Его гнев остыл, лицо выражало скорее глубокое сожаление.

— Ханан, — подвинув стул к кровати, он склонился над ней, — ты должна простить мой гнев. Я думал, ты умышленно скрывала от меня атриум. Но, конечно, виновата в этом не ты. Это все Шукода.

Она слушала, не веря своим ушам. Неужели он простит ее? Но важнее был другой мучивший ее вопрос:

— Дядя, а Сари, Сеид и Хамаль — как они?

Дядя покачал головой:

— Можешь себе представить. Тяжелая душевная травма.

Да, Ханан могла себе представить.

— Я боялась признаться, Дядя, — прошептала она, — я не знала, что вы можете подумать.

Он развел руками:

— Во всяком случае, твой мозг не поврежден, невролог сказал, что скоро ты поправишься. — Он барабанил пальцами по колену. — Я понимаю, почему ты скрывала атриум. Представляю, как ужасно ты чувствовала себя, но я не совсем понимаю, зачем ты использовала его во время мятежа.

Лицо Ханан покрылось холодной испариной. Ей необходимо было видеть детей, это желание причиняло физическую боль.

— Сари плохо, — приблизившись, сказал Дядя, — вчера ночью ее никак не могли успокоить. Пришлось вколоть снотворное. А когда утром проснулся Хамаль, он, узнав о случившемся, кричал на отца, даже пытался его ударить. Сеид склоняется к мысли о разводе.

Дядя еще ниже нагнулся над ней:

— Что за девушка была в миссии? Та, которую ты звала Ари?

Ханан насторожилась. Дядя мог задать такой вопрос только по одной причине. Значит, Ари еще на свободе. Она искоса взглянула на Дядю:

— Не знаю, кто она. Случайно ее встретила. Она показалась мне хорошим человеком. Я хотела сделать пожертвование миссии. Я не знала, что она преподает философию матери.

— Не лги мне, Ханан. У меня и без того достаточно причин, чтоб сердиться на тебя. Кто эта Ари?

Ханан поняла, что Дядя может найти сотни свидетелей, вероятно, он уже знал, что Ари называет себя дочерью Анны Шукоды.

— Может быть, она сестра мне. Мы очень похожи, вы знали это?

От напряжения истерический смех подкатывал к горлу, она старательно сдерживала его.

— Ах да, — сказал Дядя, — итак, ты слышала сплетню о том, что она твоя сестра. Это и послужило поводом. Понимаю. Беспокоиться о кровных узах — вполне достойно, — он удовлетворенно наклонил голову, — ничего нет важнее семьи.

— И я в это верю, Дядя, — осторожно сказала Ханан, — но вы-то сами, вы верите, что она из нашей семьи? Если Ари действительно дочь моего отца, то, зачатая после его смерти, она считается вне закона.

Он безразлично пожал плечами.

— Совершивший это уже наказан.

Ее губы в удивлении раскрылись, образуя маленькое «о». Оказывается, правила имеют исключения для Дядюшкиной семьи. В груди затрепетала надежда. Теперь у нее нет атриума, происхождение Ари тоже не проблема. Можно ли восстановить нормальную жизнь?

— Дядя, может быть, мы возьмем Ари в дом? Если она сестра мне, то должна жить со мной.

Чуть заметная улыбка тронула его губы.

— Я тоже об этом думал. Но вначале мы должны найти ее. Чем дольше мои люди станут ее искать, тем сильнее ими начнет овладевать раздражение. В ярости они могут совершить роковую ошибку, которую мы ни в коем случае не хотим допустить.

Ханан поняла, что он имеет в виду:

— Я понимаю, Дядя, и если я придумаю, чем помочь, то помогу.

Он ушел. Ханан немного подождала, потом дернула дверь — закрыто. Разумеется, телефона не было. Она обошла комнату вдоль и поперек, раздумывая о своей семье, об Ари, о себе, о рыщущих солдатах, о выборе, который она сделала в жизни. Мысли путались. Погас вечер, наступила ночь. Стерильный, пропущенный через кондиционеры, воздух был прохладен. Вернулся слуга за подносом. Она сидела у окна задумавшись, ожидая новостей от Ари. Легкое царапание по стеклу испугало ее.

Вначале ей показалось, что это сухой коричневый лист вздрагивает на подоконнике от ветра. Потом поняла — это мышь! Как она нашла хозяйку? Ханан с ужасом встретила взгляд маленьких искусственных глаз сквозь оконное стекло. Должно быть, за этими глазами еще живет призрак. Безвозвратно утерянная часть ее существа. И тут она осознала, что Ханан-призрак должна знать, где скрывается Ари. Если бы только она могла указать место. Тогда Ханан привела бы Дядю к Ари сама, солдаты не успели бы ничего с ней сделать.

Ханан встала, решительно отодвинула стул с дороги. Под большим окном были встроены жалюзи для вентиляции. Она нажала на одну из

пластин, почти спекшуюся с другими — жалюзи давно не пользовались. Пластина качнулась, открыв в стене узкую щель, через которую мышь и пробралась в комнату. Ханан с опозданием спохватилась, не сработает ли сигнализация?

Она взяла мышь, прижала ее мягкое пушистое тельце к щеке. Теперь она может полностью оправдаться перед Дядей. Показать ему мышь, все объяснить. Он оценит ее честность. Но он уничтожит мышь, тогда Ари невозможно будет найти.

Ханан держала мышь на уровне глаз. Если говорить вслух, призрак ее услышит и поймет.

— Найди Ари, — сказала она, — пусть позвонит Дяде. Она должна отказаться от всего, и тогда Дядя простит ее. Он понимает, что она — часть семьи. Потеря атриума не опасна для жизни. Скажи ей, пусть возвращается домой.

Едва она успела вытолкнуть мышь наружу, как в комнату вошел Дядя.

— Ари! — со всей силой отчаяния Ханан-призрак вызывала беглянку.

— Ханан? — ответил сонный неуверенный голос.

— Да! Да! — закричала Ханан.

Она была в ловушке! Осуждена навечно оставаться вне собственного тела. Никогда больше будет нельзя насладиться физическими ощущениями — ни пробежаться, ни пройтись, ни поест, ни поплакать. Но она не бессильна. Она надеялась, что Сари и Хамалю можно вернуть мать, если Ари будет доставлена Дяде. От страха ни о чем другом она не могла думать.

— Я лечу к тебе, Ари, — передала она, еле держась на уставших крыльях, — есть новости от сестры. За тобой охотятся, но у нас есть шанс... Нужно позвонить Дяде.

— Что?

Призрак Ханан торопливо объяснила:

— Другого выбора нет. Не можешь же ты всю жизнь прятаться. Рано или поздно тебя поймают. Но Дядя знает, что ты часть семьи, сестра Ханан. Он простит. Ты дочь его брата, он примет тебя, как принял Ханан. Твоя сестра пожертвовала атриумом. Ты тоже должна избавиться от него. По ее словам, эту потерю можно пережить. Ты должна обрести дом.

— Отказаться от атриума?

— Да. Взамен на мирную жизнь, прекрасную жизнь!

Наконец она почуяла запах Ари. Вначале — прерывистый след, потом — четкий, широкий шлейф. Спланировала ниже по следу, проносясь над испуганными лицами бродяг.

— И от матери отказаться?

Напротив показалось здание старой аптеки, где пряталась Ари. Мышь подлетела к крыше и быстро нашла небольшое отверстие в проеденных термитами досках, которое заметила еще ночью. Скоро ее мордочка показалась в комнате. Свет фонарика бил из ниши в стене. Ари сидела на потертой коричневой подушке, снятой, наверно, со старого дивана. Ее обнаженные руки и плечи блестели — места ожогов, смазанные бальзамом. Подле нее на полу сидели еще трое, у двоих в руках — небольшие пистолеты.

— Наша мать предала семью. Из-за нее погиб наш отец, — сказала Ханан-призрак.

Ари раздраженно скривила губы:

— Из-за твоего Дяди погиб наш отец.

Ханан-призрак знала, что Ари права, и спорить не стала, но воспользовалась ее словами:

— Дядя убьет и тебя. Ты должна пойти домой.

— Нет.

Так просто. Даже не расспросив о подробностях. Резкое «нет» заставило почувствовать, как распадается ее мир.

— Так ты и не поняла, кем была мать, — сказала Ари, — я всегда завидовала тебе, потому что ты ее знала. Но, может быть, я ошибалась. Ты, наверно, была слишком близко к ней, чтобы правильно видеть. Но, несмотря на расстояние, на смерть, мать научила меня, что есть вещи более важные, чем просто семья. Я здесь, чтобы зазвучал голос тех людей, у которых нет выбора. Я оружие своей матери. Я ее слуга. Я сама себе дом. Скажи Дяде, что ему придется затравить меня до конца.

— Нет, Ари, ты должна передумать, — молила призрак-Ханан, — если ты не придешь в дом, я никогда не получу обратно своих детей. Ари, они останутся без матери. Иди домой, иди. Они и твои дети тоже...

Ари прервала связь. Еще не веря, Ханан-призрак в ужасе смотрела на нее. На все попытки вызвать ее снова Ари не отвечала. Девочка сидела в холодной полутемной комнате аптеки, глядя в пустоту. Слезы текли по ее щекам, но она не отвечала.

Тогда Ханан вызвала другой адрес.

— Дядя. Это Ханан.

Всего секунду спустя Дядя хрипло ответил:

— Кто это?

— Ханан, — повторила она, чувствуя, как сквозь привычное послушание пробивается гнев.

Дядя был убийцей, она не забывала об этом ни на минуту. Но ей всегда было что терять. Слишком рискованно открыто выходить против него, даже сейчас.

— Ты не Ханан, — сказал он, — я знаю, где она.

Гнев нарастал. Так разгорается в закрытом шкафу огонь, иссушая все вокруг, прежде чем превратиться во всепоглощающее пламя.

— Я призрак Ханан, — сказала она, звонко чеканя каждое слово, — ты отрезал меня от моего тела, Дядя, когда уничтожил атриум. Как я теперь попаду домой?

— Тебе нужно самоуничтожиться, — ответил Дядя.

Неужели она слышит в его голосе страх?

— Ты существуешь незаконно.

— Я теперь с Ари...

Наступила тишина, затишье перед великим боем. Дядя обдумывал возможности, которые может дать этот разговор. Наконец, он сказал:

— Где она?

— И ты отпустишь свою Ханан домой?

— Нет времени торговаться.

— Я только сейчас и могу поторговаться.

Дядя медлил, соображая. Потом сказал:

— Хорошо. Если передашь мне Ари, я отошлю Ханан домой. А потом ты сама прилетишь в мой дом, сядешь мне на руку, и я убью тебя.

Она вздохнула. Для электронного призрака нет потусторонней жизни. Ее смерть будет просто остановкой сигнала, тьмой, пустотой.

— Ханан! — Дядя ждал ответа.

— Поклянись, что ты поймаешь Ари, но не убьешь ее, — прошептала она. — Так ей будет лучше, я знаю. Но ты должен обещать, что ее не убьют.

— Если она дочь моего брата, я сделаю все, что смогу.

Она знала, что большего добиться от Дяди не удастся. И рассказала, как найти аптеку.

Между тем настоящая Ханан, запертая в спальне, с тоской ожидала рассвета. Беспокойно ходила из угла в угол по своей клетке или сидела у окна, напряженно выпрямившись на стуле. И тут она осознала до абсурда очевидную вещь: она всегда была пленницей у Дядюшки. Просто раньше тюрьма была достаточно просторной, чтобы вместить Сеида с детьми. И это создавало иллюзию свободы, усыпляло, ослепляло. И все же это клетка. Теперь, когда ее жизненное пространство сузилось, она ощутила его границы.

Ханан пересекла комнату. Долго смотрела на закрытые жалюзи, опять отошла. Что происходит там, снаружи? Полная неизвестность с тех пор, как была отправлена мышь. Дядя отказался сообщать ей что-либо, хотя она рассказала ему все о мыши и объяснила, почему опять воспользовалась ею. Он выслушал ее с непроницаемым лицом. Ханан даже не могла понять, поверил ли он ее словам.

Взгляд уперся в жалюзи. Если бы можно было их снять, планку за планкой, выскользнуть наружу, потом — вниз, на первый этаж. Можно даже выбраться из сада, найти способ связаться с Сеидом. Вместе они смогли бы тайно вывезти детей из страны.

Но Дядя уж постарается поймать их. Сеида могут убить, и осиротевших детей Дядя возьмет под свою опеку. Сердце Ханан стонало от боли. Слишком много потерь, слишком. Нужно ждать. Приближался рассвет. Будь терпелива. Ари придет в дом, и все будет хорошо.

Дверь с шумом распахнулась, Ханан подскочила, будто от выстрела. Дядя. У него было что-то в руке. Он поднес это к ее лицу — посмотреть. Мышь. Он держал ее за кончики крыльев. Полголовы снесено пулей. Сердце Ханан часто забилося. Казалось, она не стерпит, и накопившееся в груди напряжение вырвется наружу нечеловеческим воплем.

Дядя сказал:

— Я хочу, чтоб ты знала: твоя душа больше не раздвоена.

Она медленно кивнула.

— А... Ари? — В горле пересохло, трудно было говорить.

— Ах да, Ари. — Он швырнул зверька в угол, в корзину для мусора. — Я думал об Ари всю ночь, и кое-что мне стало интересно. Откуда тебе известно, что она твоя сестра?

Ханан осторожно покачала головой, в смятении от того, какой оборот принимает дело.

— Простая догадка, Дядя, — неуверенно врала она, — ее внешность, ее положение, несколько вопросов к сестрам миссии.

— Но тесту ты ее не подвергала.

Она затрясла головой, не способная произнести ни единого слова.

— А вот я провел тест. Она ведь не сестра тебе, так?

В ее голове будто кружил серый смерч. Если Дядя знает об этом, Ари, наверно, сдалась. Ее арестовали. Или убили. Она схватилась за спинку

стула, чтобы не упасть.

— Вы сказали, что защитите ее!

Дядя равнодушно продолжал:

— Ты говорила, что ни с кем никогда не связывалась через атриум и не пользовалась ни одной библиотекой.

Она, вздрагивая, отвечала:

— Это правда, Дядя. До тех пор, пока... пока не предупредила Ари.

— Тогда скажи мне, как ты научилась клонировать себя?

Ее рот приоткрылся в удивлении.

— Я не делала этого, Дядя. Это мать.

— У Шукоды никогда не было времени на детей.

Ханан с готовностью кивнула:

— Она, вероятно, раскаялась в этом. В последние годы жизни она, видимо, решила зачать Ари. У нее не было выбора. Отец был мертв, она не могла зачать от него.

— Я понимаю, что ребенок способен чувствовать свою вину. В глазах твоей матери ты всегда была неудавшейся дочерью. Ты думала, что будешь лучше в другом варианте?

— Я не делала этого, Дядя, — настаивала она.

Он должен поверить. Как он может не верить ей!

Он сказал:

— Последние два года жизни Анна Шукода провела в государственной тюрьме. Она умерла прямо в камере. У нее не было никакой возможности создать такую мерзость.

— Она же была в ссылке! — простила Ханан. — Так говорили в новостях. Я сама видела передачу. Наемный убийца застрелил ее в ссылке.

— Просто политически выгодная версия. И ты, как я вижу, учла это.

Он развернулся к выходу. Ханан поспешила за ним, схватила за руку.

— Дядя! Вы должны верить мне!

Его кулак впечатался ей в глаз. Голова запрокинулась. Пол закружился и ударил в плечо. Разноцветные вспышки боли замелькали перед глазами, когда она попыталась встать.

— Дядя! Подождите. Не уходите!

За ним щелкнул замок. Она бросилась на дверь:

— Я не делала этого! Дядя! Это моя мать! Я невиновна. Невиновна! Невиновна! Пожалуйста, верните мне мою жизнь...

Она колотила в дверь, пока не онемели кулаки, потом сползла по стене на пол. Слезы катились по щекам...

Нет ничего важнее семьи. Вот почему Дядя устроил эту убийственную карусель в своей. Вначале отец, потом мать, потом Ари... и все для того, чтобы спасти честь семьи. Следующей жертвой может стать Ханан. А Сеид? Дядя, наверно, уже подозревает ее, во всяком случае, перестанет так доверять. Она вспомнила мышь в пальцах Дяди. Не будет Сеида, Дядя возьмется за Сари и Хамаля. Наставлять подрастающее поколение. А если наставления не пойдут впрок — убивать.

Она медленно встала и направилась к мусорной корзине. Ханан смотрела, что осталось от летучей мыши. Голова разнесена пулей, а тельце не тронут. Опустившись на колени, она вытащила мышь, проведя пальцем по гонкой косточке правого крыла, нащупала капсулу. Здесь. Цела. Ханан улыбнулась. Видимо, атриум был разрушен до получения сигнала о самоуничтожении. Она пригнулась, пытаясь укрыть то, что она

делала, от видеокамер. Поднеся мышк к самому лицу, она сильно сжала зубами кость. Потом сквозь прорванную кожу крыла выдавила капсулу и спрятала ее в ладони.

Ближе к полудню вернулся Дядя. Пришел проявить собственную разновидность милосердия.

— Ничего нет важнее семьи, — говорил он, ярость застыла на его лице, — поэтому я не могу допустить, чтобы члены моей семьи были преданы суду. Это было бы унижительно и оскорбительно, стало бы поводом для насмешек. Я считаю, что правосудие должно вершиться в семейном кругу.

Ханан поднялась из-за стола и пошла через комнату прямо на него.

— Поэтому ты убил моего отца? — тихо спросила она. — Чтобы не судить его за государственную измену?

Дядюшка нахмурился, но не ответил ей. Он продолжал:

— Самоубийство как знак раскаяния могло бы замять этот скандал.

— Понятно, — она подходила все ближе, — ты и матери моей помог с самоубийством?

Он обнажил зубы в подобии усмешки. Этот вопрос ему понравился.

— О да. Я приказал застрелить ее.

Ханан медленно кивала, перекатывая мышиную капсулу между большим и указательным пальцами. Яд, содержащийся в капсуле, мог реагировать только в крови.

— И Ари. Ее ты тоже застрелил? Хотя и **обещал** защитить.

Он неопределенно хмыкнул.

— Хорошо, я согласна, — шептала Ханан. Дядюшка вынужден был наклониться к ней, чтобы лучше слышать. — Самоубийство, совершенное в знак раскаяния, спасет нас от всех неприятностей.

Кончиками пальцев она раздавила капсулу, прозрачное желе затекло под ногти. У нее было несколько секунд, пока яд не окислился на воздухе. Шагнув вперед, она воздела руки, будто в мольбе о помиловании. И резко вонзила ногти ему в горло, оставляя широкие кровавые борозды. Он отшатнулся: «Сука!» — и схватился за горло. Глаза его расширились и закатились. Тело задергалось — легкие спазмы перешли в дикие конвульсии. Теперь он дергался, как шарнирная кукла на ниточках. Он рухнул на ковер, все еще содрогаюсь, ноги заколотили по полу, а содержимое мочевого пузыря и желудка изверглось наружу.

Ханан в ужасе отвернулась. Она кинулась в ванную, где принялась судорожно оттирать желе, облепившее ее пальцы. Через секунду она оказалась на коленях — ее рвало. Когда прошли спазмы, она села. На лице испарина. Ханан умылась, еле держась на трясущихся ногах, поправила волосы и стала убирать пол в ванной, стараясь не смотреть в комнату. Управившись в ванной, она вернулась. Дядя лежал на спине с широко раскрытыми глазами, с вывалившимся языком. Ханан передернуло. Теперь она знала, как чувствует себя убийца.

Она долго ползала по полу, пока не нашла раздавленную капсулу. Трясущимися пальцами она вымазала ее содержимым ногти Дядюшки, потом провела ими по расцарапанной шее, чтобы частицы ткани и крови забились под ногти. Эти предосторожности были не очень-то хорошим доказательством. Она больше надеялась, что до этого не дойдет. У Дяди было слишком много тайн, которые слишком легко можно было раскрыть.

Она вымыла руки и вышла в пустой коридор. Семейное дело —

частное дело. Здесь не было охраны, ее никто не сторожил. В комнате Дяди она взяла шарф — накрыться — и темные очки. В его кабинете она нашла чековые книжки, по ним можно получать деньги без подписи и документов.

Она вышла через заднюю дверь. Старуха, тридцать лет служившая у Дяди кухаркой, неподвижно стояла в углу кухни. Ханан услышала за спиной ее шепот: «Шукода» — теперь это звучало как благословение.

На улице под палящим солнцем ее хладнокровие растаяло. Она огляделась, чувствуя, что ею овладевает паника. Она не знала, куда идти. Сердце громыхало в груди. У нее не было четкого плана — только смутное стремление исчезнуть в Душном квартале. Домой идти нельзя. Она была предателем, люди президента придут за ней, если заподозрят, что она все еще жива. Итак, она должна скрыться. Уверить мир, что Дядя добился справедливости своим тихим и тайным путем.

Она быстро шла вдоль обочины. Склонив голову, настроив слух и зрение на внешний мир. Людей совсем немного. Полиция не подпускала торговцев и бродяг к Дядюшкиному дому. Ханан предпочла бы сейчас грохот и толпы Душного квартала. Здесь она слишком на виду. Она чувствовала, как установленные на всех углах видеокамеры ловят каждое ее движение.

Ханан прошла не больше двухсот метров. Сзади послышался звук мотора приближающегося автомобиля. Она перешла с обочины на тротуар. В этом районе улица шла между высокими стенами, ограждавшими дома. Скрыться никуда невозможно. В двадцати метрах был перекресток. Она прибавила шаг. Когда машина почти нагнала ее, Ханан побежала.

— Стой! — раздался чей-то крик. — Мы друзья!

Она побежала быстрее. Горячий, будто из печи, воздух обжигал лицо. Машина, въехав на тротуар, притормозила рядом. Навстречу выскочил незнакомый мужчина. Ханан увернулась и попыталась бежать в другую сторону, но он оказался проворнее. Незвестный схватил ее, зажав рот одной рукой, другой больно сдавил грудь. Ханан чуть не задохнулась, его соленый пот жег ей губы. Он потащил ее к машине и бросил на заднее сиденье, придавив своим телом. Оглушительно хлопнула дверь, и машина рванула вперед. Через минуту солнечный свет исчез, их мотнуло в сторону. Взвизгнули тормоза.

Они остановились в полутемном гараже. Дверь открылась, Ханан вытащили из машины, зажимая рот.

— Сюда, — прошелестел женский шепот.

И Ханан поволокли вниз по лестнице. Сзади щелкнул дверной замок, они остались в абсолютной темноте. Мужчина наконец убрал руку с ее рта, но не отпускал.

— Ты среди друзей, — прохрипел он.

Ханан чувствовала теперь, что в помещении есть еще люди. Слышалось шарканье ног, воздух был полон влагой дыхания... Тонкий луч фонаря ударил ее по глазам и тут же опустился в пол. В этом отраженном свете среди толпы выделялось одно лицо.

— Ари? — тихо прошептала Ханан.

Вторая дочь Анны Шукоды широко улыбнулась. Ханан с восхищением смотрела на нее.

— Прости, прости меня, — шептала она, — когда Дядя пришел ко мне

утром... — она смущенно встряхнула головой, — я была уверена, что ты мертва.

— К тому шло, — согласилась Ари, — они узнали, что мы прячемся в старой аптеке. Но наши наблюдатели предупредили, что идут солдаты, и мы убежали через черный ход. Меня ранили отравленной пулей — здесь, видишь?

Она показала Ханан ранку на предплечье.

— Прошла навыворот, задев мышцы, но яд подействовал. Я потеряла сознание. Товарищи смогли перенести меня в безопасное место.

— Я так рада. — прошептала Ханан.

— Солдаты целый час искали эту пулю. Я думаю, им нужна была проба моей живой ткани.

— Они нашли ее?

Ари смутилась.

— Извини, Ханан. Только позже я поняла, какую информацию может извлечь твой дядя.

Ханан закрыла лицо руками.

— Прошу, не извиняйся передо мной! Мой призрак втянул тебя во все это. Я действительно верила Дяде, когда он пообещал оставить тебя в живых.

Ари уставилась в грязный пол.

— Я услышала позже, что солдаты нашли летучую мышь в гнилой стене аптеки и застрелили ее. Я еще подумала, может, это была ты...

Ханан грустно кивнула. Она чувствовала себя на дне глубокой ямы.

— Я всегда имела больше, чем способна потерять.

— Ты любишь свою семью. В этом нет ничего постыдного. Рисковать легко, когда некого и нечего терять.

— Неужели тебе только четырнадцать лет? — изумилась Ханан.

Ари задумчиво пожала плечами:

— Мои призраки — хорошие учителя, у них столетний опыт. Но все-таки иногда я чувствую себя инструментом, созданным талантливым мастером.

— Как я могу помочь тебе?

— Теперь, когда ты осталась совсем одна?

Ханан кивнула. Дяди больше нет, но Сари, Хамаль и Сеид до сих пор заключены в клетке, которую он для них выстроил. Было еще терпимо, когда она тоже жила там, с ними. Но теперь ситуация изменилась.

— Борьба будет долгой, — предупредила Ари, — а мы не сможем помочь тебе бежать за границу.

— Я не уеду. Здесь еще слишком много работы. Нужно продолжать дело нашей матери.

Ханан решила не передавать Ари слов Дядюшки — о подробностях смерти Анны Шукоды в тюрьме. Она чувствовала, что миф о материнской любви дает Ари силу и уверенность в себе. Да, Ари была инструментом, но инструментом, созданным Последовательницами, — не Шукодой. Пусть же он хорошо служит своей цели.

Кристин Кэтрин Раш Наилучшие пожелания³

Энн наконец взялась разбирать оставшиеся после мужа вещи. Вот она сидит, солнечный свет льется на нее из всех трех окон. Воспоминания, как дети, толпятся вокруг. Мягкий ковер. Тихий дом. Ее. Теперь только ее.

А у одежды еще запах мужа: легкий дымок курительной трубки, смешанный с его неповторимым ароматом. Уже несколько месяцев, как он ушел из жизни, а она по-прежнему частенько сидит в кресле, завернувшись в его любимый свитер, — покуда и тот не пропитается запахом ее кожи. Не стало его присутствия, нет его гулкого голоса, его постоянного вмешательства. Постепенно чувство утраты затихло, заглушаемое безликим одиночеством, и лишь теперь она собралась с силами спокойно рассмотреть минувшее.

Вещи разложены на несколько кучек: семейные реликвии, ее подарки и прочая всячина. Когда-нибудь и ее дети совершат подобный ритуал, но они вспомнят другое. Перед ними предстанет не многослойный срез сорокалетнего опыта совместной жизни, а странные следы былой эпохи, которую им не суждено никогда понять до конца. Она хранила кое-что из вещей матери: любовные письма (никогда прежде о них не упоминалось); фото юной супружеской пары (молодые лица супругов она узнала потом в собственных детях); какие-то сломанные вещи, осколки — ничего ей не говорящие, но для ее матери значившие достаточно много, чтобы их хранить.

Полуденное солнце сильно печет, лицо покрывает испарина. Энн смахивает капельки влаги и наверняка пачкается пылью. Но теперь это не важно. Смотреть некому, некому подтрунить, некому спросить, как она провела день. С облегчением она отодвигает всякие шкапулки и коробочки — обошлось почти без рыданий — и тут обнаруживает свадебную шкапулку.

От одного только ее вида замирает сердце, как оно падало и замирало всякий раз, когда она закутывалась в свитер мужа. Как это все случилось?.. Приходят воспоминания: горячий полдень, такой же как сейчас, женский голосок в трубке, почти визг: «Он сказал, он **меня** любит», и приступ ярости, абсолютно убийственного гнева — в бешенстве она бросает трубку на рычаг, зовет мужа в спальню и учительским тоном отчитывает, отчитывает.

Когда он уходил часом позже, оба они были в слезах. В комнате еще раздавалось эхо оправданий («Да разве стала бы она переходить к активным действиям, будь у нее хоть один шанс?»), Энн выхватила свадебную шкапулку из своего шкафука, где та хранилась, как тайно лелеемая надежда, и не глядя, запихнула ее где-то в кабинете мужа, хороня тут навсегда.

До этой минуты.

Двумя днями ранее в доме гостила внучка, Кэтрин Энн. Бабушка любила визиты Кэтрин Энн — задорной, неукротимой и жизнерадостной

девушки. И в этот раз Кэтрин Энн распахнула входную дверь и с порога прокричала:

— Ба! — с таким же напором в голосе, что бывал обычно у деда.

Энн вышла из кухни, вытирая руки о мокрое полотенце. Она только что закончила готовить блюдо, которое наверняка не понравилось бы ее мужу: вафельную рисовую запеканку с грецкими орехами и финиками. В последние месяцы она стала готовить какую-то новую еду и обнаружила, что она ей больше по вкусу, чем блюда времен замужества.

— Ба, — глаза Кэтрин Энн сияют, щеки пылают, — есть новости!

Она сбрасывает пальто, и оно летит на любимое кресло бабушки.

Энн кладет полотенце на стол, улыбаясь этой бьющей через край жизненной энергии, спрашивая себя, неужели она сама когда-то тоже ощущала такой постоянный прилив жизненных сил и радости.

— Ты выглядишь слишком возбужденной, чтобы просить тебя присесть, — говорит Энн внучке, — так что рассказывай.

— Джеф предложил выйти за него замуж.

— И?..

— Конечно же я сказала «да», ты еще спрашиваешь, глупенькая!

Энн застыла, разом потеряв радостный настрой.

— А как же школа?

— Почти уже кончила. Все заматано. Мы любим друг друга, ба.

Энн собиралась было сказать то, что положено говорить в таких случаях бабушкам, вроде: «Я знаю, лапушка, с твоей стороны это искреннее чувство», но слова не шли. Вместо этого из глаз потекли слезы, и к ужасу своему, она тихо всхлипнула.

В ту же секунду руки Кэтрин обвилились вокруг шеи, пахло свежим теплом молодой женщины, которую Энн, казалось, вчера только качала на руках.

— Ну же, ба, — проговорила Кэтрин Энн, — все в порядке. Я уверена, дед там уже все знает и радуется за меня.

Энн кивнула, пытаясь пересилить слезы и объяснить внучке, какие чувства на самом деле ее обуревают.

Чуть отстранившись, Кэтрин Энн отерла слезы с бабушкиных щек.

— И мы будем счастливы, вот увидишь. Обязательно будем счастливы, как вы с дедом.

Энн беззвучно глотала воздух, не в силах удержаться от ответа, надеясь только, что прозвучит он радостным тоном, несмотря на смысл, вложенный в слова:

— О дорогая, — выговорила она, — надеюсь, вы будете счастливее.

Пожалуй, думается ей, в эту комнату сейчас ее как раз и привело желание вновь прикоснуться к счастью тех лет, когда ей было столько же, сколько сейчас Кэтрин Энн. Ее любил мужчина. С миром было все в порядке. В двадцать один год ее предназначение исполнилось.

Она тихо улыбается, но рука, протянутая к шкатулке, дрожит. Глянцевая картонная крышка прохладна, урожай воспоминаний созрел, настала пора собирать. Надо потянуть за клапан... слышится шуршание картона о картон. Шкатулка открывается, распространяя запах ладана и роз. Рука, запущенная наугад, что-нибудь отыщет — вот и сюрприз.

Пальцы легли на книгу в матерчатом переплете. Улыбнувшись, она достает ее. Да, это Флосси, подруга (что-то случилось с ней потом?), подарила им эту книгу-альбом с фотографиями и открытками. Энн

открыла первую страничку и увидела себя очень юной, прильнувшей к руке такого же молодого мужчины — их первое свидание. И закрыла альбом.

Не такие воспоминания ей сейчас нужны. Она хочет именно прочувствовать, увидеть, где здесь кроется ее жизнь, а не судить о прожитых годах с позиции безгрешного родителя. Придвигает шкатулку и удивляется ее весу. Взору открывается букетик из сухих роз и гвоздик, гостевая книга, приглашения, салфетки, фужеры для шампанского. Слева, в углу, еще одна коробочка, поменьше, приглушенного красного цвета. С тем самым подарком.

Откинувшись назад, Энн присела на пятки и застыла в этой японской позе. Так вот ради чего была открыта свадебная шкатулка, вот почему она и была запрятана так далеко. Подарка, хранящегося в ней, муж не видел никогда, поскольку предназначался он ей, и только ей. Коробочка извлекается на свет, пора ее открыть.

Оберточная бумага падает на колени, обтянутые джинсами. В руках Энн оказывается маленький шарик, внутри сверкают сапфировыми искорками сотни кристалликов. На шарике есть дымчатый плоский ободок. Если легонько надавить на ободок, шарик раскроется, и сапфиры высыплются на ладонь. Слова старушки-дарительницы отчетливо звучат в памяти, будто только что сказанные: «Любое твоё желание исполнится. Можно изменить все, что захочешь. Запомни мой зарок: когда дела пойдут плохо, возьми шарик и все исправь».

Однажды после сильного скандала Энн взяла шарик в руки и долго-долго вглядывалась в него, в конце концов решив для себя не верить больше в такую несусветицу. Затем убрала с глаз долой и этот шарик, и всю свадебную коробку, намеренно вычеркнув из памяти все, что с ней связано.

Но сейчас ладонь крепко сжимает шарик. Так что же изменить? Воскресить мужа? Бессмысленно. Он не найдет жену прежней. Слишком много пережито после его смерти, и Энн уже стала другой. И у этой женщины нет уверенности, что им нужно встретиться вновь. Разбогатеть? Но сейчас она ни в чем не чувствует себя обделенной.

Только молодость ушла навсегда. Может, ей хочется новых горизонтов, тех возможностей, которыми пренебрегает Кэтрин Энн?

Если бы в свое время Энн вообще не вышла замуж, она, наверное, продолжила бы работу в универмаге. Она собиралась стать дилером-оптовиком — она была достаточно обаятельна, любила элегантно одеваться и разбиралась в одежде, да и во всем остальном неплохо подходила для такой работы. Но муж запретил ей работать, и после того, как он раз десять порвал на кусочки ее платежную ведомость, она в конце концов смирилась и послушалась его.

Шарик раскрыт, сапфировые кристаллики кажутся теплыми в ее ладони. Если она пожелает никогда не выходить замуж, то сохранится ли память о прожитом? Или же Энн просто появится в другой жизни, в другом доме и ничего больше не будет помнить о теперешнем? От нервного напряжения пальцы сдавили кристаллик, ее бросило в жар, по рукам пробежала дрожь. Не знаю...

«Ты должна быть уверена, точно знать, чего хочешь», — так говорила старушка, но Энн никак не может выбрать. И тут ее охватывает и кружит, кружит немыслимая сила, могучая энергия, существования которой она никогда не допускала.

Остановка. Шарик все еще прижат к сердцу, Энн стоит на знакомой улице, залитой теплым летним утренним солнцем. Ночью была гроза, очистившая воздух. Отовсюду веет свежей влагой недавнего дождя. Автомобили сорокалетней давности кажутся неожиданно большими, а дома вроде стали меньше, чем она помнит. Сама она стоит на тротуаре и заглядывает в окно спальни, где находится тоже она, только еще молодая: готовится вступить в день, который считает самым важным в своей жизни.

Она застывает под окном, накатывают воспоминания...

...Горячие мамины щипцы для завивки в ее пальчиках. Энн откладывает их и пристально всматривается в слегка волнистую поверхность зеркала. Ничего волшебного за ночь не произошло. Она не стала прекрасной просто от того, что собралась замуж.

Замуж. Она обхватила себя руками, мягкое шелковое касание лифчика показалось вдруг странным. Энн посмотрела на белое платье, раскинутое по кровати, туфли с высокими каблуками (на них ушел весь недельный заработок), вуаль, что будет закрывать лицо, пока Скотт не поцелует ее.

Замуж. Но сейчас еще можно отказаться. Отец, конечно, расстроится, но она останется свободной. Сможет продолжить свою собственную жизнь — и умереть старой и нелюбимой в каком-нибудь госпитале или приюте. Скотт любит ее, И она любит его. Весь мир будет вращаться вокруг них, пока они любят друг друга.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. А она думала, родители где-то бегают, отдают последние распоряжения.

— Войдите, — говорит Энн.

В дверях стояла старушка — пожилая бедная женщина в хлопчатобумажных брюках и белой блузке. В руках она держала прозрачный шарик.

— Кто вы? — спросила Энн.

— Я пришла со свадебным подарком для тебя, Энн, — ответила пожилая женщина и положила перед ней шарик. — Чаша добрых пожеланий. Замужество — нечто большее, чем сердечки и цветы, чем прелестная свадебная церемония. Замужество — на всю жизнь. А люди меняются, и любовь умирает...

— Кто вы? — повторила Энн, сердце ее заколотилось. Она бы закричала, стоило женщине сделать еще хоть шаг.

— Но тут заключена сила, способная все исправить. Ты должна знать, чего хочешь, а поняв это, ты сможешь загадать любое желание. Можно изменить все, что угодно. Вот мой наказ тебе: когда дела пойдут плохо, возьми шарик и все исправь. — Старушка улыбнулась. — И запомни. Быть замужем — это еще не все в жизни. Твоя жизнь имеет собственную ценность.

Тут старушка попятилась и вышла из комнаты, притворив за собой дверь. Энн быстро подбежала к двери и рывком распахнула ее, но женщина исчезла. Энн выглянула из окна прихожей — никого.

Пришлось вернуться в комнату, и, конечно, шарик оказался в руках. Теплый стеклянный шарик и сотни сапфировых кристалликов внутри. Рука нащупала ободок на гладкой поверхности шарика в том месте, где соединялись крышечка и донышко.

— Мы любим друг друга, — твердо и решительно сказала она, будто

странная дарительница была все еще здесь. — И всегда будем любить.

Энн стоит на улице с шариком в руках и смотрит на старый любимый дом, который ей после смерти родителей пришлось продать. Теперь-то она понимает, что произошло, и улыбается себе — молодой. Конечно же, старушка. Что бы сказала молодая девушка, знай она, что эта пожилая дама будет потом каждый день кивать ей из зеркала?

Все еще поглаживая шарик, она вспоминает, как рассердилась тогда, в то утро, и в какое приходила негодование каждый раз, когда впоследствии доводилось притрагиваться к неожиданному подарку. Энн и думать не хотела, что ей придется что-то менять в своей жизни. И так и не стала. Жила общей с мужем жизнью, в горе и радости, в бедности и достатке, пока смерть не разлучила их...

И ей вспоминается Скотт, словно въяве — его сияющее, обращенное к ней лицо, когда они выходили из церкви после венчания; восхищение во взоре, когда он держал на руках их новорожденную дочь; гордость в каждом движении во время игр с их внучкой. А эти ночи — они еще хихикали в постели, как подростки, а их собственные дети-подростки давно уже спали крепким сном. Да, он обижал ее и выставлял неприемлемые условия. Но то же самое она может сказать и о себе.

Отказалась переехать, когда ему предложили более высокооплачиваемую должность. Холодно отсылала из спальни за возвращение домой на час позже. Не давала побыть одному, без нее, с друзьями.

Их обоюдный выбор. Их совместный выбор.

За три дня до смерти Скотт шепнул, держа ее руку в своей: «Энни, я всегда любил тебя».

Пальцы судорожно сжимаются, еще немного — и шарик сломается «Скотти, — шепчет она в ответ, — я тоже люблю тебя».

Открывается дверь в доме напротив, и сосед (она никак не может вспомнить его имени) недоуменно оглядывает ее с головы до ног. Выбор приходится делать прямо сейчас, без промедления. Отступись она, обретет ли ее молодое «я» ту веру и ярость, что дадут ей силы пережить трудные годы? Ей всю жизнь помнились встреча с той старушкой-дарительницей и те показавшиеся зловещими слова, что Энн услышала в день свадьбы.

Но надо ли вновь класть начало тому, что она помнит всем своим существом?

Энн медленно бредет по полузабытой аллейке, которая ведет в дом ее детства.

Оставив недоумевающую себя-невесту за дверью, Энн тратит один сапфирик, чтобы вернуться обратно, на сорок лет вперед. Комната сначала исчезает в вихре, потом медленно проступают очертания охотничьих трофеев Скотта на книжных полках, разбросанная по полу одежда. Энн по-прежнему сжимает в руках шарик.

Она озадаченно смотрит на сапфировые огоньки и тут понимает: можно получить волшебный дар, лишь одарив им саму себя. А она только что преподнесла свой подарок. Теперь на душе покойно как никогда.

Энн достает из свадебной шкатулки желтоватую от времени подарочную оберточную бумагу. Узор устарел лет на сорок, но бумага еще бодро похрустывает и источает аромат розовых лепестков. Энн берет

ножницы и ленту со стола и опять опускается на колени. Ловко, руками, что всю жизнь готовили подарки, она заворачивает шарик и коробочку в старинную бумагу. На подарочном ярлычке — чудесным образом никем не заполненном — она пишет:

*«Кэтрин Энн.
Миллион наилучших пожеланий к твоей свадьбе».*

Завернутый подарок будет вручен Кэтрин Энн в следующий ее приход вместе с объяснением, что любовь — это еще не все. Любовь заканчивается разлукой, будь то смерть или развод, поэтому главное — чтобы отпущенное время жизни вашей делалось совместным и тем длилось.

И чтобы не забываться ложью.

Чарлз де Линт Мосты⁴

Она глядела вслед удаляющимся задним огням до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом грунтовой дороги. Две красных точки наконец исчезли, и она осталась в полном одиночестве.

Переступив с ноги на ногу, она услышала хруст камушков под подошвами и огляделась по сторонам. Деревья, в основном кедры и сосны, плотно обступали дорогу. Небо над головой усеяно звездами, но сколько бы там их ни было, светили они как-то слишком тускло. Она привыкла к городским мощеным улицам, к неоновой рекламе и ярко горящим фонарям. Даже в пригородах всегда было местное освещение.

Темнота и молчание, уединенность нависшей над деревьями ночи пробудили в ней безотчетный страх. Напускная развязность с некоторой долей уличного шика сразу слетела. Здесь, в двадцати милях от города, на холмах, упиравшихся в резервацию племени кикаха, красоваться было совершенно не перед кем.

Она не собиралась проклинать Эдди — много чести, — приберегая силы на долгий обратный путь. Оставалось только надеяться, что по дороге каким-нибудь подвыпившим фермерам не захочется затащить ее к себе в грузовик. Уж они-то не упустят своего, не то что Эдди. Слишком многие мужчины любой твой отказ мимо ушей пропускают, им сколько ни говори «нет», все равно норовят воспользоваться. А про эти места каких только историй не рассказывают.

Она не испытывала ненависти к Эдди, хотя и признавала, что тот ее полностью заслужил. Всю ненависть, на какую была способна, она обратила против себя. Почему она продолжала ему доверять, зная, отлично зная, чем это все для нее обернется?

— Корова безмозглая, кретинка, — бормотала она, пустившись в обратный путь.

А началось это еще в старших классах.

Ей нравились шумные тусовки, нравилось проводить время с ребятами. Она не видела в этом ничего дурного, потому что там было весело. Когда у тебя появляется парень, с которым можно потихонечку

«заземлиться», то секс становится самым приятным делом на свете.

Она встречалась с массой ребят, но ей как-то некогда было считать, сколько их крутилось вокруг. Причем все хотели от нее только одного. Немудреная истина дошла до нее с таким опозданием потому, что до ночи с Дейвом она относилась к своим связям очень легко и никаких проблем в них не усматривала. Прежде она просто считала, что пользуется успехом. Она всегда с кем-то встречалась, непременно находился некто, готовый позабавиться. Парень, с которым она провела уик-энд, мог, правда, забыть о ней в понедельник в школе, но всякий раз еще кто-то подкатывал спросить, занята ли она сегодня вечером. У нее попросту не оставалось особого времени на размышления.

Точнее говоря, ей и не хотелось думать, но поняла она это лишь впоследствии.

Когда Дейв предложил свозить ее в кино в субботу.

— Я предпочла бы потанцевать, — заявила она.

Дискотека поблизости была самая обычная, под запись с диск-жокеем, но как раз хотелось попрыгать под громкую музыку, а не торчать в киношке. Сперва Дейв пытался уговорить все же поехать в кино, а затем сказал, что раз ей так уж хочется танцевать, он знает несколько хороших клубов. Непонятно, откуда на нее снизошло озарение, но вдруг ей все стало до боли ясно.

— Ты не желаешь, чтобы нас видели вместе в дискотеке, — проговорила она.

— Не в этом суть. Просто... все ребята... ну, говорили...

— Что говорили? Что я дешевка?

— Нет, просто... ну, ладно... — забубнил он.

Взгляды, которые на нее бросали в школьном холле, тот тон, которым обращались к ней мальчишки перед свиданием, и то, как избегали после, — все сошлось.

Боже, как она могла быть такой дурой?

Она выбралась из машины, припаркованной возле родительского Дома. Слезы навертывались от жгучей обиды, но позволять себе реветь было нельзя. Больше она никогда не заговорит с Дейвом. Она поклялась, что теперь ее жизнь обязательно изменится.

Готовясь к выпускным экзаменам, она весь год держала свою клятву — но к ней по-прежнему относились как к школьной потаскушке. Два месяца назад она, наконец, сдала экзамены и даже не стала ждать, когда ей вручат диплом. За год ей удалось скопить денег, и она перебралась из отцовского дома в собственную квартиру в Нижнем Кроуси, поступила на работу секретаршей в фирму на Йурс-стрит и была совершенно уверена, что отныне все пойдет иначе. Никто из ее знакомых школьных лет не знал, где она живет и работает. Некому было хихикать вслед.

В ее жизни начался новый этап, и он ей нелегко дался. Друзей новых она не приобрела, да у нее, честно признаться, и старых-то не было. Раньше не хватало ни времени, ни здравого смысла это осознать. Но сейчас она попыталась исправить положение. Она подружилась с Сандрой, жившей с ней в одном доме, этажом ниже. Повсюду они ходили вместе, смотрели видео или шли в бар на Рыночной площади, на девичьи вечеринки, куда ребята не допускались.

Ей нравилось, что у нее появилась приятельница. С тех пор как она лишилась девственности — а это случилось незадолго до ее пятнадцатилетия, — подруг у нее не водилось. В ту пору она открыла, что

мальчишки могут доставлять ей удовольствие недоступным девицам способом.

Подружившись с Сандрой, она понемногу начала знакомиться с сослуживцами, на работе она и встретилась с Эдди. Он был курьером строительной фирмы и каждое утро приносил и клал ей на стол ворох корреспонденции, задерживаясь ненадолго поболтать, и однажды, осмелев, назначил ей свидание. Для нее это было первое свидание более чем за год.

Эдди показался ей вполне приятным парнем, и она согласилась. Собраться решили у его знакомого, жившего за городом. Там, по его словам, можно было бы посидеть на берегу реки у костра и попеть под гитару старые песни «Битлз» и Билли Холидэя, поесть поджаристых гамбургеров и сосисок. В общем, должно было быть здорово.

А четверть часа назад Эдди съехал на обочину, заглушил мотор, откинулся к дверце, огладил взглядом ее обтянутую майкой грудь и туповато ухмыльнулся.

— Почему мы здесь остановились? — спросила она, понимая, как нелепо прозвучат ее слова, и заранее зная, что он ей ответит.

— Я подумал, хорошо бы подразвлекться сначала наедине.

— Нет уж, спасибо.

— Да брось ты. Чак говорил...

— Чак? Какой Чак?

— Андерсон. Ты с ним училась вместе.

Призрак прошлого ожил и начал ее преследовать. Она была хорошо знакома с Чаком Андерсоном.

— Он был у меня на днях. Мы разговорились, и когда я о тебе упомянул, он все и выложил. Сказал, ты любишь большие тусовки.

— Ладно, он просто дерьмо поганое. Думаю, тебе лучше отвезти меня домой.

— Полегче, детка. Не так круто, — предупредил Эдди.

Он потянулся к ней, но она отреагировала быстрее, выхватив из сумочки нож. Нажала на кнопку, и с легким щелчком выскочило длинное лезвие. Эдди спешно отодвинулся подальше.

— Черт побери, что ты этим хочешь доказать?

— Отвези меня домой, только и всего.

— Заткнись. Или иди ко мне, или катись отсюда, пешком прогуляйся.

Она смерила его холодным взглядом и кивнула:

— В таком случае я лучше прогуляюсь.

Едва она ступила на землю, как колеса автомобиля обсыпали ее веером мелких камней. Под оглушительный рев мотора Эдди резко развернул машину и рванул прочь. Спрятав нож обратно в сумку, девушка молча проводила машину глазами.

На подходе к мосту через ручей Стикере перед его впадением в реку Кикаха ноги уже заметно болели. Она прошла около трех миль после того, как Эдди высадил ее, и до дома еще оставалось целых семнадцать.

Она дважды пряталась под деревьями, завидев проезжавшие мимо машины. Правда, водитель первой из них выглядел так добродушно, что она выругала себя за излишнюю мнительность и предосторожность. Почему она не выбежала на шоссе и не проголосовала? Во второй машине, грузовичке, сидели двое, по виду фермеры из глубинки. Один из них швырнул в кусты бутылку из-под пива, едва не угодив ей по голове —

конечно, он не подозревал, что под кедром кто-то мог прятаться. Она обрадовалась, что все обошлось благополучно. К счастью, на этот раз нервное напряжение пересилило желание послать все к черту и выскочить из укрытия.

Она оперлась о перила и села отдохнуть. Ей не удалось как следует разглядеть стремительно несущийся под мостом поток — лишь белые гребни пены вскипали на волнах. Доносился неумолчный шум текущей воды, он как-то успокаивал.

Она подумала об Эдди.

Ей нужно было разобраться в нем раньше, это очевидно. И зачем обманывать себя, будто она так-таки ничего о нем не знала.

Да еще Чак Андерсон. О Господи!

Какой смысл было начинать все заново? Прошлое не отпускало. Она вздохнула и поднялась. Что толку сетовать? Мир несправедлив, и с этим ничего не поделаешь. Но Боже, как тут одиноко. И как можно вынести все, опираясь лишь на себя? Какой смысл стараться?

Ее шаги гулким эхом отдавались в перемышках моста, и она вновь погрузилась в призрачный мир размышлений и догадок. Что, если сейчас по мосту проедет машина? Некуда бежать, негде скрыться. Разве только забраться под ветхие доски моста. Непонятно, как это мост еще держится?

Дойдя до середины моста, она почувствовала, будто все внутри у нее ухнуло куда-то вниз, словно она спускалась на каком-то сверхскоростном лифте. Головокружение вынудило ее прислониться к деревянной планке перил. На секунду ею овладела паника — Господи, да она сейчас упадет! — но затем все прошло. Можно двигаться дальше.

Она миновала мост и замерла как вкопанная. Паника, охватившая ее минуту назад, показалась сушим пустяком в сравнении с тем, что она ощутила сейчас. Не веря себе, она всмотрелась пристальнее.

Знакомый пейзаж куда-то исчез. Дороги, деревья, холмы — всего этого как не бывало. Она поняла, что находится не в своем предместье, да и вообще ни в каком не в предместье. Перед ней расprostерся город, похожий на картины Эшера. Станные здания с косыми углами то склонялись одно к другому, то резко отталкивались друг от друга. Если не поднимать глаза вверх и смотреть, не меняя угла зрения, то они напоминали игрушечные дома, составленные из больших кубиков, и их верхняя половина как будто отражала нижнюю.

В этом городе повсюду были мосты.

Везде мосты, куда ни глянь. Мосты между зданиями, мосты, соединяющиеся с другими мостами, никуда не ведущие мосты и мосты разведенные, словно откинувшиеся сами на себя — трудно было сказать, где их начало, а где конец. Столько мостов, что не сосчитать.

Она повернулась, надеясь увидеть место, из которого пустилась в путь, но не прошла и двух шагов, как из полутьмы вынырнула чья-то рука, схватила ее и потащила вперед. Она принялась отбиваться от напавшего, но тот развернул ее от себя и ухватил поудобнее, прижав ее руки к бокам.

— Полегче, полегче, — слышался мужской голос.

Она уловила в этом голосе какой-то сухой, пыльный отзвук, похожий на шелест старых книг в библиотеках, когда по ночам они обмениваются друг с другом своими тайнами.

— Пустите меня, пустите! — закричала она.

Не разжимая рук, напавший довел ее до конца моста.

— Взгляните, — сказал он.

Страх так глубоко проник в нее, что сперва она даже не поняла, о чем он говорит. Однако подсознание зафиксировало его слова. Мост, по которому она прошла, чтобы попасть в этот фантастический, призрачный город, оказался без настила. Вместо него между деревянными перилами зияла пустота. Если бы неизвестный не подхватил ее, она непременно упала бы Бог знает с какой высоты.

Как только она перестала сопротивляться, незнакомец ее отпустил. Пошатываясь, она отошла от уже не существующего моста, затем снова остановилась, не зная, куда ей теперь идти и что делать. Повсюду, куда ни глянь, странные накренившиеся здания и мосты.

Это было невероятно. «Все это мне снится», — решила она. Скорее всего, она заснула от усталости.

— Ну как, с вами все в порядке? — поинтересовался ее благодетель.

Она обернулась и взглянула на него. В лунном свете он выглядел вполне безобидно. Одет в выцветшие джинсы и куртку, ковбойские сапожки и белую фланелевую рубашку. Волосы темные и коротко подстрижены. В сгустившихся сумерках ей было не разглядеть черт его лица, только глаза будто вобрали в себя лунный свет, а теперь сами светились вдвое ярче.

Его облик странным образом успокоил ее, и она наконец смогла заговорить.

— Кто вы такой? — выпалила она, — как я сюда попала?

Не успела она задать первый вопрос, как в ее сознании зародились сотни других, и каждый из них просился наружу, требуя ответа. Но стоило вырваться первым двум, против ее воли, на едином дыхании и без пауз между словами, как она прикусила язык, боясь вновь поддаться панике.

Она глубоко вздохнула и проговорила более внятно:

— Спасибо, что вы меня спасли.

— Всегда пожалуйста.

Опять этот сухой, пыльный голос Сам воздух здесь иссушал.

— Кто вы? — повторила она.

— Можете называть меня Джеком.

— А меня зовут Мойра, Мойра Джонс.

Джек слегка кивнул.

— С вами сейчас все в порядке, Мойра Джонс?

— Надеюсь.

— Ладно, тогда...

— Постойте! — воскликнула она, догадавшись, что он собирается с ней распрощаться. — Что это за место? Почему вы меня сюда привели?

Он покачал головой.

— Это не я. В Город мостов людей приводит судьба. Так что вы сами сюда пришли.

— Но.

— Я понимаю. Тут, конечно, все странно и непривычно для вас, непонятно, куда кинуться и кому довериться.

Она уловила в его сухом голосе несмешливые нотки.

— Наверно, так...

Он молча разглядывал ее.

— Я вас не знаю, — произнес он наконец. — Не знаю, почему вы здесь очутились или откуда пришли. Я даже не знаю, удастся ли вам отыскать

обратную дорогу.

Хотя ее положение было парадоксальным, нелепым, Мойра обнаружила, что в глубине души готова смириться с ним. Как будто она видела сон, где все невероятные события развиваются своим чередом. При всем том сном происходящее не было, к тому же этот странный Джек пытался от нее поскорее отделаться.

— Послушайте, — начала она, — я успела оценить вашу помощь, но больше обо мне не беспокойтесь. Я как-нибудь одна справлюсь.

— Насколько мне известно, — проговорил он, будто ее не расслышав, — этот город — место для тех, кому на земле нет пристанища.

— Что вы имеете в виду? Отсюда не выбраться?

Действительно, такая жизнь, как у нее, и должна была завести сюда.

— Это забытый край.

— Забытый кем?

— Миром, в котором он существует, — пояснил Джек.

— Но как можно забыть о таком странном месте? — удивилась она.

Мойра еще раз осмотрелась и попыталась вновь сосчитать мосты. Они были везде — любых размеров, форм и видов. Но, странное дело, они не соединялись, не пересекались между собой: маленький японский мостик вовсе не терялся возле магистральной эстакады, хотя сами по себе их пропорции оставались точными. Кругом канатные, деревянные и старые каменные мосты, похожие на мост Келли-стрит через Кикаху в Ирландском квартале Ньюфорда. Удастся ли ей еще когда вернуться в Ньюфорд?

— Людям свойственно забывать свои мечты, — откликнулся Джек. Он дотронулся до ее локтя и отнял руку, прежде чем она успела отодвинуться.

— Ну что же, пойдем вместе, если хотите. У меня назначена встреча, но, думаю, я успею вам кое-что показать по дороге.

Помедлив, Мойра двинулась за ним. Они пошли по металлическому мосту, гулко звеневшему под их шагами. Мосты — дороги этого города.

— А вы здесь живете? — полюбопытствовала она.

Джек покачал головой.

— Но я здесь постоянно бываю. Я имею дело с возможными вариантами, а мосты, в сущности, именно таковы. Не те, конечно, что стоят на земле и соединяют две точки в пространстве. А те, что мы сами строим для себя.

— О чем это вы говорите?

— Допустим, вам хочется стать художницей. Еще не зная, за какой конец следует держать кисть, вы начинаете строить мост к тому дню, когда сможете написать картину: изучаете технику других художников, а дальше экспериментируете сами. Вы строите мост, и либо он выводит вас к цели, либо нет.

— И что тогда?

Его зубы блеснули в лунном свете.

— Принимаетесь строить новый, а быть может, и еще один, до тех пор, пока какой-нибудь из них не выведет к цели.

Мойра кивнула, сделав вид, что поняла его. А в голове бился вопрос: «А я-то что здесь делаю?»

— Но это, — добавил он, — город несбывшихся мечтаний. Здесь сходятся мосты, которые никуда не ведут.

«Просто великолепно», — подумала Мойра. Забытый край. Тупик.

Они ступили на булыжник какого-то вычурного моста с изящными металлическими перилами. Миновав примерно две трети моста, они увидели, как впереди зашевелилась куча тряпья — нищий. Он (или она) — Мойра так и не смогла определить пол несчастного существа — едва смог сесть. Когда они поравнялись с оборванцем, тот только плотнее прижался к перилам.

— Больная раком, — пояснил Джек, когда они прошли мимо и были уже на достаточном расстоянии. — Ей больше не для чего жить, поэтому она явилась сюда.

Мойра вздрогнула.

— А вы не можете... Не можем ли мы для нее что-нибудь сделать?

— Ей уже ничем не поможешь, — ответил Джек. По его глухому равнодушному голосу нельзя было понять — действительно ли это так или ему просто не было до нищенки дела.

— Но...

— Останься у нее хоть тень надежды, она бы сюда не попала, — заявил он.

Теперь под их ногами закрипели неструганные доски незамысловатого мостка. Джек вел ее все как-то кругом, казалось, они опять вернулись туда, откуда пустились в путь. Под каменной аркой очередного перехода Мойра услышала жалобный плач. Глянув вниз, она увидела ребенка, притаившегося у двери. Джек остановился, поджидая Мойру.

— Там ребенок, — начала она.

— Вы должны понять, — произнес Джек, — что здесь вы никому не поможете. Люди попавшие сюда, давно простились с Надеждой. Теперь они во власти Отчаяния.

— Но разве...

— Ребенок — жертва насилия, — пояснил Джек. Он посмотрел на часы. — У меня пока есть время. Идите и попытайтесь помочь.

— Боже, да вы просто бесчувственный чурбан!

Джек постучал по циферблату часов.

— Время уходит.

Мойре очень хотелось прогнать его, пусть идет по своим делам, но ее пугало, что одна она здесь заблудится. Джек, конечно, не подарок, но хотя бы ориентируется здесь.

— Я сейчас вернусь, — проговорила она.

Сбежав вниз по крутой дорожке, Мойра пересекла шаткий деревянный мост и очутилась перед дверью дома. Мальчик напряженно наблюдал за ее приближением. Он сжался в комок, сдавленные рыдания сотрясали его тело.

— Ну, успокойся, — ласково сказала Мойра, — все будет хорошо. Она сделала еще несколько шагов к мальчику, но тут он вскочил, вжавшись в стену, и выставил перед собой руки, словно пытаясь ее оттолкнуть.

— Больше тебя никто не обидит. — Мойра подошла ближе, но тут ребенок пронзительно закричал. — Не плачь! Я здесь и могу тебе помочь.

Мальчик бросился наутек прежде, чем она смогла до него дотронуться. Он прошмыгнул под ее рукой и кинулся прочь, жалобно скуля. Мойра обескураженно глядела ему вслед.

— Теперь вы уже его не поймаете, — раздался сверху голос Джека.

Она подняла голову. Джек сидел на каменной перемычке, болтая ногами и постукивая каблуками о камни.

— Я ему ничего плохого бы не сделала, — сказала она.

— Он не может в это поверить. Я уже говорил вам — люди, живущие здесь, давно утратили надежду. Вы не способны им теперь помочь, и никто им не поможет. Да они и сами не в силах себе помочь.

— Что же они здесь делают?

Джек пожал плечами:

— Нужно же им какое-то пристанище.

Мойра снова вскарабкалась наверх, гнев искажал ее черты.

— Неужели вам совсем все равно? — потребовала она ответа.

Джек только повернулся и зашагал дальше. Она опять заколебалась, а потом кинулась вдогонку. Пытаясь согреться, Мойра обхватила себя руками, но холодок поднимался откуда-то изнутри.

Миновав множество мостов, когда Мойра уже сбилась со счета, они очутились в центре города. Изредка им попадались уличные фонари. Их тусклый свет тщетно пытался разогнать тени. Местами призрачно потрескивала неоновая реклама, но ничего толком не освещала. А на свету становилось даже хуже: бросались в глаза запущенные, старые здания, общий упадок, царивший в городе, — растрескавшиеся стены, выщербленные мостовые, кучи отбросов.

Подойдя к зажженному фонарю, она смогла лучше рассмотреть своего спутника. Выразительность его лица не соответствовала бесстрастию голоса. Джек уловил ее взгляд и чуть заметно улыбнулся, но в его глазах она прочла скорее насмешку, чем дружеское участие.

По пути они, как и раньше, сталкивались с угрюмыми, никому не нужными людьми, которые или жались к домам, или кидались прочь, завидев Мойру и Джека. Он перечислял их беды и болезни — вот жертвы СПИДа, вот изнасилованная девушка, избитая жена, а вот паралитик, — пока Мойра не взмолилась:

— Я больше этого не выдержу.

— Простите. Я думал, что вам хотелось узнать.

Остаток пути они шли молча, поднимаясь все выше и выше, пока не оказались наверху огромного здания, венчающего город. С высоты открылась вся путаница мостов и переходов. У Мойры перехватило дыхание, она отступила от края крыши, ощутив, как опять закружилась голова, будто злой дух толкал ее вниз. Тебе нужно сделать только шаг в ночное небо. Так сделай его, и ты навсегда забудешь свои невзгоды.

Услышав звук шагов, она рада была отвернуться от завораживающей бездны. К ним направлялась женщина. Подойдя совсем близко, она остановилась. В отличие от прочих обитателей города, она производила впечатление уверенной в себе особы, способной распоряжаться собственной судьбой. Бледное лицо, ежик прямых рыжих волос, в одном ухе полдюжины серебряных сережек и гвоздик-звездочка — в другом. Подобно Джеку, она была одета с небрежной элегантностью — черные джинсы, черные ботинки, белая блузка и черная кожаная куртка, наброшенная на одно плечо. Ее глаза, тоже как у Джека, казалось, вобрали в себя лунный свет.

— Ты не один, — сказала она Джеку.

— А я никогда не бываю один, — отозвался он, — ты же знаешь. Моя сестра Диана, — пояснил он Мойре, знакомя их.

Женщина молча разглядывала Мойру своими глазами-лунами, и девушке снова стало не по себе. В глубине души она продолжала

надеяться, что все это не наяву. Вновь накатила паника, судорожно сжалось все внутри.

— Почему вы тут оказались? — наконец спросила Диана.

Ее голос звучал иначе, чем у брата. Он был теплым, полновзвучным, от него словно веяло ароматом цветущей вишни или розовых бутонов. Страх Мойры сразу улетучился, и она опять поверила, что этот кошмар наконец должен развеяться.

— Я... я не знаю, — сказала она, — по дороге домой я просто ступила на мост... и вдруг очутилась здесь, понятия не имею, где именно. Я... Но мне хочется домой. Я хочу, чтобы все это было не взаправду.

— Тут все в высшей степени реально, — проговорила Диана.

— Потрясающе.

— Она хотела помочь несчастным, — вмешался в разговор Джек, — но они бросились от нее врассыпную.

Мойра кольнула его неприязненным взглядом.

— Оставь ее в покое, — резко бросила Диана, нахмурилась и снова переключила внимание на Мойру.

— Почему бы вам не вернуться домой?

— Я не знаю... как это сделать. Я пришла сюда по мосту... И как только решила двинуться назад... он ушел из-под ног.

Диана кивнула.

— А что вам говорил мой брат?

«Да всякую ерунду», — чуть было не сказала Мойра, но вовремя одернула себя и постаралась поточнее передать свой разговор с Джеком.

— И вы пришли в отчаяние? — задала новый вопрос Диана.

— Я...

В замешательстве Мойра подумала об утративших надежду, отброшенных на обочину людях, попавшихся ей по пути сюда.

— Полагаю, что не слишком. Я имею в виду, что никогда не была особенно счастлива, но...

— Вы питали надежду? Надеялись, положение изменится к лучшему?

Перед ее внутренним взором пронеслись призраки далекого и недавнего прошлого. Мальчишки из школы. Эдди. Она слышала голос Эдди: «Или иди ко мне, или придется прогуляться пешочком».

Ей хотелось одного — нормальной жизни. Чтобы хоть чему-то можно было порадоваться. Ей хотелось найти человека, способного отнестись к ней по-доброму. Хотелось, не таясь, любить его. Она желала навсегда забыть о людях, считавших ее потаскушкой. И наутро чтобы он остался с нею. Ей хотелось не просто повалиться на сеновале, а чтобы и потом быть вместе.

Но теперь все казалось почти несбыточными мечтами.

— Не знаю, — проговорила она наконец. — Хотелось бы, конечно. Я не собираюсь сдаваться, но...

И снова перед нею встали лица — на сей раз отчаявшихся, заблудших жителей мертвого города.

— Есть, конечно, люди, которым гораздо хуже, чем мне, — продолжала она. — Я здорова, у меня много сил. Тело и разум верно служат мне. Но я тоже понесла потерю. Не знаю, как у других — возможно, они чувствуют то же самое и просто лучше держатся. Но в душе у меня какая-то пустота, и я ничем не могу ее заполнить. Я так одинока...

— Вот видишь, — заметил Джек, — она моя.

Мойра повернулась к нему:

— О чем вы?

Ответила Диана:

— Он пытается определить меру вашего несчастья, — пояснила она.

Мойра взглянула сначала на нее, потом на него. В словах брата и сестры был какой-то ускользающий, неясный ей смысл.

— О чем вы говорите? — переспросила она.

— Этот город принадлежит нам, — сказала Диана. — Моему брату и мне. Мы как орел и решка на монете. Для большинства людей монета падает моей стороной, потому что вы, люди, по натуре оптимисты. Но на одном оптимизме далеко не уедешь, и когда монета падает стороной брата вверх, всем надеждам приходит конец.

Мойру задели слова «вы, люди, по натуре оптимисты». Она поняла: Диана говорила так, словно ни она, ни Джек вовсе не были людьми. Мойра обвела взглядом панораму города — бесчисленные мосты и покосившиеся здания. Фантастическое видение — пусть это и не кошмар, но все равно приятного в нем мало. Она в ловушке. Удастся ли проснуться?

— Кто вы такие? — задала она вопрос. — Я не верю, что вы и правда «Джек и Диана», вы меня этим не купите. Это не из жизни, а вроде как из песенки Джона Мелленкампа. Кто же вы на самом деле? И что это за место?

— Я уже говорил вам, — произнес Джек.

— Но ты разъяснил ей лишь наполовину, — добавила Диана и повернулась к Мойре лицом. — Мы — это Надежда и Отчаяние — сказала она, приложив руку к груди. — Поскольку вы в нас нуждаетесь, мы уже не простая аллегория. Мы обрели форму, плоть. И это наш город.

Мойра покачала головой:

— Я в состоянии понять, что такое отчаяние, — весь ваш город пропитан им. Но я не понимаю, где же здесь надежда.

— Надежда позволяет сильным побороть отчаяние, — проговорила Диана. — Она-то и придает им силы. Не слепая вера, не уверенность, что кто-то явится на помощь, но трезвое понимание, что благодаря их силе воли они способны не только выжить, но и победить. Надежда закаляет волю и позволяет преодолеть все вопреки любым невзгодам.

— Не забудь сообщить ей, что избыток надежды превратит ее в ленивую корову, — заметил ее брат.

Диана вздохнула, но не оставила его реплику без внимания.

— Это верно, — согласилась она. — Чрезмерные надежды могут и повредить. Но помните: ни надежда, ни отчаяние сами по себе не всесильны, они могут лишь питать источник душевных сил. От того, как их применить, и будет зависеть победа или поражение.

— Это банально, — пробормотала Мойра.

Диана улыбнулась.

— Да, это расхожие истины, но их часто забывают.

— Ну так что же мне здесь делать-то? — не отставала Мойра. — я никогда не сдавалась. И теперь не отступлюсь.

Диана взглянула на своего брата. Он пожал плечами.

— Я проиграл, — произнес он. — Она твоя.

Диана покачала головой:

— Нет. Она принадлежит самой себе. Отпусти ее.

Джек повернулся к Мойре и посмотрел на нее с видом обиженного

ребенка, от чего резкие черты его лица исказились, а потом словно затуманились.

— Ты еще вернешься, — сказал он. Его сухой голос походил на ветер в пустыне, взметающий песок, и она ощутила острую боль в сердце. — Надеяться прекрасно, я готов это признать, но если вас однажды посетило отчаяние, вы никогда от него полностью не избавитесь.

Будто огонь пробежал по телу Мойры. Вновь закружилась голова, все поплыло перед глазами, в ушах стоял шум. Голова сделалась тяжелой, как чугунный котел, и от боли она почти ничего не соображала.

«Но Надежда сильнее».

Мойра не была уверена, слышала ли она эти слова и правда ли, что аромат распустившихся цветов очистил душу от въевшейся пыли отчаяния. Может быть, ей это только кажется, она хочет этого и потому верит. Но сухой голос Отчаяния становился все тише и вскоре смолк. Голова кружилась все сильнее. Мойра дала неведомой силе унести себя далеко... Далеко.

Внезапно Мойра осознала, что стоит на четвереньках на грязных досках. Где же она?.. Затем она вспомнила прогулку по мосту Город Надежду и Отчаяние. Она села на корточках и огляделась. Кругом снова родной и знакомый мир. Словно она никогда его не покидала.

Вдруг в голове отдалось гудение мотора. На дальнем конце моста показалась машина, свет фар ослепил Мойру. Она вспомнила Эдди и свой страх перед грубыми фермерами. Скрыться было негде. Пронзительно взвизгнули тормоза. Заскрипели доски, дверца машины открылась. Из нее на мост вышел человек и направился к Мойре.

Освещенный сзади фарами машины, он казался огромным — просто чудовищным. Ей захотелось убежать. Захотелось крикнуть. Однако она не в силах была шевельнуться.

— Бог ты мой! — воскликнул неизвестный. — С вами ничего не случилось?

Он склонился над ней с озабоченным видом. Она медленно кивнула.

— У меня просто... Закружилась голова.

— Разрешите вам помочь?

Она позволила довести себя до машины. Он распахнул дверцу, и Мойра с благодарностью опустилась на сиденье. Мужчина посмотрел на другой конец моста, откуда она двинулась в путь, как теперь казалось, лет сто назад.

— Вы попали в аварию? — осведомился он.

— Можете считать, что да, — ответила она. — Мой спутник вышвырнул меня из своей тачки в нескольких милях отсюда.

— И вы поранились?

Она покачала головой:

— Он ранил лишь мои чувства.

— Боже, какой подлец!

— Да. Спасибо вам, за то что остановились.

— Никаких проблем. Куда вас лучше подвезти?

Мойра опять покачала головой.

— Я возвращаюсь к себе в Ньюфорт. Думаю, что вам не по пути.

— Но я не намерен бросать вас здесь на полдороге. — И, прежде чем она успела возразить, он захлопнул дверцу и сел за руль. — Не беспокойтесь. Нужно быть последним подлецом, чтобы... Ну, вы поняли,

чего там дальше.

Мойра рассмеялась — он действительно выглядел смущенным чужой подлостью.

— Мы сейчас переедем мост, развернемся и тогда...

Мойра дотронулась до его руки. Она помнила, что произошло, когда она в прошлый раз пыталась пройти по этому мосту.

— Я вас очень прошу, — обратилась она к водителю, — не могли бы сейчас дать задний ход?

Ее благодетель сперва окинул Мойру насмешливым взглядом, но затем, пожав плечами, отъехал назад. Мойра затаила дыхание, пока машина пятилась юзом, и успокоилась, лишь когда они выбрались на дорогу. По обочинам стояли сосны и кедры. Никакого странного города, никаких мостов. Мойра в первый раз свободно вздохнула.

— Как вас зовут? — спросила она, когда он мастерски вырулил на узкой дороге и уже развернулся в сторону Ньюфорда.

— Джон, Джон Фрэйзер.

— А меня — Мойра.

— Мойрой звали мою бабушку, — проговорил Джон.

— Неужели?

Он кивнул. «Кажется, он славный малый, — подумала Мойра. — Не из тех, кто готов надо всеми смеяться».

На мгновение она уловила в воздухе аромат цветов. Джон встретился ей совершенно случайно и так же невзначай дал понять, что Надежда действительно существует, решила она. Может быть, ей просто повезло, и это своего рода компенсация за уныние и невежливость брата Дианы. А может быть, права Диана: если у вас доброе отношение к миру, то есть шанс, что положение изменится.

— Спасибо, — произнесла она. Мойра не знала, услыхала ли ее Надежда, но ей все равно хотелось поблагодарить.

— Всегда пожалуйста, — откликнулся Джон.

Мойра посмотрела на него и улыбнулась.

— Да, — проговорила она. — И вам спасибо.

Недоуменное выражение на лице Джона заставило ее улыбнуться еще шире.

— Что вас так развеселило? — полюбопытствовал он.

В ответ она пожала плечами и откинулась на сидении.

— Это долгая мрачная история, и вряд ли вы мне поверите.

— Поделитесь.

— Может быть, в другой раз, — уклончиво отозвалась она.

— Ловлю вас на слове, — сказал он.

К своему удивлению, Мойра ощутила, как в ее сердце зарождается надежда.

* * *

Выражаю благодарность Брюсу Барберу за описание города мостов в подготовленном им сборнике.

Джойс К. Дженсен

Рассказы Джойс К. Дженсен печатались в «Aboriginal SF» и «Amazing»

stories». «Дебют Джанель Джохансон» — ее первая публикация в F&SF.

Вот что пишет Джойс об этом рассказе: «У девушек и женщин в 50-х было не так много возможностей для самореализации. И хотя рассказ получился именно о возможностях, замысел его был совсем другим. Я хотела показать, как общество отнимает надежду, подавляет стремления, старается удержать каждого на его месте. Но Джанель не приняла такого поворота событий. Пятьдесят четвертый год или нет — ей были необходимы эти возможности».

Джойс К. Дженсен Дебют Джанель Джохансон⁵

— Мисс Джерард, что означает «спутник»?

— Не знаю, Джанель. Где ты услышала это слово?

Джанель хотела объяснить, что видела рисунок в словаре, но мисс Джерард уже отвечала кому-то другому.

В классной комнате тридцать один ученик — мисс Джерард занималась с тремя классами одновременно, и, конечно, заставить учиться сразу всех было нелегко.

— Дети! Сейчас мы будем рисовать Иисуса в Гефсиманском саду. Лучшую картинку выберет мисс Риборг. Автору лучшей работы поручат нарисовать большой плакат к Семейному празднику. Вы ведь знаете: в следующий четверг — Семейный праздник.

Органистка церкви мисс Риборг тонко разбиралась во всех искусствах.

— Вы подумайте пока. Я сейчас раздам бумагу.

Джанель тут же загорелась идеей рисунка, такого воодушевления она никогда еще не испытывала. Вообще, если бы ее спросили, любит ли она школу, она бы ответила: «Как можно не любить школу?»

Школа — это место, где происходят самые интересные вещи на свете». Так что Джанель не было скучно на уроках, и требовавшаяся от школьников железная дисциплина особо ее не угнетала. Не самые высокие оценки за прилежание, которые она получала, были, как ни странно, от ее страстного отношения к учебе.

Пока одноклассники катали шарики из жеваной бумаги и играли в крестики-нолики, прячась за учебниками истории, Джанель листала «Американскую энциклопедию» (особенно она любила десятый том, двенадцать страниц слов на «Q»). Когда всем классом проходили «Чудеса чтения», перепрыгивая непонятные слова, Джанель, проговаривая каждое, пыталась угадать смысл по звучанию, и специально шла в конец класса, где лежал большой словарь, неся на кончике языка это слово, будто переливчатый стеклянный шарик, чтобы раскрыть его внутреннюю красоту до конца.

Пока мисс Джерард занималась с пятым классом математикой, Джанель вернулась к пыльному красному словарю и опять разыскала «спутник». Там значилось, что это «искусственный спутник Земли». В своей тетради для новых слов (она никогда не забывала чем-то украсить

5 © Joyce K. Jensen. Janel Johanson's First Exhibit. F&SF, May 1993. Перевод М. Митько.

работу) появилась новая картинка: космические ракеты, такие, как в журналах, которые любит читать старший брат.

Каждый день Джанель и трое ее братьев ходили в лютеранскую школу Небесной Благодати — двухэтажное зданье, торчащее между пыльным двором и церковной автостоянкой, потемневшее от времени. Внутри застоялся запах мела, деревянные полы продавились, а оконные стекла подернулись рябью, как озерная гладь. В дождливые дни классы наполнялись ароматом сырого дерева.

В первый раз Джанель почувствовала разочарование еще во втором классе, когда поняла, что учительница, мисс Андерсон, перестала ее вызывать.

Джанель всегда знала урок и гордилась этим, даже чуть-чуть тщеславилась. Над головами одноклассников, сонно уставившихся в окно, или перекидывающихся записочками, или рисующих рожицы в тетрадах, взлетала ее рука. Но не имело значения, как быстро или как высоко она поднимала руку, — все равно мисс Андерсон вызывала кого-нибудь другого.

Джанель придумывала всякие уловки, например, держала руку прямо, как древко знамени, устремив пальцы в потолок, или трясла кистью, чертила вытянутой рукой круги и кресты. Она просто не могла сидеть сложа руки. Её рука взлетала по десять раз на дню, но приходилось с болью и обидой опускать ее снова.

На следующий год пришла новая учительница первых третьих классов, мисс Мюллер, но она тоже не спрашивала Джанель.

В конце концов Джанель решила, что, может быть, учителя просто не любят ее. У нее были отличные оценки по всем предметам, кроме каллиграфии. Каллиграфия — единственно возможная причина. Ничего более нудного нельзя было придумать, чем выписывать целые строчки «О», потом страницы «С» и «Д» тупым, как и сама работа, карандашом. Едва дойдя до половины, Джанель часто переключалась на рисование орнамента по краям страницы.

Потом она все-таки попросила маму купить ей специальную табличку для каллиграфии и каждый вечер, расположившись за обеденным столом, неделями рисовала буквы. «К», «Г» и «Я». «Д» ей особенно нравилась — самая красивая и самая трудная буква. Каждый вечер она заполняла страницу: «Джанель Джанет Джохансон», тщательно выводя буквы.

— Надо же, Джанель! — удивлялась мама в конце четверти. — Опять сплошные пятерки и золотая звездочка по каллиграфии!

Но и после этого ее не вызывали.

К четвертому классу Джанель потеряла надежду. Как ей стать учительницей (а это было ее заветной мечтой), если учителя ее вовсе не вызывают? Как же они узнают, что она знает достаточно, чтобы учить других? После ужина Джанель покорно относил учебники наверх к себе в комнату, но вместо домашних заданий перечитывала Уолтера Фарли.

На полях ее тетради появились замечания мисс Джерард: «Сожалею, что ты перестала учиться» или «Я знаю, что ты можешь писать гораздо лучше». Но это не помогало. Золотые и серебряные звездочки тоже не радовали Джанель. Мисс Джерард очень верила в звездочки из фольги — Джанель отклеивала их со своих тетрадей и складывала в коробочку — для будущих надобностей. Она все еще поднимала руку на уроках, но без особого воодушевления. Урок стал для нее лишь ожиданием перемены.

Настал первый теплый день, когда на перемене можно было выйти на

улицу. На утоптанном школьном дворе не росло ни одного дерева, ни кустика, ни травинки. Мисс Джерард, которая, естественно, не прыгала, не качалась на качелях, не играла в пятнашки, в мяч, сидела на скамейке, поеживаясь в тонком свитере. Улучив момент, Джанель бросила скакалку и встала у края скамейки, будто пытаясь отдышаться.

— Мисс Джерард, вам, наверное, нравится быть учительницей? — спросила она.

— Должно нравиться. Мне за это платят. — Мисс Джерард указала Джаннет место рядом с собой. — Садись. На самом деле я работаю, чтобы накопить денег для колледжа.

Джанель и большинство ее подруг решили стать учителями, когда вырастут. Теперь она была озадачена. Джанель села поближе к мисс Джерард, чтобы коснуться ее руки. Она вдыхала ее духи и любовалась ее платьем, которое явно не было сшито дома.

— Учителем быть хорошо, — продолжала мисс Джерард, — но я хочу путешествовать, увидеть мир...

— Вы были хорошей ученицей? — вдруг спросила Джанель.

— Ммм... Думаю, неплохой.

— А что нужно делать, чтобы *быть* хорошим учеником?

Мисс Джерард следила за играющими на площадке.

— Ты — хорошая ученица.

— Почему же вы меня никогда не вызываете?

— Почему? Потому что ты знаешь ответы. Я должна спрашивать других детей, которые не знают.

Джанель будто оглушили. Такое никогда не приходило ей в голову. И сразу стало все понятно. Ясно, что руку надо поднимать, если не знаешь урока, а если знаешь — не поднимать. И тогда тебя, может быть, вызовут отвечать.

Весь остаток дня Джанель старалась не поднимать руку, но потом ее осенило — мисс Джерард все равно уже уверена, что она знает урок.

— Мисс Джерард, откуда такое название «Скайлэб»?

— Господи, где ты берешь такие слова?

— В словаре учителя.

— Пойдем тогда снова посмотрим.

Они прошли в конец класса, где на нижней полке лежал открытым большой словарь.

— Что-то я не вижу этого слова, дорогая, — сказала мисс Джерард. — Утром Микки уронил словарь. Может быть, некоторые слова и выпали.

Учтиво улыбнувшись шутке, Джанель поблагодарила мисс Джерард и вернулась за парту. Хорошо еще, что она перерисовала «Скайлэб» до того, как слово исчезло.

Пока мисс Джерард вела урок в одном из классов, другие обычно делали домашнее задание или готовили украшения к празднику. В зависимости от времени года — открытки ко Дню матерей и отцов, японские фонарики, гирлянды, снежинки, занавесочки, салфетки, цветы, рождественские картинки, индейки, волхвы и пасхальные яйца. Так что в школе постоянно нужны были сорок восемь цветных карандашей.

Приближалась Пасха. Дети уже вырезали, склеили, раскрасили пасхальные яйца, белочек, корзинки, распятия, ангелов, тюльпаны и лилии. После обеда мисс Джерард объявила конкурс рисунка. Она прикрепила на доску блеклую репродукцию, где у большого камня молился коленопреклоненный Спаситель, подняв взор к небесам;

капельки кровавого пота блестели на его лице. На заднем плане спали его беспечные ученики. Пока мисс Джерард диктовала слова шестому классу, остальные начали рисовать. В конце дня она собрала работы.

На следующее утро Джанель проснулась с температурой. Она не пропустила ни дня занятий — только раз, еще в детском саду, когда мама валилась с ног, потому что вся семья заболела свинкой. Но сегодня ей не разрешили встать до вторника.

Утром во вторник Джанель бежала в школу вне себя от радостного нетерпения.

— Где находится мыс Канаверал, мисс Джерард?

Мисс Джерард, улыбаясь, погладила ее по голове.

— Наверное, из словаря опять выпали слова? Я рада, что ты поправилась. Ты победила в конкурсе рисунка, так что срочно берись за работу. К четвергу все должно быть сделано. Да, между прочим, что это в углу твоей картинки?

Джанель хотела было сказать «Скайлэб», но мисс Джерард могла подумать, что она выдумывает все эти слова, поэтому ответила:

— Я видела это в книге.

Джанель удивилась — но не очень, — что ее рисунок оказался лучшим. До четверга еще далеко. Она решила нарисовать саму картинку позже и принялась за рамку из звезд, лун и планет. Тут ей игодились звездочки из фольги. На огромном листе сверху она написала «Иисус в Гефсиманском саду», потом скромно добавила вдвое меньшими буквами «Джанель Джанет Джохансон», с особым усердием выписывая «Д», и ниже — «Для мисс Джерард».

В среду она проснулась с температурой совсем небольшой, но мама не пустила ее в школу. Весь день Джанель думала только о картине, ей пришла в голову замечательная мысль — пусть по щекам Иисуса катятся кровавые слезы и падают прямо на камень. Но ее беспечные братья забыли принести из школы лист с начатым плакатом, а мама их даже не поругала.

Утром в школе Джанель не могла найти плакат, а мисс Джерард была на собрании. Перед самым звонком, когда мисс Джерард вошла в класс, Джанель подбежала к ней.

— Я не могу найти плакат. Мне нужно закончить его к вечеру.

— Ах, Джанель! Я боялась, что ты не придешь сегодня, и поручила Бетти Энн сделать плакат.

Джанель остолбенела. Она поняла, что упустила свой шанс и теперь никто никогда не обратит на нее внимания, даже если ходить с поднятой рукой до конца жизни. Не в силах сдержать слезы, Джанель побежала в туалет, за ней кинулась мисс Джерард.

Девочка присела в кабинете медсестры, чтобы прийти в себя. Кабинет был пуст — медсестра приходила раз в месяц, зато каждые пять минут заглядывала секретарь мистера Вильгельма — проведать Джанель. Потом девочка вернулась в класс, ругая себя. «Надо было рисовать Иисуса сразу. Нечего было тратить столько времени на звезды, на завитушки „Д“. Плакат, который мисс Джерард положила в шкаф, заканчивать теперь не имело смысла. Джанель повернула его к стене.

Ужинать не хотелось.

— Наверное, я опять заболела, как можно жалобнее проговорила она.

Но упрямая температура оставалась нормальной. Придется идти на Семейный праздник.

В вестибюле родителей встречал плакат Бетти Энн, окруженный пасхальными яйцами, корзинками, распятиями, белочками, ангелами, тюльпанами и лилиями.

— Ах, какой милый плакат, — сказала мама.

Джанель сморщилась. «Как мама не замечает изъянов?» Глаза Иисуса косили, будто там, где был его нос, случилось землетрясение, а большой камень был похож на растаявшую ириску. К тому же Бетти Энн забыла нарисовать спящих учеников. Оплошности на каждом шагу.

Мисс Джерард сказала мистеру и миссис Джохансон:

— Джанель — моя лучшая ученица.

Но Джанель даже не взглянула на нее.

— Она прекрасно оформляет свои работы. Может быть, вам стоит подумать об уроках живописи для нее.

Когда наконец Джанель поняла, что мисс Джерард не собирается рассказывать родителям о ее утренних слезах, она облегченно вздохнула. И тут заметила, что ее плакат висит на классной доске, где были представлены лучшие домашние работы. В центре кто-то вклеил ее маленькую картинку, ту, что выиграла конкурс рисунка. «Скайлэб» весело летел в верхнем углу.

Джанель испугалась, что все подумают, что она просто выплакала себе место на классной доске, но никто ничего не сказал...

Рисунок, такой маленький, затерялся бы в середине плаката, но кто-то доклеил золотые и серебряные звездочки, заполнившие пространство между рамкой и самим рисунком. «Будто так и задумано. Но капающая на скалу кровь была бы очень выразительна».

Наконец все двинулись наверх, к праздничному столу.

Мистер Вильгельм начал торжественную речь:

— Добрый вечер, леди и джентльмены, мальчики и девочки! Образование — это волшебный Сезам, открывающий путь к успеху и процветанию.

Он всегда так говорил, произнося «Сезам» как «сии-сам». Микрофон периодически прерывал его речь визгом и треском.

Мисс Джерард под села к Джанель, украдкой изучавшей ее макияж, чтобы знать на будущее, как это делается. Стал медленно гаснуть свет.

— Я хочу тебе сказать, Джанель, в следующем году я не приду в школу.

— О, вы выходите замуж? — Все прежние учительницы Джанель через год-другой уходили из школы замуж.

— Нет. Я накопила денег и теперь могу поехать в Нью-Йорк — учиться в художественном колледже.

Джанель удивленно посмотрела на нее. Отсюда Нью-Йорк казался каким-то варварским местом на краю земли.

— Там много галерей, музеев, — сказала мисс Джерард. — Я уверена, ты тоже когда-нибудь окажешься в Нью-Йорке.

— Я хочу быть учительницей, как вы, — начала было Джанель, но мисс Джерард не собиралась больше учить детей.

Мисс Джерард попрощалась и пошла к выходу.

— Верь своим мечтам, Джанель, — сказала она, обернувшись. — Предел — одно лишь небо. Не забывай свой плакат!

Джанель долго смотрела ей вслед, потом побежала вниз, где ее ждали родители и братья. Она вбежала в класс — снять плакат. Одна

кнопка упала и закатилась под шкаф.

Джанель на четвереньках искала кнопку среди пыльных белочек. Там, под шкафом, было еще что-то — бумажный квадратик, размером со счастливый билет, который запекают в праздничное печенье. На нем было аккуратно напечатано определение «спутника», будто действительно выпавшее из словаря. Ползая по полу, Джанель нашла еще двадцать или тридцать вырезок с очень интересными словами — «Маринер», «Вояджер», «Мир», на многих бумажках были еще и рисунки, так оживляющие словари. Она собрала все в карман, чтобы хорошенько рассмотреть дома.

— Все, Джанель, готова? — Мистер Вильгельм зашел выключить свет.

— Да, все. Готова, — сказала Джанель, неся плакат к выходу.

Она подумала: «Плакат похож на новую идею — не закончен, но уже есть над чем поразмыслить».

Переполненная новыми идеями, Джанель выбежала в сияющую звездную ночь.

Э. М. Голдман

Начав печататься в «F&SF» под псевдонимом Морин Экстер в 70-е годы, Э. М. Голдман исчезла затем на пятнадцать лет из поля зрения любителей фантастики. Приветствуем ее возвращение.

Э. М. Голдман Трансформация⁶

Ночью Эдна услышала шум, как будто внизу в гостиной передвигали мебель.

— Грант, — шепнула она.

Мужа рядом не было. Простыни были ледяные на ощупь — кроме того места, где лежала она сама, распространяя вокруг тепло, как горячая печка. Так всегда говорил Грант. А сейчас он почему-то переставлял мебель — она прищурилась, пытаясь разглядеть в темноте часы, — в десять минут третьего.

С беспокойным сердцем Эдна откинулась на подушку. Они с Грантом были женаты уже тридцать четыре года. Последние две недели у Гранта было тяжело на душе, и он пытался отвлечься, занимаясь непонятной возней в их совершенно благоустроенной гостиной. Его таинственный проект требовал непрерывной работы, и он усердно пилил, стучал и грохотал внизу. Да еще этот приезд грузовика из ботанического питомника. Муж обещал преподнести ей в ближайшее время сюрприз. Она ни во что не вмешивалась, заранее собираясь с духом, чтобы изобразить восторг в тот момент, когда с готовой к закланию девы будет сдернут последний покров.

Все эти дни у Гранта было плохое настроение, но она никак не могла отнести его на свой счет. Он переживал свой ранний уход на пенсию так же тяжело, как она в свое время перенесла климактерический период. Это было подходящее сравнение. Его отстранили от работы столь же внезапно, как ей в свое время удалили яичники. Как будто отсекли

лишние сухие сучья. Его прямо-таки выставили на пенсию, не предупредив и не спросив согласия, и теперь он просто не знал, чем себя занять.

Скрипучие звуки прекратились. Она уже начала было вновь засыпать, когда снаружи завyla их собака. Эдна села в постели. «О Господи, что там еще!» Она щелкнула выключателем и вышла в пижаме на лестницу.

— Грант, — позвала она, — посмотри, что беспокоит собаку.

Никакого ответа. Чудесно. Она вернулась, чтобы накинуть клетчатый халат и сунуть босые ноги в изрядно стоптанные шлепанцы.

(У нее был другой халат, подарок невестки, новый, но блестящий и гладкий, цвета чайной розы — оттенок, который она от души ненавидела, — идеальная вещь на случай, если ей когда-нибудь придется вернуться в больницу. Шлепанцы, однако, было пора отправлять на Великое Кладбище Тапочек. Она уже не раз намекала своим взрослым детям, что была бы не против получить от них ко Дню матери новые тапочки, зная, что рискует получить три пары разом — или ни одной.)

Пока она спускалась вниз, собака выла не переставая Эдна, конечно, догадывалась, что произошло: после ночной атаки на гостиную, которую он раньше едва замечал, Грант крепко заснул на кушетке.

Она прошла через кухню и открыла собаке заднюю дверь. Мать Расти была гладкошерстным терьером, об отце ничего известно не было. Пес вбежал, дрожа с головы до ног. «Бог ты мой, что...» Расти бросился к двери в гостиную, замер и снова завыл. Эдна схватила его за ошейник, и он замолчал.

— Грант, — начала она, — я понятия не имею, что с ним стряслось. Может, ты знаешь...

Тут она замерла при виде непонятного темного предмета, заполнившего всю гостиную, и крепче прижала к себе дрожащую собаку. От ужаса у нее зашевелились даже волоски на руках.

Логика подсказывала ей, что это была тень от дерева из сада, оптический обман, рожденный неверным лунным светом. Призрачное видение дерева с голыми ветвями было всего лишь тенью, отбрасываемой в гостиную снаружи через большое окно фасада. Дерево немного не дотянулось до вращающегося на потолке вентилятора, но заслонило одно из верхних окон, расположенных на наклонной крыше гостиной.

Грант что-то говорил, но Расти так сильно скулил, что она не могла слышать ни слова. Она дернула пса за ошейник.

— Грант, что ты сказал?

Голос мужа звучал хрипло.

— Не входи сюда. Еще рано.

— Я налью Расти воды. — Она подождала, пока висевшая на ошейнике бляха не стукнула о край миски. Расти жадно пил воду.

— Побудь еще минуту в коридоре.

«О Боже, — подумала она. — Он там еще каких-нибудь книжных полок повесил».

Грант откашлялся.

— Эдна, ты всегда была хорошей женой.

— Я всегда была хорошей женой, она подавала зевок, — а ты был не таким уж плохим мужем. — Насколько этого можно ожидать от мужчины.

Он снова заговорил.

— Видишь ли, пришло время изменить кое-что в нашей жизни.

Пришло время ложиться спать.

— Как насчет путешествия? — сказала она. — В Мехико. На юг, подышать морским ветром.

— Я имею в виду более серьезные перемены. Но если тебе хочется попутешествовать, то не надо из-за меня.

У нее перехватило дыхание.

— Грант? Ты что, хочешь сказать... Ты болен?

Эдна бросилась в гостиную и чуть не налетела на низкую ветку. Она в ужасе уставилась на дерево.

— Грант, как ты мог!

В середине пола он вырезал круглую дыру, насыпал земли и посадил дерево. Кажется, вишню. Вокруг дерева была низкая деревянная скамья, вроде тех, на которых любят посидеть с книгой посетители городских парков. Она вспомнила, каких усилий им стоило отделать деревянные полы после покупки дома, и у нее упало сердце. Она тогда все руки себе до крови стерла.

И тут она заметила его одежду, аккуратно сложенную на кресле. Эдна включила свет и внимательно всмотрелась в дерево.

— Ты не посадил дерево, — сказала она наконец. — Ты сам стал деревом.

Когда-то она посещала занятия психической подготовки и гордилась своим умением не терять самообладания в непредвиденных обстоятельствах.

— Да.

Дерево явно не было молодым. Зрелое дерево, в два раза выше Гранта. Прежнего Гранта. Черты его лица неясно угадывались в тусклом свете лампы. Он выглядел так, как выглядело бы дерево, похожее на ее мужа, или муж, если бы он походил на дерево.

Время для появления листьев еще не настало, но чувствовалось, что почки уже набухли. Наверху на стволе она заметила что-то вроде отверстия, через которое он говорил. Еще не совсем настоящее дерево, с надеждой подумала она и подошла поближе, чтобы разглядеть изрытую морщинами кору.

— Ты стал деревом. — Ее слова звучали смешно, как будто она успокаивала ребенка. — Да, ты определенно стал деревом. Очень даже похож.

Между тем в комнату вошла собака.

— Расти, — резко бросила Эдна, — не подходи к нему.

Ей не пришлось повторять этого дважды. Расти принялся, взвизгнул и вернулся на кухню.

— Ты мог бы посоветоваться со мной.

Она старалась говорить ровным голосом.

Но он не слушал ее.

— Я подумал: ну конечно, стану яблоней. — В голосе Гранта зазвучало давно забытое воодушевление. — От меня не было никакого прока. И тогда... помнишь, мы как-то смотрели телепередачу о дождевых лесах Амазонки... Я мог бы вырабатывать кислород! Только подумай, Эдна. Кислород! И еще приносить плоды.

Она обдумала его слова. «Удовольствие для обоих разом». Как в спортивной игре, когда бьешь по мячу и посылаешь его партнеру.

— Я уже давно подумывал об этом.

Больше она не даст на нужды телевидения ни цента.

— А я подумывала — а что, если бы у меня был роман с Шоном

Коннери. — В ее голосе прорывались визгливые нотки, но ей было на это наплевать. — Но это совсем не означало... Боже мой...

Его извиняющийся голос звучал умиротворяюще. И неуступчиво.

— Вообще-то это не такая уж плохая идея. Ты еще увидишь.

Ее пальцы нащупали вырезанные на стволе буквы. Она пригляделась повнимательнее. Однажды — дело было вскоре после помолвки — Грант пошел погулять со старыми друзьями. Он вернулся со страшной головной болью и татуировкой, изображавшей сердце с подписью: «Эдна». Теперь татуировка была, казалось, вырезана у него на боку перочинным ножом подростка.

Она глубоко вздохнула.

— Грант, я хочу, чтобы ты сейчас же стал прежним. Таким, как раньше.

Ветерок из открытого окна тронул его ветви, и он как будто вздохнул.

— Не плачь, — сказал он. Значит, она плакала? — Мы будем чудесной парой. Ты будешь выдыхать двуокись углерода, а я буду ее перерабатывать в кислород, которым ты сможешь дышать.

У него это прозвучало как описание какого-нибудь кустарного промысла.

— И на тебе вырастут яблоки — если, конечно, будет хорошая весна и я позволю пчелам залетать в дом, — добавила она. Может ли дерево улыбаться? Этого она не знала. — Грант, я уйду спать. Ты можешь оставаться здесь или пойти со мной. Как хочешь.

Его ветви даже не шелохнулись в ответ, пока она медленно поднималась по ступенькам.

В ту ночь ей, конечно, так и не удалось заснуть.

Их семейный врач обычно не выезжал на вызовы, но на следующий день он наконец нанес им домашний визит. Он быстро осмотрел Гранта.

— Если это может послужить для вас утешением, — сказал он ей на кухне после осмотра, — то могу вас успокоить: на мой взгляд он совершенно здоровое дерево, хотя, возможно, вам стоит посоветоваться со специалистом. Я думаю, у вас будут некоторые проблемы с адаптацией.

— Проблемы с адаптацией?

— Он стоит в гостинной. А ведь он дерево. В конце концов, у вас есть задний двор, куда ему было бы более логично пойти перед его... трансформацией. Это может указывать на некоторую раздвоенность.

И он дал ей адрес психотерапевта.

— Это для меня или для Гранта? — спросила она.

— Для кого потребуется.

Обычно им редко удавалось собрать у себя всех своих детей одновременно — разве что по праздникам. На этот раз Эдна смогла этого добиться, упирая на слова «чрезвычайно важно» и «не дольше пятнадцати минут». С той ночи прошло два дня. Она попросила детей войти через задний вход, чтобы не ошеломить их раньше времени.

— У вашего отца проблемы с адаптацией, — начала она. Она полагала, что отведенное ей время не должно сократиться из-за того, что Бренту, ее младшему сыну, потребуется сказать сестре, что она все толстеет, на что Сьюзен заявит в ответ, что он становится все ниже ростом. Натаниэль, конечно, не отрываясь смотрел на часы, как будто боялся, что их украдут у него прямо с руки, — эта привычка была прежде

у его отца.

Первым заговорил Брент.

— Что еще за проблемы с адаптацией?

— Последнее время он не знал, чем себя занять.

— Выбрал бы себе какое-нибудь хобби. — Натаниэль поднялся на ноги. — Ему нельзя замыкаться в домашнем кругу.

— Послушать тебя, так отцу нужна подружка, — ухмыльнулся Брент.

— Нет, — строго сказала Сьюзен, — это тебе она нужна.

Эдна не думала, что у ее младшего сына были какие-то проблемы с подружками. Двое других ее детей уже обзавелись семьями — и были вполне счастливы, надеялась она. Натаниэль был женат уже во второй раз. Она откашлялась, чтобы прочистить горло.

— Извините меня.

Брент оглядывался кругом.

— Кстати, а где папа?

— В гостиной.

Ее настойчивый сын тут же направился к двери.

— Он превратился в дерево.

Брент так резко обернулся, что чуть не упал.

— Он что?..

Чудесно. Теперь они сомневались в ее здравом рассудке. Эдна провела их в гостиную и осталась стоять в коридоре.

Возможно, они были бы не так поражены, если бы Грант был покрыт листьями, а не стоял таким голым.

— Это ведь шутка, верно? — спросил Брент.

Она не могла его винить. Прежде деревья была совсем ее в духе Гранта.

— Вовсе нет, — отозвался его отец.

— Я не хочу, чтобы об этом узнали в банке. — Натаниэль был помощником директора банка. Сейчас он выглядел так, как будто только что подавился особо объемистым вкладом.

— Хватит, Натаниэль, — оборвала сына Эдна. — Не забывай, что разговариваешь с отцом.

Одна только Сьюзен пока еще хранила молчание. Эдна повернулась к ней в надежде, что хоть она не скажет ничего обидного. Дочь всегда была любимицей Гранта.

— Сьюзен?

— Да, я в это верю, — сказала наконец Сьюзен. — Посмотри, он занял весь центр комнаты. Ты или я по крайней мере стали бы сбоку. Это и в самом деле папа.

Эдна удивилась спокойствию, с которым дочь приняла ситуацию.

Сьюзен сделала шаг вперед. Ее лицо оживилось.

— Значит, ты все-таки сделал это.

— Да.

Эдна посмотрела на них в изумлении.

— Так ты знала, что он хочет...

Сьюзен кивнула:

— Он говорил, что когда был моложе, то хотел быть лесником. А потом понял, что на самом деле хочет быть деревом. Могучим дубом.

В этот момент Эдна ощутила укол ревности из-за того, что муж поделился сокровенным желанием только с дочерью. Как он мог не рассказать о своей мечте ей? А может быть, он и говорил что-то, а она

просто не обратила внимания.

— Он стал яблоней, — заметила она.

— Люди меняются, — сказал Грант. Кому, как не ему, знать это.

— Чего ты хочешь от нас? — спросил Натаниэль.

— Любите его, — сказала Эдна. — Уважайте его выбор. Уважайте Нас обоих. — «Помогите мне», — хотелось ей сказать.

Воцарилась полная тишина.

— Привет, папа, — сказал наконец Brent, но его голос прозвучал как-то слабо и неуверенно.

— Я не могу избавиться от мысли, что это моя вина, говорила Эдна психотерапевту. — Видите ли, когда это случилось, Грант начал ходить за мной по пятам по всему дому, совал нос во все домашние дела. Я попросила его не делать этого. Потому что он действовал мне на нервы.

— Это было, когда он стал деревом? Прошу прощения, я не совсем понимаю. — Врач, молодая женщина, выглядела сбитой с толку.

— Нет, это случилось раньше. Понимаете, Грант всю жизнь проработал в одной и той же компании. А потом началось слияние предприятий, усиление позиций конкурентов из Германии, экономия на всем. Он, наверное, должен был сам все предвидеть — в первую очередь всегда страдает среднее управленческое звено. Но он считал себя слишком ценным работником. А его рано отправили на пенсию, и он оказался не у дел.

— Потерял свои корни.

— Вот именно. — У Эдны зашипало в глазах. — Он был не готов к этому, а я не смогла ему помочь. Теперь я это понимаю. Сама-то я всегда заранее думала о будущем. Я запланировала, что буду делать, когда дети пошли в школу. Восемнадцать лет я была хозяйкой магазина тканей. А потом я продумала, что буду делать после того, как продам магазин.

Она получила за него, кстати, очень неплохие деньги.

— Так чья это была проблема? — мягко спросила женщина.

— Гранта, — Эдна заморгала. Она-то всегда заранее обдумывала, что ждет ее за очередным жизненным поворотом. Но она не учла, что жизненный путь Гранта был прямым, без всяких поворотов.

— Значит...

— Но я же его жена. У нас общая жизнь.

— У каждого из вас своя собственная жизнь.

Две жизни? Это была неожиданная мысль, от которой она бы с удовольствием отмахнулась, но ей почему-то не удалось этого сделать.

— Только сверху и немного по бокам, — Эдна давала указания женщине из фирмы по уходу за домашними растениями. Нет, она вовсе не хотела, чтобы ее Грант походил на японское карликовое деревце — бонсай.

В гостиной заняла свое постоянное место алюминиевая стремянка. Месяц спустя она прорубила в крыше третье окно, из-за чего пришлось перенести картины в чулан, чтобы они не выгорели от яркого света. Она начала посещать спортклуб и группу психологической поддержки, чтобы найти в себе силы справиться с ситуацией («Да выкинь ты его! — убеждала ее одна женщина. — Уезжай и начни новую жизнь!») Эдна попыталась было пофлиртовать со своим страховым агентом, но была совершенно удручена, когда он стал отвечать ей тем же.

Она получила предложение от одной газеты — там хотели описать

оригинальное решение интерьера ее гостиной, но Эдна решительно отказалась. Она также отвергла приглашения выступить в двух теледискуссиях с участием женщин, чьи мужья превратились в неодушевленные предметы. Она посмотрела одну из этих передач по телевизору, стоявшему в их крошечном рабочем кабинете. «Можно ли переусердствовать в поддержке мужа?» Во что только не превращались другие мужья — от коврика под дверью до «бьюика» 1957 года. Но никто не стал деревом или хотя бы кустом.

Однако она была согласна с участницами передачи в том, что хотя ухищрения, на которые им пришлось пойти, чтобы приспособиться к новой жизни, могли со стороны показаться необычными, их семейная жизнь протекала лучше, чем у многих друзей.

Они со Сьюзен сфотографировали Гранта, когда у него появились листья. Деревья вокруг дома были уже давно в цвету, но, конечно, Грант отстал от них с самого начала. Сыновья держались в стороне, как будто боялись заразиться.

— Извините меня. — В кухню вошла девушка, подрезавшая Гранта. Она была китаянкой с длинными черными волосами. Сейчас она выглядела обеспокоенной. — Знаете, тут возникла одна проблема. На дереве есть порез.

— Порез? — Эдна с удивлением посмотрела на нее. Как она могла не заметить этого? Она поспешила в гостиную и с облегчением рассмеялась. — Это же вовсе не повреждение. Это его рот — ну, то, что у него вместо рта.

— Я знаю. Но, понимаете, через него проникает инфекция. Эдна ждала продолжения. — Он выглядит не слишком-то хорошо.

Эдна уже некоторое время не осматривала его как следует, но теперь пригляделась повнимательнее. Девушка была права. Листья Гранта скрывали тот факт, что он побледнел и ветви у него опустились. В последнее время он редко разговаривал с ней, даже не обсуждал новости. Она полагала, что ему просто не о чем говорить.

— Что же делать?

— Ну, — сказала девушка, — дупло надо бы заделать.

Заделать? Эдна почувствовала, что готова упасть в обморок.

— Это действительно необходимо? В конце концов, он ведь стоит не на улице!

— Бактерии проникают внутрь. — Девушка пожала плечами. — Решайте сами.

Эдне пришлось присесть.

— А что сделали бы вы, если бы это был ваш муж?

— Я? — Девушка так высоко подняла брови, что они исчезли под ее длинной челкой. — Я вообще не собираюсь выходить замуж. Во всяком случае не раньше, чем получу от жизни все, что хочу.

По выражению ее лица Эдна поняла, что китаянка считает брак чем-то вроде капкана.

— Конечно, — мягко сказала Эдна, — к таким вещам нельзя относиться легкомысленно.

— У нас тут есть один парнишка, мы иногда обращаемся к нему за помощью. Он может это для вас сделать, если вы решитесь...

— Мы это еще обсудим, — пообещала Эдна.

— Что же мне делать, Грант? — спросила она, как только они остались одни. Если он не сможет говорить, они потеряют возможность

общаться друг с другом Он навсегда останется просто деревом. Она чувствовала себя такой же беспомощной, как в те дни, когда четырехлетняя Сьюзен болела скарлатиной. — Я, конечно, еще посоветуюсь. Но если тебе надо заделать рот...

— Решай сама. — Его голос звучал хрипло, как будто он был сильно простужен. Она, конечно, и прежде замечала это, но полагала, что это просто часть его метаморфозы. Некоторые из листочков были совсем вялыми. — Я знаю, что проявил эгоизм, оставшись в доме. Но я не хотел оставлять тебя.

И она тоже не могла представить себе жизнь без него — чем бы он ни был. Она глубоко вздохнула.

— Дорогой, ты, конечно, должен жить.

На то, чтобы заделать дупло, ушло совсем немного времени. Сбоку на стволе осталось темное уродливое пятно. Эдна перебралась спать вниз на кушетку, а Расти ложился у нее в ногах.

— Со стороны это напоминает ночевку за городом, — запротестовал Брент, когда они с Натаниэлем зашли к ней в следующий раз. — Ты же всегда терпеть не могла ночевать на природе.

— Люди меняются, — ответила она. — Она знала, что Грант рядом с ней, и он знал, что она рядом с ним, а остальное было не важно.

Натаниэль принес ей кое-какую литературу из организации для анонимного общения жен пьяниц и игроков. Это были брошюры с выражениями вроде «со-зависимость» или «создание условий для предоставления возможностей».

— Откуда ты знаешь, что в нем вообще осталось хоть что-то от папы? — Когда Натаниэль был маленьким, у него от огорчения лицо краснело и покрывалось пятнами. Вот и сейчас оно опять стало таким. — Мам, мы беспокоимся о тебе. Тебе надо что-то предпринять. Это в твоих интересах. Может быть, тебе сдать его в какой-нибудь приют?

— Он уже нашел себе приют В собственном доме. — Она могла бы сказать, что отец слишком стар, чтобы отправить его в ботанический питомник, но промолчала.

— Ты могла бы предоставить ему самому выпутываться из этой истории. Будь подтверже.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Натаниэль, уж не предлагаешь ли ты, чтобы я перестала поливать твоего отца? — Она заметила, что Гранту очень понравилась подпорка для деревьев, которую так рекламировали по телевизору, но не стала говорить об этом сыну.

— Именно это я и имею в виду. Если ему по-настоящему захочется пить, он пойдет на кухню и нальет себе воды.

Брент как-то странно молчал.

— Милый, нравится это тебе или нет, нравится ли это мне самой, но твой отец действительно стал деревом. Он зашел так далеко, что уже не повернет назад. Да я и не уверена, что он смог бы это сделать.

По пути из гостиной Натаниэль поскользнулся, наступив на забытую Расти косточку, и грохнулся на пол. Он решительно оттолкнул брата, попытавшегося было помочь ему подняться.

— Что-то яблочки падают, да все не с яблони, мягко сказала Эдна. Ветви Гранта затряслись. Ее мальчики, конечно, не поняли, что их отец смеялся.

Грант стал деревом в январе. А в апреле все закончилось ее опухолью.

Ее опухолью.

У нее уже раньше были уплотнения и утолщения. Женщины вообще к ним склонны, такова их природа. Но на этот раз доктор отнюдь не сказал ей того, что она хотела от него услышать.

Она вошла в дом через кухню и направилась прямым ходом наверх — упаковывать халат цвета чайной розы.

— Дорогой, — сказала она после того, как ей удалось собраться с духом и войти в гостиную. — Я на некоторое время уеду. Я распоряжусь, чтобы за тобой и Расти присмотрели. О вас будут хорошо заботиться.

Ей придется кого-нибудь нанять, поскольку окна надо будет держать открытыми.

— Когда я вернусь...

Она остановилась, потом села на скамейку и, закрыв глаза, откинулась спиной на ствол.

— Почему мне всегда кажется, что я должна оберегать тебя?

Ответа, конечно, не было. Он упорно молчал. Не сдавал позиции.

— Говоря без обиняков, я больна. Тяжело больна. — В первый раз за долгое время она позволила себе расслабиться; в ее голосе прозвучала горечь. — Я все думала... если бы ты потерял меня, а не работу, что бы случилось? Изменился бы ты так же сильно? — И она сама ответила на свой вопрос; — Да нет, я ведь всегда была рядом с тобой. — Она смахнула слезы. — Не обращай на меня внимания, мне просто захотелось себя пожалеть. Это сейчас пройдет.

Как, впрочем, и отпущенные ей дни.

Что-то мягкое и белое опустилось на ее сложенные на коленях руки. Она подняла глаза — сверху мягко падали цветы.

Грант был весь в цвету. Она смотрела на него и думала, что он похож сейчас на ее свадебный букет, огромный и великолепный. Вскоре лепестки ковром покрыли пол.

Ей стало грустно, и он расцвел для нее.

— Да, милый, — прошептала она. — Конечно, я всегда это знала. Спасибо, что напомнил мне.

После того как она приняла решение, приготовления не заняли много времени. Она посадила Расти на цепь в конуру (у Сьюзен был двор и она, конечно, возьмет его к себе). Условия завещания были совершенно ясными. Она постаралась провести свои последние «настоящие» разговоры с детьми легко и непринужденно. И наконец, она им всем оставила сообщения на автоответчиках.

В тот вечер, когда Брент приехал к ней домой, он сначала подумал, что мать забыла погасить свет во всем доме. Он вытащил запасной ключ из цветочного горшка на боковом крыльце — то самое место, куда вор заглянет в первую очередь, они все это знали, — и вошел в дом. То, что он услышал по автоответчику, было по меньшей мере странно.

Она не могла иметь в виду это.

— Мам, — позвал он. Ее машина стояла в гараже, но Расти не выбежал навстречу. — Привет, мам.

Что-то мелькнуло в коридоре. Брент обернулся. Яркий свет ослепил его, и он невольно прикрыл глаза рукой. На мгновение ему стало тепло, но это ощущение тут же прошло.

Он осторожно выглянул из-под ладони. «Мама?» От Эдны исходил ослепительный свет, а очертания ее тела таяли в воздухе. Brent замотал головой.

— Не делай этого со мной. Только не ты.

На кухонном столе Brent заметил адресованное ему письмо. В первых строках мать писала о своей любви, долгой как жизнь, о преданности, удобрениях и пчелах.

— Мам, черт возьми, я не дам тебе...

Как будто он мог остановить ее. Его руки прошли сквозь ее мерцающие плечи. Мать оттолкнулась от пола и поднялась сквозь ветви отца к центральному окну в потолке гостиной. Ее лучи падали на мужа, и в них танцевали пылинки.

— Ладно, — Brent тяжело дышал, — ладно, мам. Я не понимаю, но... ладно. — Он протянул руку к телефону и позвонил брату. — Нат, мама превратилась в солнечный луч.

Джанет Дюбуа

Это щемящая история о молодой исследовательнице, которая делает неожиданно большое открытие в затерянном уголке Африки, и о старой туземке, которая берет на себя гораздо большую ответственность, чем, по ее представлениям, могла бы нести. В 1967 году в составе добровольческого Корпуса Мира Джанет отправилась на запад Африки, в Камерун, где встретила своего будущего мужа. Теперь у них четверо детей, они живут в небольшом городке на юге Франции. Джанет преподает там английский язык.

Джанет Дюбуа закончила университет Бордо, во Франции. Ее публикации уже появились в F&SF и в STORIES.

Она закончила свой первый роман, и сейчас работает над следующим.

Джанет Дюбуа Мартышка Этунди⁷

Тетушка Найа зашла к Хироко. Ей нравилось рассматривать фотографии японки, особенно те, где была мать девушки в кимоно. Она разглядывала открытки с видами знаменитых храмов, подражая гримасам каменных демонов и героев. Прикрываясь ладонью, Хироко смеялась.

К двери подошел охотник из племени пигмеев и громко выкрикнул: «Ко-ко-кох». Так пигмеи «стучат», потому что их хижины не имеют дверей. Маленькие улыбчивые люди в ритуальных одеждах часто появлялись у вагончика японской студентки — приносили головы обезьян. Большой контейнер с черепами был готов к отплытию в Киото, в Институт изучения приматов. Она дала охотникам несколько монет, и они ушли, посмеиваясь над глупой иностранкой, которая платит за остатки, обычно достающиеся собакам.

Хироко увидела Джонни, одного из ее проводников, и позвала его. Но когда он приподнял принесенную голову, она, ахнув, кинулась к окровавленному трофею. Осмотрев голову на солнце, она внесла ее в

вагончик и принялась лихорадочно измерять. По размеру голова была как у гориллы, но в остальном имела мало общего с большими обезьянами. Глаза были огромные, темно-желтые, как у лемура, но без зрачков. Длинный серый мех, странный на ощупь, обильно покрывал голову и нижнюю часть лица, только вокруг глаз узкой маской росли короткие ворсинки. Эта голова принадлежала странному созданию, особенно поразило Хироко отсутствие у него даже намека на рот или нос.

Она бросилась расспрашивать охотника, но ей мешало волнение и плохое знание пиджин-инглиш. Она обратилась за помощью к тетушке Найа:

— Пожалуйста, спроси Джонни, что он знает об этом животном. Где он его нашел?

Тетушка Найа с любопытством подошла к столу, но головы старалась не касаться. Разглядев ее, Найа перекрестилась.

— Что это за животное?

— Это колдовство. Скорей всего. В лесу такого не водится.

— Пожалуйста, спроси у Джонни.

Тетушка Найа строго ответила:

— Пусть лучше идет домой, не надо с этим связываться. Это к несчастью.

— Это огромное счастье для меня, находка для моей диссертации! Пожалуйста, это очень серьезно!

— О да, о да! — Качала головой почтенная женщина. — Все, что делает мадемуазель Хироко, серьезно. Мадемуазель — серьезная девушка. Слишком серьезная.

Хироко улыбнулась:

— Я должна вести себя хорошо. Плохие девочки не получают стипендию.

— Плохие девочки, — африканка покачивала своим тюрбаном, — развлекаются. В твои годы ты должна развлекаться, а не бегать по лесу за обезьянами, подбирая какашки.

Японку развеселила такая интерпретация ее исследований.

— Пожалуйста, спроси у Джонни, где он нашел это создание. Есть ли ему название в языке пигмеев?

— Скажешь для нас, где нашел эту мясу?

Джонни отвечал на пиджин, а тетушка Найа переводила. Группа его охотников нашла мясо в лесу, далеко от деревни. Из большого мяса получился очень вкусный обед. В пиджине, как и в других местных языках, не было различия между «мясом» и «животным», мясом было все, что можно было положить в котел. Джонни обещал показать Хироко место, где они нашли животное. На ее следующий вопрос он пожал плечами — он не знал, можно ли еще найти таких. Может быть. Он улыбнулся. Но это было бы трудно, гораздо труднее, чем выслеживать мартышек для Хироко. Такая работа больше стоит.

Когда мясо хотели схватить, оно разозлилось и яростно защищалось, даже малыш...

— Был и детеныш?! — восторженно перебила Хироко.

— Да, большой нес малыша, когда на него наткнулись.

Грустно качая головой, студентка обратилась к переводчице:

— Пожалуйста, объясни ему: его семья сварила обед из двух бесценных экземпляров. Даже не знаю, к какому семейству их относить. Охотники не должны их трогать, пусть передаст своим людям.

Правительство возьмет этот вид под свою защиту.

— Если ты думаешь, что Джонни и его охотников заботят распоряжения правительства...

— Им заплатят за это. Такое животное гораздо ценнее дюжины шимпанзе.

Видя, как озабочена Хироко, тетушка Найа разъяснила Джонни, что такой зверь будет гораздо полезнее ему живым, чем в кастрюле. Маленький охотник беспокойно нахмурился:

— За такой маленький мяса сколько дает? Двадцать тысяч дает?

Восточные глаза Хироко расширились. Она плохо говорила, но понимала пиджин хорошо.

— У него до сих пор есть детеныш? Тетушка Найа, он это говорит? Конечно, я дам ему двадцать тысяч франков. Мой университет заплатил бы еще больше.

Когда старуха передала эти слова Джонни, он сокрушенно закачал головой:

— Я был так глупый человек. Я продавать эта вещь масса Этунди. Масса Этунди, он украл меня сильно. Он никогда платить мне такой хорошая цена.

— Месье Этунди? — спросила Хироко. — Месье Этунди купил его? Я сейчас же пойду к нему. Я объясню ему, как важно...

— Это было бы не очень умно, — прервала тетушка Найа, удерживая ее за плечи. — Если ты хочешь это животное, то нужно действовать по-другому. Как только мой деверь увидит твое нетерпение, он начнет поднимать цену, и чем больше ты будешь ему предлагать, тем больше он будет просить, а когда ты согласишься на самую высокую цену, он засомневается и решит, что мало запросил, что можно продать подороже кому-нибудь другому. Этунди такой умный, он сам себя перехитрит. Давай-ка лучше я займусь этим. Я узнаю, сколько он хочет, и скажу, что торговец из Хаузы попросил купить для него.

Хироко подумала и согласилась.

— Пока ты будешь торговаться с месье Этунди, я пойду в лес с Джонни, вдруг он найдет еще создания, подобные этому.

— Очень хорошо, — ответила тетушка Найа. — Когда будешь в селении пигмеев, попробуй купить мне кусочек копченого мяса, да смотри, чтоб тебя не обманули.

Старуха направилась к своей хижине. Она жила одна. Сегодня нужно пойти в гости к женам деверя, следует подготовиться. В углу хижины на очаге, сооруженном из трех камней, закипал старый железный котелок. Найа присела рядом, сняла крышку, понюхала. Виски, старая псина, которую она держала для компании, подошла, заинтересованно виляя хвостом. Густое красное пальмовое масло плавало на поверхности рагу из стручков бамии, нежных белых грибов, кусочка хвоста зебу и большого количества острого перца.

— Это не для тебя, Виски, и не для меня, — вздохнула Найа, перекладывая рагу в празднично раскрашенное оловянное блюдо. Маленькая гладко шерстная собака разочарованно поплелась в свой угол.

Помывшись, Найа открыла старый железный сундук, где хранила свой гардероб — платья времен ее короткого замужества. В свой подвенечный наряд она облачалась по особо торжественным случаям, а в обычные дни донашивала старые платья, отданные ей женами Этунди.

Она выбрала черное с тесьмой, чтоб напомнить им о том, что она

вдова, а не изгнанная жена. После смерти мужа, согласно традиции, Найа стала второй женой его брата. Такой порядок существовал для женщин, у которых не было ни мужа, ни взрослых сыновей. Молодая вдова посмела воспротивиться, когда Этунди попытался воспользоваться своими супружескими правами. Ее враждебность вскоре охладила его, но он рассказал всей деревне, что она бесплодна и высокомерна, и это отпугнуло других мужчин. Когда построили новую кухню, Найа перетасила свою кровать в старую хижину, собрала пальмовых листьев для крыши, покрыла облупленные стены свежей глиной, расчистила место для огорода и стала жить, продавая на рынке овощи и разные сладости. Этунди взял другую молодую жену и забыл о своих правах на вдову брата. Деревенские дети всегда звали ее тетушкой Найа.

Она обвязала шарфом свои седые косы и взяла блюдо с угощением.

Пересекая двор, она любовалась огненно-красными цветами бугенвиллеи, пышно разросшейся над крышей дома Этунди, образуя живописную арку. Сам хозяин сидел на веранде, слушая футбольный матч по радио. Знахарь был в сандалиях и длинной пагне, обвязанной вокруг выпяченного живота. Женоподобная грудь с клочками волос была открыта. Полное жизнерадостное лицо портили злобные глаза за очками в золотой оправе. В дни ярмарки, одетый в тергалевый костюм, он был больше похож на процветающего торговца или на чиновника-пенсионера, чем на знахаря. Но раболепие сопровождающих его учеников говорило об уважении, завоевать которое может не всякий смертный.

Найа прошла мимо, не останавливаясь:

— И хангве, мболопехе.

Этунди кивнул, не отрываясь от огромного транзистора, буркнув на приветствие:

— Сита, мболо.

Его внимание было приковано к матчу. Комментатор радостно закричал, когда Найа заворачивала за угол дома.

Три нынешние жены знахаря сидели в хижине-кухне. За эти годы одни приходили, другие уходили. Первая жена Этунди, Маджоли, отяжелевшая, средних лет женщина, была в выгоревшей пагне, завязанной над грудью. С одной стороны ее головы волосы стояли торчком, с другой стороны младшая супружница работала над прической, заплетая маленькие пряди в сложные косицы, плотно прилегающие к черепу. Третья жена, совсем еще юная, сидела на кожаном топчане, укачивая пухленького младенца. Когда-то Маджоли ненавидела хорошенькую Найа как соперницу. Теперь, привыкнув к другим женам, делившим с нею работу и почитавшим ее как главную, она ласково встретила Найа, села рядом с нею на скамье. Маджоли понравилось угощение. Нетрудно было узнать у нее о новом приобретении, сделанном ее мужем у пигмеев.

— Это даже важнее, чем я думала, тетушка Найа. — Возбужденно дрожа, Широко сплетала пальцы, пытаясь сохранить спокойствие. — Джонни показал мне место, где они наткнулись на это создание, и неподалеку мы нашли выжженную воронку. Там, на дне, было что-то металлическое, но оно расплавилось до неузнаваемости.

Она замолчала, глотнула воздуха и продолжала:

— Возможно, тот, кого убили охотники, был инопланетянином, пришел из космоса, из другого мира.

Африканка понимающе кивнула. По радио говорили, что люди летали на Луну и вернулись, и в городе подтвердили, что это правда. Почему бы тогда и жителям других миров не прилететь на Землю.

— Мы должны убедить Этунди, что о детеныше надо сообщить властям. Как можно быстрее. Я пошлю телеграмму в столицу моему шефу. Он будет...

Тетушка Найа жестом остановила девушку. Ей не хотелось расстраивать ее. Хироко была слишком молода, многое принимала близко к сердцу.

— Этунди никогда не отдаст его. Он думает, что это могущественный фетиш, который сделает его великим целителем. Он не разрешит почтальону отправить твою телеграмму. А если ты приведешь людей, он попросту спрячет это создание и будет показывать им шимпанзе в клетке, пока они не уйдут. Это его деревня, он будет поступать так, как ему нужно.

— Он может назначить цену...

— Такой фетиш не имеет цены. Об этом бесполезно и думать. Это создание проживет не так долго, чтобы поднимать из-за него столько шума. — Она вздрогнула — взгляд Хироко был полон тревоги и страха. — Маджולי говорит, что оно отказывается есть и очень ослабло. Этунди все равно — умрет оно или нет. Высушит мясо и шкуру, истолчет кости и будет продавать своим пациентам по клочку, по щепотке.

Хироко вцепилась в коленку тетушки Найа.

— Пожалуйста, ты мой единственный настоящий друг в этой деревне, мне не на кого больше рассчитывать. Пожалуйста, устрой так, чтобы я смогла увидеть это животное. Если я смогу показать властям фотографию, они начнут действовать, может, успеют спасти его жизнь. Об этом позаботятся наши лучшие ученые.

Найа посмотрела вниз, на руку, которая все еще лежала на ее колене. Руки у японки были маленькие, как у ребенка. Совсем еще дитя, как могла она так далеко уехать от родителей, от семьи. Найа никогда бы не разрешила своей дочери уехать, чтобы жить среди чужаков.

В деревне многие посматривали на иностранную студентку с подозрением, но тетушка Найа с самого начала стала ее союзником. Старая женщина хлопнула по пальчикам Хироко:

— Я проведу тебя к нему. Но мы должны... — Она заговорщицки приблизилась к ней, — пойти под покровом ночи, как воры. Никто не должен нас видеть.

Хироко кивнула с деловым видом:

— Если бы было не так важно выяснить, что представляет собой это существо и как его можно спасти, я бы тебя не просила.

Африканка улыбнулась, на мгновение превратившись в ту красивую молодую невесту, что пришла в деревню много лет назад:

— Если бы я ненавидела Этунди не так сильно, я бы и не пошла на это.

В тот вечер на улицах было пусто — все пошли на поминки за четыре километра от деревни. Покойник был видным человеком, начальником почты. Его похоронили неделю назад. Теперь семья устраивала поминки, чтобы его призрак не преследовал их. Деревня Этунди придерживалась высокой духовности. На достойных поминках должно было быть много еды и напитков, музыки, танцев, потом разговоры — были и небылицы — до самого рассвета.

Тетушка Найа ушла с молодыми племянниками. Первую половину пути она была весела и разговорчива, чтобы все запомнили, что она шла на поминки. Потом она затихла и постепенно отстала. А когда они, уйдя вперед, исчезли из поля зрения, она свернула с дороги и пошла через плантации какао и огороды обратно в деревню.

Как только она появилась у японки, та сразу засобиралась в дом Этунди. Но старшая женщина отказалась:

— Надо подождать. Вторая жена, Муадакуку, не пошла на поминки. Говорят, она заболела. Мы должны быть уверены, что она спит, прежде чем попытаемся войти в дом.

Хироко показала ей рисунки головы, которую для сохранности заспиртовала в большой банке. Тетушка Найа предпочитала рассматривать фотоальбомы. Было уже за полночь, когда совсем рядом раздался крик совы. Найа, вздрогнув, подняла голову и озабоченно прищурилась.

— Дьявольская птица. Она поет, когда чувствует смерть.

Хироко улыбнулась:

— Я думаю, она учуяла всего лишь жирную крысу.

Тетушка Найа, неудовлетворенная ее ответом, все дрожала.

— Ну, пойдем тогда. Если Муадакуку честная жена, то должна уже спать. Возьми фонарь.

Она потушила керосиновую лампу, и они вышли из маленькой хижины в мир, окрашенный приглушенными оттенками серого цвета. Полная луна освещала деревню; ее волшебный свет загнал робкие тени ночи под карнизы, в углы и впадины. Бледно-серой шелковой бахромой колыхались банановые рощи, крыши домов мерцали серебром, вытоптанные дворы превратились в бархатистые лужайки сине-серого и серебристо-стального цвета. По узкой, освещенной луной дорожке женщины шли огородами, чтобы подойти к дому со стороны двора.

Задняя дверь была не заперта. Тетушка Найа осуждающе хмыкнула и вошла в дом. Через открытую дверь луна светила в длинный коридор, тянувшийся через все здание. Считая двери, она остановилась около кладовой. Этунди часто брал у пигмеев детенышей макак и шимпанзе и перепродавал европейцам в городе. Он держал несчастных пленников в кладовой, рядом со своей спальней.

Конечно, дверь была на замке. Найа указала на комнату Маджоли, ключи хранились у первой жены. Она вошла в ее комнату, прикрыв за собой дверь. Деревянные ставни не пропускали света, в комнате было темно. Найа включила фонарь. Его луч выхватил из темноты кровать под москитной сеткой, железные ящики, поставленные один на другой, маленький стол с керосиновой лампой. Маджоли редко меняла свои привычки. Все деревня знала, где она хранит ключи. На столике стояла голубая ваза, пустая, без цветов. Найа перевернула ее вверх дном, и связка ключей упала ей в руку.

Две женщины крадучись пересекли коридор. Пока она подбирали нужный ключ, время тянулось раздражающе медленно. Наконец раздался долгожданный щелчок. Они проскользнули в кладовую.

Зверек лежал на дне деревянного ящика, в его больших глазах отражался луч фонаря. От животного распространялось удушливое зловоние. Поблекший влажный мех весь покрылся зеленоватой жижей фекалий. Поддон клетки тоже был испачкан. Почувствовав, что в комнату вошли, пленник дернулся, но тут же безнадежно застыл.

— Эге, — удрученно произнесла тетушка Найа.

— За ним нужен правильный уход, — шепнула Хироко, — не можем же мы просто оставить его умирать.

Найа вздрогнула. Детеныш принадлежал Этунди, а тому, в общем, не важно, будет он жить или нет.

— Надо бы его взять — сказала Хироко. — Я бы показала его моему шефу в столице. Он бы позаботился о нем. Под присмотром специалистов, — оставаясь, конечно, собственностью Этунди, — у него было бы больше шансов выжить.

Найа поразила настойчивость Хироко. Она осветила фонариком ее нежное круглое лицо: оно ничего особенного не выражало.

Неопределенно пожала плечами. Одно дело — фотографировать детеныша, но позволить иностранке украсть его...

— Давай фотографируй, — шепнула Найа, — кто-то идет по дороге — слышны голоса.

Хироко медлила:

— Да-да...

— Тс-с-с! — Тетушка Найа выключила фонарь. За окном кто-то громко смеялся. Потом с шумом распахнулась дверь одной из комнат, кто-то пробежал мимо кладовой. Послышался изумленный мужской голос, потом звуки шумной возни. Высокий, испуганный женский голос повторял: «Вор!» Гневный голос Этунди (они узнали его) перекрывал крики женщины.

— Что происходит? — спросила Хироко.

Найа хихикнула:

— Вернулся Этунди, а у Муадакуку в комнате, похоже, был любовник. Этунди видел, как тот выбежал из дома.

Скоро звуки ударов стихли, а вопли жены перешли в глухое рыдание. Этунди рассерженно орал. Слышно было, как в коридоре открывались и с треском захлопывались двери. Найа подтолкнула Хироко к дальнему углу кладовой, заставив ее пригнуться.

— Он обыскивает дом, — объяснила она, — проверяет, не украли ли чего. Я оставила ключ в двери.

— Он найдет нас.

— Может, и нет. В темноте сойдем за пару мешков какао.

Дверь напротив, в комнату Маджоли, с шумом распахнулась и захлопнулась. Открылась дверь кладовой. Приземистая фигура Этунди появилась на пороге с керосиновой лампой. Женщины съежились, прячась в тени, и затаили дыхание.

Они выжидали. Знахарь, подняв лампу, вошел. Он не смотрел в их сторону и скорее всего не подозревал об их присутствии. Его взгляд остановился на детеныше. Он поднял лампу повыше, и тут яркое платье Найа попало в круг света. Вздрогнув, Этунди издал удивленный возглас.

Найа встала и вышла вперед, надеясь отвлечь внимание от прятавшейся сзади японки. Но Хироко не поняла ее движения и тоже встала. Этунди уставился на них.

— Мы не воровать пришли, — сказала Хироко. — Мне нужно было посмотреть на животное, которое вы купили у пигмеев. Оно, возможно, имеет разум. Может быть, оно из другого мира. Таких животных нет на Земле. Ему нужна помощь. Он очень ценный, может быть, бесценный. С помощью специалистов он может выжить. Вы должны дать разрешение на его обследование. Вам заплатят...

— Заткнись! — крикнул Этунди.

Нараставший гнев пересилил его изумление и какое бы то ни было благоговение перед иностранной студенткой.

— Знаю я, как платит правительство — обещаниями. Фетиш мой! Я его купил. Убирайся из моего дома! — Он схватил ее за руку и выволок за дверь.

Увидев фотоаппарат, он вырвал его у Хироко и, бросив об пол, принялся яростно топтать. Когда ничего, кроме осколков, не осталось, он поднял на нее холодные, злые глаза:

— Если я еще раз увижу тебя в моем доме, я пожалуюсь начальству. Я скажу им... все, что требуется, и тебя вышлют в двадцать четыре часа.

Хироко сопротивлялась, но Этунди грубо волок ее по коридору. Тетушка Найа, вышедшая следом, знаками показывала ей не поднимать шума. И Хироко позволила вытолкать себя из дома знахаря.

Этунди вернулся, чтобы разобраться с женщиной, которую когда-то хотел видеть своей женой.

— Ты привела ее сюда! Наглая шлюха! Ты открыла кладовку, показала ей мой фетиш. Как ты посмела! Что за человек был с вами?!

Найа не ответила. На самом деле он злился из-за Муадакуку, но ярость мешала ему слушать. С налитыми кровью глазами он приблизился, дыша перегаром. Казалось, будто у него в животе прокисло все, выпитое за вечер, и теперь выходило ядовитым паром. Давние ненависть и отвращение поднялись в ней, она знала, что это за человек.

Он хлестнул ее по лицу. Найа пошатнулась, но не отвела неукротимого взгляда. Тогда Этунди ударил ее кулаком еще раз, когда она упала. Он молотил ее кулаками, будто мешок с песком. Боясь, что Хироко услышит, вернется и ей тоже достанется, Найа сдерживала крики. Она быстро смекнула, что ее молчание лишает Этунди ожидаемого наслаждения. Тот жаждал слышать ее вопли. Она сжала зубы. Не смелость давала ей силы молчать, а злость.

Деревенских детей в Камеруне не приучают к стоицизму, не ожидают его и от взрослых. Когда их бьют, они плачут, кричат и стонут безо всякого стыда. Гордое молчание Найа распаляло бешенство Этунди, и он бил ее все сильнее, получая безумное чувственное наслаждение. Он избивал ее до тех пор, пока его кто-то не оттащил от его жертвы. Маджоли, первая жена, схватив его за руки, кричала:

— Идиот! Ты убил ее!

Он уставился на обмякшее тело, распластанное среди банок и канистр. На мгновение он испугался. Он не собирался убивать ее — только наказать за обман. Если бы она кричала, если бы плакала, молила о пощаде, он бы остановился.

— Тихо! — Маджоли осветила тело Найа.

Окровавленные губы дрогнули в слабом стоне. С облегчением, большим, чем хотел бы показать, муж отвернулся.

— Убери ее отсюда. Я больше не хочу ее видеть. Она должна уехать из деревни. Когда умер мой брат, я, выполняя свой долг, взял ее к себе. Она отказалась уважать меня как мужа и рожать мне детей, и я стерпел эту наглость ради брата. Но сегодня она, как вор, проникла в мой дом, чтобы украсть мой фетиш. Наверняка ее подкупила эта иностранка. Она больше не заслуживает моего доверия, пусть убирается из деревни!

— У нее нет другой семьи, — возразила Маджоли.

— Пусть идет куда захочет! — закричал Этунди. — В город! Если она

слишком стара для шлюхи, пусть просит милостыню. Я обещаю тебе, женщина, что если я увижу ее здесь еще раз, то ей не жить. Она дьявол, жена сатане, а не мне. Хотела сглазить меня, как же, но моя магия оказалась сильнее.

Он вышел из кладовой, все еще ругаясь. Вскоре Маджоли услышала, как он во дворе рассказывает соседям о возмутительном предательстве Найа. Можно себе представить, как выразительно и драматично он жестикулирует. Этунди был хорошим оратором. Люди поверят ему и не станут возражать против высылки Найа.

Маджоли, опустившись на корточки, подсунула одну руку под голову Найа, другую — под ее ноги и встала. Когда-то она завидовала этому высокому стройному телу. Теперь она качала его у своей большой груди, как больного ребенка. Она в одиночку должна была отнести потерявшую сознание женщину в ее хижину. Никто другой не посмеет коснуться обладателя дурного глаза.

Услышав поскуливание Виски, Найа попыталась сесть. Ее тело пульсировало, будто кто-то терзал его изнутри, наполнилось ноющей болью. Расстегнув лиф, она осматривала себя: на коричневато-красной коже темнели ссадины, руки и грудь — в кровоподтеках. Во рту — привкус крови, два зуба выбиты. Левый глаз совсем не открывался. Она потрогала распухшее, воспаленное лицо и застонала.

Виски уткнулась в колени хозяйке. Тетушка Найа склонилась над собакой, обняв ее кровоточащими руками, и горько заплакала. Соленые слезы жгли разбитые губы. Собака, повизгивая, пыталась лизать ее раны.

— Найа! — На пороге, сочувственно глядя, стояла Маджоли. — И-и-я, ну зачем ты его так разозлила, почему ты всегда ищешь себе бед?

Войдя, она поставила корзину у низкой бамбуковой лежанки Найа. Там была вата, обеззараживающие средства, мази и бинты.

Осторожно уложив Найа, она стала протирать глубокие царапины от перстней Этунди.

— Твой дурной глаз что-то разит только тебя саму, никого больше.

— Кто тебе сказал, что у меня дурной глаз? — Распухшие губы тетушки Найа мешали ей говорить.

— Этунди. Он говорит, ты должна уйти из деревни. А то если он хоть раз увидит тебя, то снова изобьет. И еще заявил, что ты пыталась его сглазить. Люди верят ему, теперь никто не будет покупать у тебя сладости и зелень.

— И-и-я! — Тетушка Найа взывала, не заботясь, услышит ли теперь ее кто-нибудь.

— Терпение, терпение, — приговаривала Маджоли. В Африке всегда так советуют несчастному — смириться с судьбой и терпеть. Жена Этунди втирала мазь в сизые ссадины Найа. — Эх, Найа, как я ненавидела тебя, когда ты появилась в деревне. Красивая и гордая, ты ходила как принцесса. Мой муж заглядывался на тебя; если б ты только захотела, он бы отправил меня обратно к отцу и держал бы тебя единственной женой.

— Пока не взял бы другую.

Маджоли кивнула:

— Может быть. Мужчины — они такие...

Найа застонала.

— Ты могла быть счастлива с ним, он дал бы тебе детей. Сейчас бы твой сын заботился о тебе.

— И-и-и-я... — Найа сжала руку подруги. — Не надо больше. Ты коснулась старой глубокой раны. Даже удары Этунди причиняют меньшую боль.

Маджולי вздохнула, продолжая массаж. Помолчав, она спросила:

— Ты когда уезжаешь?

— Завтра. Сяду в мамми-лорри, поеду в город.

— У тебя деньги есть?

— На билет хватит.

— Я принесла тебе. (Найа протестующе отмахнулась.) Да это не мои. Муадакуку передала... Благодарность за то, что ты не сказала Этунди про убежавшего мужчину.

Найа приподнялась, удивленно глядя на грузную женщину.

— Что? Зачем ты мне такое говоришь? Если жена твоего мужа недостойно ведет себя, ты должна сказать ему.

— Ты видела, кто это был?

— Нет.

— Мой младший брат, Биканда, — качая головой, сказала Маджולי. — Глупый распутник. С тех пор как у Этунди появилась новая любимица. Муадакуку страдает. Я сама сказала Этунди, что она плохо себя чувствует. Сама предложила не брать ее на поминки. Они бы все равно встретились, я хотела, чтоб все было благополучно.

Найа коснулась руки Маджולי. Первая жена родила Этунди восьмерых детей. Найа помнила крепкую, веселую девушку, тяжело переносившую каждую беременность. Трое родились мертвыми — она до изнеможения работала, чтобы прокормить других детей. К тому же она была вынуждена терпеть молодых жен, приводимых Этунди в дом. Найа завидовала ей — столько детей и внуков, спокойная старость обеспечена. Но какой ценой! Она помолчала, потом обратилась к Маджולי.

— Я бы хотела попросить!) тебя... Мне неловко. Ты так много сделала для меня, а я прошу еще...

— Проси чего хочешь. Я не откажу. Этунди уверен, что человек, которого он видел, был с вами. Ради моего брата я все сделаю.

— Я не смею просить. Можешь сказать «нет», я все равно поцелую тебя на прощанье и буду благодарна за твою доброту. Но я хочу наказать Этунди. Я не собиралась воровать в его доме, я только хотела показать фетиш иностранке. — Найа запнулась.

— Да-да? — подхватила Маджולי.

— Принеси мне фетиш. — Ее слова прозвучали резко и грубо.

Маджולי ахнула.

— Ты хочешь, чтобы я украла у собственного мужа?

Найа не возражала; глядя в сторону, она сказала.

— Именно так.

Маджולי тяжело встала и направилась к двери.

— Зачем он тебе?

— Я продам его иностранке. Она говорит, что он стоит кучу денег. Я дам деньги твоему сыну, Нтонге; может, он позволит мне жить в его доме. Студентам всегда нужны деньги.

Маджולי смотрела на очаг.

— Этунди обещал послать Нтонге денег, но все потратил на выкуп за Ньяки. Я принесу фетиш. Только вряд ли за него дадут много денег.

— Почему?

— Он умирает. Ничего не ест. Как можно есть, когда нет рта?

Тлеющая в очаге ветка вспыхнула, тускло осветив хижину. Тетушка Найа сидела на кровати, оглядывая стены. Пустые полки, голые крючки на балках. Она прожила здесь больше тридцати лет, но всего за пару часов успела собрать все свои пожитки. Жестяной сундук стоял у двери. Небольшой сверток, завязанный в тряпку, лежал у нее на коленях. Она ждала.

За дверью была тихая ночь. Найа засмотрелась на умирающий огонь. Никто из деревни не пришел проститься. С наступлением темноты все ложились спать, закрыв двери и ставни. Страх дурного глаза заставил их забыть о многолетней дружбе и сладостях, которыми она угощала их детей. Она помнила, как толкались они вокруг ее котла с кипящим красным маслом, когда она вычерпывала всплывающие золотистые шарики. Тогда она была тетужкой Найа. Теперь же она бездетная одинокая старуха, которую все боятся.

— Ко-ко-ко-кох. — Маджולי ждала приглашения в дом.

Женщина развязала у очага свой сверток. Подошла Найа. Они разглядывали необычный фетиш Этунди. Его мокрый поблекший мех распространял едкую вонь. Большие глаза были закрыты тонкой сероватой пленкой. На истощенном тельце торчали ребра, растущие будто наоборот. У него было четыре конечности — полые, без костей, как хобот у слона. Маджולי ткнула в него с отвращением. Он слабо шевельнулся и тут же утих.

— Он умирает, — сказала Найа.

Жена Этунди кивнула:

— От голода. Ему нечем есть.

— Надо его помыть. Меня не пустят в автобус с таким вонючим багажом.

— Мне уже надо идти, — сказала Маджולי. — Этунди послал своих учеников к вагончику иностранки. Они там все разорили, напугали ее. Забрали голову, которую принесли пигмеи. Она уехала в миссию.

— Ее не тронули?

— Нет. Этунди хотел только напугать ее и отобрать ту голову.

Найа обняла подругу:

— Маджולי, ты так хорошо ко мне относилась. Возьмешь Виски? Она надежный сторож и много не ест.

Маджולי кивнула. На ее глаза навернулись слезы. Женщины крепко обнялись.

— Хорошая дорога, сита.

— Хорошая дорога, сита, сестра. Да поможет тебе Господь.

Найа смотрела вслед уходящей подруге.

Зверек мяукнул в ее руках. Она склонилась над ним, обеспокоенная его состоянием. Потом нашла старую одежную щетку, подвинула кровать ближе к свету, сняла хорошее платье, одетое в дорогу, и повесила его на крюк. Покрыв голые колени тряпкой, взяла умирающего детеныша.

Сначала она боялась прикасаться к нему, все еще уверенная, что это колдовство, посланное ей на погибель. Но он был такой слабый и беспомощный; дрожал как испуганный котенок. И косточки тоненькие, как у птенчика. Ей стало так жалко его, так хотелось, чтобы он выжил, но она не знала, как его накормить. Начав с головы, Найа методично принялась его чистить. Зверек не сопротивлялся. Ей почему-то казалось, что ему даже приятны ее прикосновения. Его мех стал мягким и

шелковистым. Найа увлеклась работой и только в конце заметила, что он обхватил ее за поясницу одной из своих хоботообразных ручек. Она осторожно отняла присоску. Он моргнул — серые пленки, покрывающие глаза, дрогнули. Потом, свернувшись калачиком, спокойно улегся.

«Когда он чистый, ему гораздо лучше», — подумала Найа. Она изучала пятнышко, появившееся на ее боку: никакой царапины, но кожа слегка воспалилась и припухла. Найа не испугалась. Этунди причинил ей больше страданий.

Она не хотела, чтобы ее видели несущей детеныша или даже подозрительный сверток, и решила спрятать его под просторными складками платья. Взяв старую пагну, она привязала зверька к себе чуть ниже груди, сверху надела платье — пять ярдов ткани со сборками на плечах. Выпуклости впереди совсем не видно. Она ощущала его дыхание и сама дышала в его ритме.

Задолго до рассвета тетушка Найа вышла на дорогу. Опять крикнула сова. Найа вздрогнула: «Кого предупреждает о смерти дьявольская птица?» Может быть, ее, а может, зверька, свернувшегося под ее грудью. Ветер усилился. Она слышала монотонный шум дождя, надвигающегося из-за леса, — будто военный отряд маршировал в ночи. Найа поплотнее укуталась в платок. Вдруг свет фар пронзил темноту. Огромные тени деревьев поднимались и падали во мрак. Сопровождаемый всполохами молний и раскатами грома, появился автобус Заскрипев, остановился рядом с ней, в темноте он казался гигантским катафалком. Проворный мальчик, открыв заднюю дверь, влез на крышу. Водитель подал ему жестяной сундук тетушки Найа. Его поставили среди чемоданов, корзин с птицей, рядом с парой блеющих козлов. После традиционных пререканий о цене тетушка Найа заплатила водителю и вошла в автобус. В глубине салона толстый торговец-бамилеки неохотно придвинулся к соседу, торговцу из племени хауса, освободив ей место на узкой металлической скамье. Водитель завел мотор, автобус зарычал и подался вперед. Она выглянула в окно, но деревня уже скрылась за лесом.

Когда Найа плотнее прижала к себе спрятанного детеныша, ей показалось, что в ответ он уютно прильнул к ней. Ливень накрыл их, занавесив переполненный автобус тяжелыми потоками воды. Не замечая пассажиров, Найа смотрела вперед, в лес. Лучи фар, размываемые дождем, освещали грязную дорогу. Автобус пробирался в туннеле света, преследуемый прожорливым мраком ночи.

Она ссутулилась, прижавшись к спинке и пытаясь устроиться поудобнее на узкой скамье. Когда они приедут к миссии, уже рассветет. Мысли закружились в ее голове, как листья, подхваченные ветром. Тело ныло от побоев. В памяти всплыло лицо Этунди, искаженное ненавистью и гневом. Потом она увидела тощую старуху в лохмотьях — себя в городе, просящую милостыню у иностранцев. Малыш приник к ее животу, целуя теплыми губами. Растроганная его сочувствием, Найа прижала его к себе, не успев удивиться, как можно целовать, не имея рта. Мягкие губы опять нежно прильнули к ней. Она вспомнила, как его «ручка» присосалась к пояснице во время купания, и почувствовала, как еще один ротик засасывает ее кожу. Она засмеялась. Они искали рот там, где он должен быть, а у него их четыре, только в необычных местах. Его касания были приятными. Губы теплые, мягкие и нежные. Она спокойно сидела и ждала. Через некоторое время зверек ослабил свои объятия.

Необъяснимое волнение овладело Найа. «Он так слаб, что не может

есть, — думала она, — или я не могу дать того, что ему нужно». Вдруг слезы, не пролитые при прощании с деревней, застлали ей глаза. Она — бесполезная старуха, ни на что не годная, одинокая, не способная даже помочь хрупкому существу, доверившемуся ей.

Одна из его «ручек» погладила ее и слегка зажала кожу. Теперь движения были увереннее, чем раньше. Она чувствовала, как он высасывает свою пищу. Заработала вторая присоска и третья. Она поддерживала его, чувствуя маленькое тельце сквозь складки платья. Все четыре конечности прикрепились к ней. Она осторожно потянула одну, не отрывая от себя.

Найя чувствовала себя счастливой. Она никогда не имела ребенка, не кормила его грудью. Отсутствующий взгляд кормящей матери всегда внушал ей благоговение. Подруги, ухаживая за своими детьми, будто погружались в неведомый мир блаженного покоя. И сейчас она входила в этот мир, испытывая счастье быть кому-то нужной. «Мой муно, малыш», — шептала она.

Скоро пушистый младенец прекратил есть и заснул, потом проснулся и снова принялся сосать. Найя чувствовала, как он оживает, набирается сил. Ее морщинистое лицо осветилось гордой улыбкой. Пока ободранный автобус трясся по лесной дороге, Найя с радостью делилась своими силами с детенышем-сиротой.

Автобус достиг перевала. С вершины холма Найя увидела нежное зарево рассвета. Они опять спустились в глубь леса, где еще царила ночь. Уже поднимался утренний туман, когда они подъехали к миссии — группе построек из красного кирпича с лужайками и цветами. Дым поднимался из труб домов, стоявших позади миссии, — местные женщины разводили огонь в очагах. Немецкий священник завтракал, переругиваясь со своим поваром, лукавым Нгумбой. Найя спросила мадемуазель Хироко, сказав, что принесла ей кое-что. Повар проводил ее по длинной веранде и позвонил в дверь.

Японка открыла. Увидев тетушку Найя, она вскрикнула. Поклонилась, потом вспомнила, что нужно пожать руку. Она с ужасом смотрела на тетушку Найя.

— Что он с тобой сделал! Тебе нужно к врачу. Прости, что я впутала тебя во все это. Я не знала...

— Тс-с-с, детка. Я сама во все это влезла. Если бы ты сразу пошла к Этунди, как хотела вначале, он бы вышвырнул тебя, а я бы осталась целехонька. Он получил такую массу удовольствия, избивая меня, — просто удивительно, что его удерживало раньше. Не волнуйся. Через неделю я опять буду почти красивая. — Она села на низкую кровать. — Закрой дверь.

Хироко послушно закрыла дверь.

— Не хочешь ли чаю?

Найя вспомнила тот горький зеленый чай без сахара, который пила Хироко.

— Нет, лучше кофе и немного виски.

Хироко удивленно кивнула и улыбнулась:

— Спрошу у священника, подожди.

Как только Хироко вышла, тетушка Найя подняла платье — посмотреть на зверька. Он мирно спал. Его мех мягко блестел, как серый шелк. Она нежно погладила его, большие желтые глаза открылись, в них больше не было горя и страдания. Найя услышала шаги на веранде и

быстро опустила платье. Вошла Хироко, неся хлеб, кофе и бутылку виски. Пока грелась вода и готовился стол для завтрака, Найа сидела молча. Природная вежливость японки позволила Найа погрузиться в свои собственные мысли, подумать о будущем, как если бы она была в комнате одна.

Африканка выпила чашку кофе, съела немного хлеба, потом налила себе золотисто-коричневое виски. Улыбнувшись, плеснула немного на пол и засмеялась:

— Это для древних духов.

Оставшееся в рюмке выпила. Виски жгло, но вкус был приятный. Найа удовлетворенно улыбнулась, потом начала немного официально:

— Мадемуазель Хироко, если бы я смогла принести вам ту мартышку Этунди, что бы вы с ней сделали?

— Я бы повезла ее к шефу в столицу. Он бы сообщил другим ученым. Мы бы обследовали ее, узнали бы все, что можно — откуда она и что из себя представляет...

Тетушка Найа кивнула.

— Ее держали бы в клетке, как ты думаешь?

Хироко смутилась:

— Может быть. Наверняка. Чтоб ее не украли, чтоб ике убежала. Клетка была бы удобная, не такая, как у Этунди.

Старая женщина опять кивнула.

— Что ты теперь собираешься делать?

Японка, вздохнув, ответила:

— Искать новый участок для исследования, где-нибудь поблизости. Я не могу жить в деревне, если Этунди против. Знаешь, они мне угрожали, забрали ту голову. Теперь мне нечего показать своему руководителю, остались лишь рисунки и эта невероятная история.

Тетушка Найа лукаво улыбнулась:

— Я узнала, что у пигмеев может быть еще такой зверь. Если ты можешь дать мне денег, я пойду к ним и разведу, можно ли его купить.

— Я сама пойду! Какое селение?

— Нет. Тебе они не доверяют. Этунди наговорил им о тебе столько... Я должна пойти одна — меня они знают.

Хироко с грустью кивнула:

— Да. Сколько денег тебе нужно? Ты уверена, что есть еще один?

— Нет, не уверена. Может, они врут. Но меня им труднее обмануть, чем тебя. Мне кажется, нужно самое малое двадцать тысяч. Столько Джонни просил у Этунди и не получил. А может, и больше. Ты сама сказала ему, что зверек стоит гораздо дороже.

Хироко кивнула и достала из сумочки деньги. Она дала тетушке Найа тридцать тысяч.

— Все, что я могу дать сейчас. Но если ты действительно найдешь такого же, я возьму еще денег у шефа. Нам были бы очень интересны даже трупы.

Тетушка Найа встала и улыбнулась, довольная и оживленная.

— Я хочу остаться у пигмеев. Буду жить с ними.

— Я думала, ты поедешь в город. С пигмеями тебе будет трудно. А если они не захотят?

Тетушка Найа поморщилась:

— Что такой старухе делать в городе? Да еще в этом автобусе так душно. У маленького народа доброе сердце; они не прогонят меня. Им

нравятся мои сласти, я могу ухаживать за их детьми. Они не заставят меня голодать. — Она усмехнулась. — И мясо буду есть чаще, чем в деревне.

Хироко все же сомневалась:

— Если охота удачная, то конечно. Но они ведь совсем другие, непохожие на ваших, они кочуют с места на место. Я не уверена, что ты сможешь жить с ними.

— Почему бы и нет? Они не побьют, не прогонят меня. Я была в городе, видела грязных, спятивших старух, которые ночуют на улицах и пугают маленьких детей, попрошайничают у магазинов и роются на помойках вместе с собаками. Нет. Уж лучше пигмеи, чем такое.

— Надеюсь. Я чувствую свою вину. Если я смогу как-то помочь тебе...

Тетушка Найа ничего не сказала, только улыбнулась. Детеныш под грудью опять принялся за еду.

Утром пришел охотник-пигмей продать копченое мясо. Он согласился провести тетушку Найа к своему селению.

Она шла за ним по узкой тропинке, протоптанной буйволами, неся узел со своими пожитками на голове. Ее жестяной сундук остался в миссии. Пигмеи не обременяют себя бесполезными вещами. Ей тоже придется этому научиться. По пути она размышляла, как послать деньги сыну Маджولي — главная жена очень рисковала, за это нужно отблагодарить. Найа не беспокоилась, что наврала Хироко. У иностранцев денег много, они все равно не знают, что с ними делать. Японка не надеется, что Найа вернется, — с животным или с деньгами. Если бы Найа попросила денег для себя, Хироко наверняка дала бы. Только Хироко чувствовала бы свою вину, а тетушка Найа — унижение. Найа улыбалась. Эта идея про еще одного зверя помогла им обоим избежать неловкой ситуации. Хироко больше была соучастницей, чем жертвой обмана.

Охотник остановился, делая ей знаки стоять тихо. Она посмотрела туда, куда тот вглядывался — на темные тени на нижних ветвях азобы. Послышался приглушенный гулкий рык. Найа поняла, что видит гориллу. Пигмей поднял ружье. Найа перекрестилась. Если охотник промахнется или только слегка ранит обезьяну, то им несдобровать. Когда-то ее двоюродного брата ударила горилла, снеся ему пол-лица. Но бесстрашные пигмеи, не колеблясь, атакуют всякое «мясо», попадающееся на пути. Брата Джонни убил слон, на которого тот напал в одиночку, вооруженный одним копьем. Семья потом утверждала, что только слон-оборотень мог победить такого великого охотника.

В верхних ветвях кто-то хрюкнул, в ответ послышалось гортанное ворчание. Пигмей опустил ружье и притаился за кустом. Целое стадо горилл расположилось над их головами. Найа, повторяя движения охотника, припала к земле, стараясь уменьшиться насколько возможно, благодаря Бога, что проводник оказался не такой глупый, чтобы нападать на стадо с детенышами. Гориллы продолжали отдыхать. Найа села, охотник залег среди папоротников и лиан. Вскрикнул детеныш. Ближайшая к ним горилла заворчала, успокаивая его. Сквозь листья Найа изучала темную фигуру. Детеныш опять захныкал, слышались какие-то громкие звуки. Она увидела мать, склонившуюся над своим младенцем. Ее сильные плечи и руки ограждали малыша, как стена. Найа умилилась этой уже знакомой позе всепоглощающей сосредоточенности.

Ее тайный пассажир шевельнулся, один из его ртов присосался к ее

коже, потом лениво отвалился. Она осторожно баюкала малыша. Она защитит это существо и от Этунди, и от иностранных ученых, которые посадят его в клетку. Жизнь у пигмеев тяжелая, но это только прибавит ей чувства собственного достоинства и даст уединение, необходимое для ухода за малышом.

Мать-горилла спустилась на землю со своим детенышем, прицепившимся к ее животу. Остальные тоже спускались, переговариваясь между собой. Скоро они и вовсе исчезли в глубине леса.

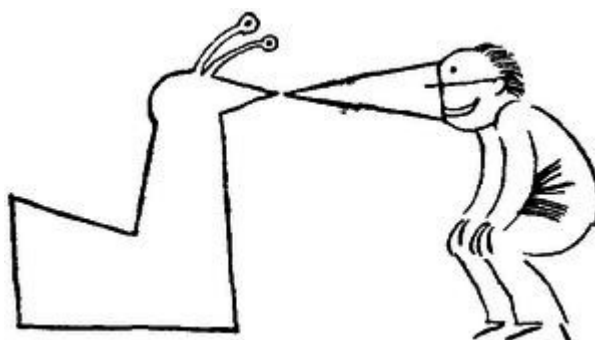
Пигмей подождал, пока звуки не стихли, потом встал. Он покачал головой и с сожалением улыбнулся:

— Такой биль хороший мяса!

Найя кивнула, смеясь над его жадностью, и они продолжили свой путь.

Опус №...

Ольга Воздвиженская
Имена богинь

Ну что, подруги, поговорим о своем, о женском? То есть поговорим о себе, ведь каждая из нас несет в себе воплощение великой мировой силы — Женственности. Все, что будет сказано дальше, основано мной не столько на научной строгости (хотя источником и послужили «Мифы народов мира» и некоторые другие серьезные и не очень серьезные книги, такие как «Азбука колдовства» супругов Потаповых, «Молот ведьм» Шпренгера и Инсисториса, «Ведьмы» Э. Джонг, «Младшая Эдда», «Таис Афинская» И. Ефремова, «Старое предание» Ю. Крашевского, «Мифы древних славян», сборник шумеро-вавилонской поэзии «Я открою тебе сокровенное слово», коллективный сборник «Вечные, священные, неприкосновенные», посвященный домашним кошкам, старые травники и фольклорные сборники), сколько на некоем интуитивном ощущении истины, которое приходит ко мне всякий раз, когда я размышляю о Женщинах и Богинях. И о себе — ибо я просто потому и берусь рассуждать об этом, что я женщина, как и вы, и руководствуюсь тем, что принято называть «женской интуицией» Если же это будут читать представители второй половины человечества, то в худшем случае они скажут что-нибудь вроде «ну, баба — дура, волос долог — ум короткий», а в лучшем — внимательнее посмотрят на вас, своих спутниц, да еще вспомнят, что все, ради чего они живут, сражаются и умирают — тоже женского рода — Честь, Мудрость, Совесть, Душа, Вера, Любовь, Родина, Земля, Природа, Вселенная. Недаром в древнейшей системе символов —

картах Таро — Мир изображен в виде цветущей обнаженной женщины, протягивающей руки человеку навстречу.

Собственно, мы будем говорить не только о богинях и их именах. Боги создают человека, а человек богов — по своему образу и подобию. Богини, сколько их ни было в истории земли, с самой Матери-Земли начиная, — воплощение разных сторон женской сути и натуры, женских свойств и качеств. Их имена служат более полному выражению Женственности. То есть той силы, о которой писали поэты, — Вечной Женственности, женскому образу Природы в самом широком смысле этого понятия. Той, чьими дочерьми мы все являемся и в служении которой — в продолжении жизни — и состоит наша женская доля. Об этом весьма точно написала одна из нас — болгарка Блага Димитрова:

Быть женщиной — так больно,
Девчонкой станешь — больно,
Любимой станешь — больно,
А матерью — так больно,

Но непереносимей боль женщины иной,
Не знавшей этих болей — всех до одной.

Не будем сетовать на тяжкую женскую долю, а начнем о богинях и увидим, как радующе-странно перекликаются имена и символы Женственности у разных племен и народов, где бы они ни жили и чему бы ни поклонялись. Может, и вправду в незапамятные времена в образах земных женщин богини являлись людям?

В мире властвуют четыре стихии — огонь, воздух, земля и вода. Две первые — мужского рода, бесплотны, неуловимы и находятся «наверху». Две последние — женского рода — осязаемы, вечны, более материальны и связаны с рождением жизни (в самом деле, в воде жизнь возникла, и на земле расцвела). Поэтому обычно Небо, Воздух, Космический (в отличие от домашнего очага) огонь — боги, а Земля, Вода, Заря — богини. Почти любая космогоническая мифология начинается с распада некоей Первосущности — Хаоса, Яйца, Слова (когда Дух летал над Водами) на мужское и женское начала, от брака которых все и пошло. Следом совершается союз Богини-матери с Богом-сыном, или братом, или отцом, отчего рождаются другие боги, дальше то же самое повторяется у людей. Возможны варианты, но от древнейшего язычества до христианства космогония, в общем, одна и та же. И с древнейших времен до наших дней люди под разными именами чтят Великую Мать, женский принцип, Женственность.

Мужской принцип выражается треугольником с вершиной вверх (фаллический символ), женский — треугольником вершиной вниз, формой напоминающим женский половой орган. Мужскому началу приписывается активность, ясность, свет, устремленность вовне, женскому — устремленность вглубь, пассивность, таинственность, тьма. (Ярче всего это выражено в китайском принципе Инь-Ян, где два начала сплетены в единую сущность. К сожалению, эта статично-диалектическая концепция не отражает способности женского начала воспроизводить снова и снова все, в том числе и самое себя.) И действительно — мужчина проникает и творит во внешнем мире, вдохновляясь Музой (то есть женственным образом идеи), женщина принимает и творит внутри себя — создает новую жизнь (Пусть каждый сам для себя решает, что важнее. Лично мне кажется, что женщина при необходимости может делать все то же, что и мужчина, — строить, писать, воевать, управлять, но, кроме того, еще и детей рожать, и налагает это на нее обязанность глубоко осознать — зачем, особенно теперь. И сделать что-нибудь, чтобы новая жизнь перестала деградировать. То есть решить вдвойне творческую задачу). Из-за этого «внутреннего» характера исконного женского творчества к владению Женственностью историческими и образно отнесены тьма — ночь, смерть, подземное царство, луна, морские глубины, тайна, непредсказуемость и опасность. В самом деле, Луна управляет морскими приливами и циклическими процессами в женском теле. Именем верховной богини страсти, земного плодородия и воды разные народы называли утреннюю звезду — Асирту — Астарту — Иштарь в шумеро-аккадской и вавилонской традиции, Венера (от римлян и до современной астрономии), Астхик в Армении, Зухра и Нахид у арабов-мусульман, египетская Исида, Асасе Аффа в традиционных поверьях Ганы. В честь Великой Богини, видимо, названо и зодиакальное созвездие Девы.

С неба — на землю. Земные цветы, звери и деревья с плодами, плодovitость и плодородие. С Богиней-матерью связана вода, и потому символами животворящего начала издревле являются рыба — жительница вод Нанше в Вавилоне, выходящие из океана греческая Афродита и Бачуэ у чибча-муисков Колумбии, дождь — мексиканская Куервапери, роса — Талай у жителей Сахары, а Астарта — Анат — Иштар — одновременно владычица моря. Земное начало главенствует у раннеиудейской Лилит, средиземноморской Кибелы, африканских Ицонг и Асасе Афуа, индонезийской Хэбы⁸. Магический свет во мраке — Луна — носит женское имя Танит в Карфагене, Селены — Гекаты — Артемиды у греков, Барзлакцев, даргинцев, лезгин, аварцев на Кавказе, Чиа у чибча-муисков.

Еще один символ Женственности — кошка, таинственный ночной и плодovitый зверь. Наиболее известна древнеегипетская Баст. В колеснице, запряженной кошками, ездит скандинавская богиня любви и плодородия Фрейя. Кошек тигровой масти, у которых полосы на лбу образуют букву «М», в средневековой Европе называли «кошками Мадонны» — в память о зверьке, жившем в Вифлееме у Святого семейства. Дикое подобие кошки — египетские львицы Сехмет и Тефнут, древнекитайская тигрица Сиванму, позже мифах перевоплотившаяся в деву с тигром у ног.

Коровы-кормилицы — египетская рогатая Исида, «госпожа коровница» Исэгэй у якутов, «питательница» Падарай у жителей азиатских степей, прибалтийская Марша — покровительница коров. Интересно, что до сих пор в российских деревнях коров кличу Зорьками, а в армянских — Астхик, «звездочка».

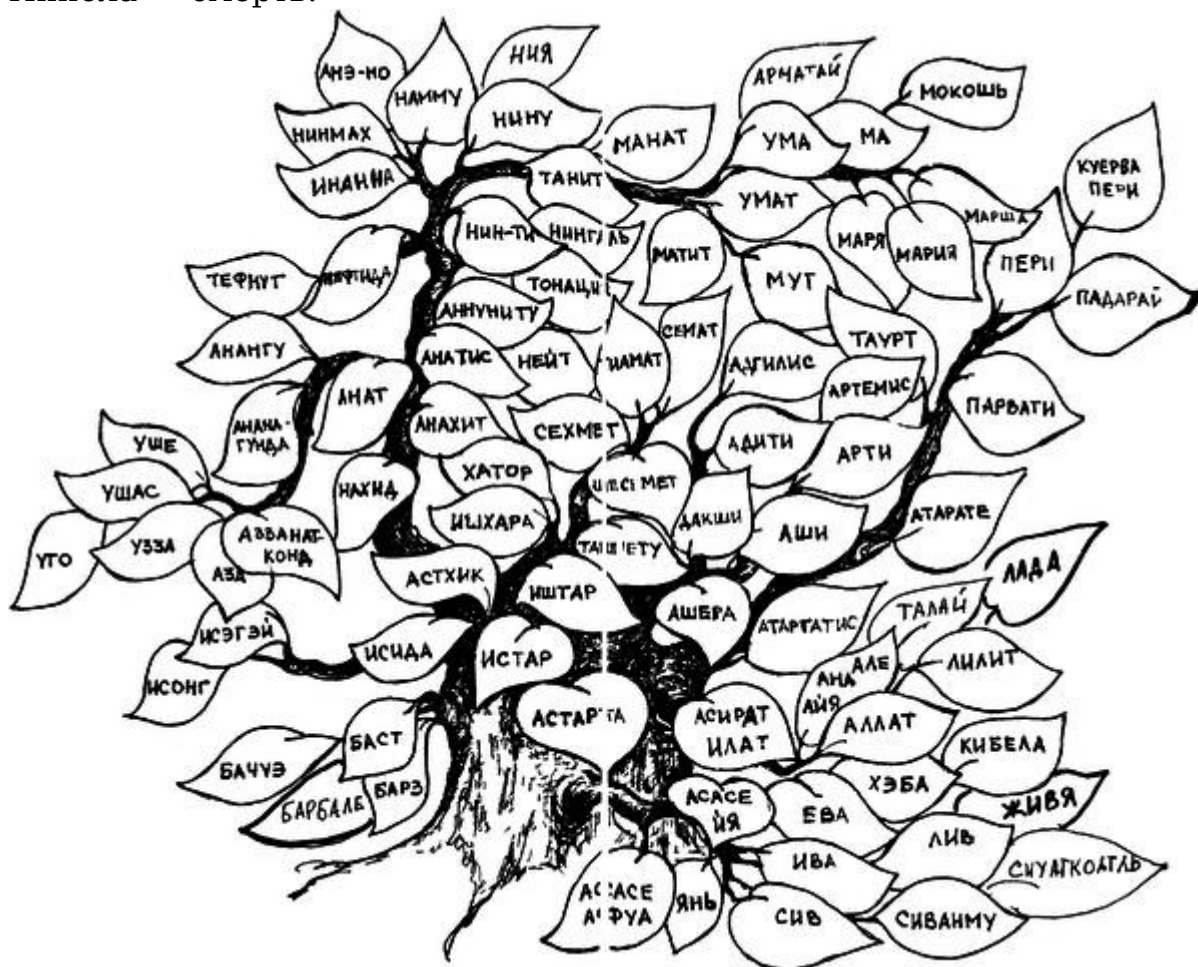
Древо жизни в мифологии многих стран носит женское имя. Прежде всего это скандинавская и славянская Ива (Эмбля). Еву всегда изображают под яблоней или с яблоком в руке. Китайская Дева Сиванму — хозяйка персиков бессмертия. Символ Марии-Богородицы — Неопалимая Купина.

Есть женские лики у сексуального влечения (демон Анангу в представлениях тамилы), само собой у беременности (египетская бегемотица Таурт). Рожаницы у древних славян покровительствуют родам и благополучию семьи, а главную богиню так и зовут Жива (Живя).

Жизнь и смерть невозможны друг без друга и как две неразрывных стороны Вечности равно присущи Женственности, например, в виде земного лона, таинственной дали (Запада китайской мифологии, блаженных островов кельтских сказаний, где властвуют феи), грозной и губительной морской стихии, наконец, ночи и тьмы. Потому Ева — жизнь, но и мать смертных людей. Африканская Асасе в ипостаси Йа — мать мертвых Валькирии — младшие богини Эдд — выбирают своих спутников через смерть, среди воинов, павших в битве. Мать всего сущего Астарта — Иштар — Атаргатис в мифах древнего Междуречья спускается в Ад, отчего прекращается рождение жизни на Земле (с этим мифом перекликается известный православный апокриф о хождении Богородицы по мукам) Артемида, Иштар в ипостаси Инанны — Нинлиль, Танит —

⁸ Образы воды и земли, а также глубины и женского лона слились в мистический символ — глиняную чашу с водой, до сих пор использующуюся в обрядах языческой уикканской магии для изображения Богини. Бога — сына и возлюбленного — выражает в этих ритуалах нож.

Тиннит — охотницы, отнимающие жизнь, и созвучна с этим славянская Ния-Нийола — смерть.

Великое множество имен и ликов у Женственности, и все в ее власти — жизнь, смерть и, говоря современным языком, вся информация, содержащаяся во Вселенной С Женственностью исконно связаны, как ни странно это может показаться ревнителям «вечной женственности» сегодня, мотивы познания и мудрости Крещение Руси прошло под знаком ангела мудрости Софии, восходящего к женскому началу вселенской мудрости, устраивающей мир и заступающей за человечество Именно Афина-мудрость принесла людям умения, ремесла Египетская Сешат — богиня письма, Шесемет — мудрости Через праматерь Еву вкусил человек познания Добра и Зла, и не из-за Евиного ли яблока — олицетворяющего, собственно, ценность того или иного пути познания — перессорились на Олимпе три воплощения женской сущности — Гера-мать, Афина-мудрость и Афродита-страсть. Ситуация привела к войне за реальную (конечно, в рамках мифа) земную женщину Елену Кстати, никакие источники так и не Донесли до нас конкретного описания ее внешности — ибо на ее месте могла быть любая, ибо каждая земная женщина несет в себе все стороны Женственности, все ее лики.

Замечательны женские ассоциации магического числа три Три лика у Гекаты, три грации, три норны ведают в Эддах прошлым, настоящим и будущим, трое дочерей у Аллаха — Узза, Аллат и Манат, восходящие к древнеарабским богиням плодородия, дождя и подземного царства Три главных момента в жизни женщины: девичество-целомудрие, момент страсти, кладущий начало союзу, но и подобный смерти, и материнство — домашний очаг. Соответственно, назовем эти проявления именами богинь

Лилит — Ева — Мария⁹, или Афина — Афродита — Гера, или Лада — Живя — Рожаница. Таких женских Троиц в других языках и мифосистемах множество, они соотносятся с природными проявлениями и качествами.

весна — лето — осень
цветок — семя — плод
вода — земля — небо
девичество — страсть — материнство
предчувствие — действие — мудрость
белый — красный — синий

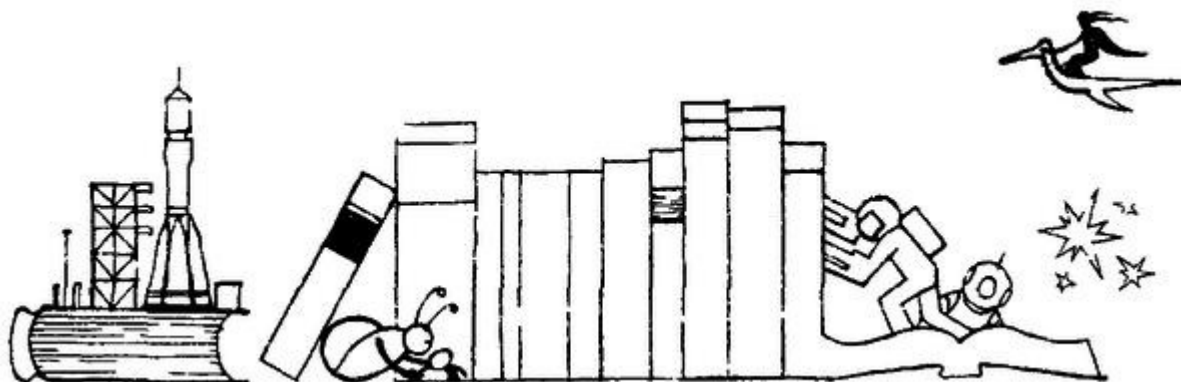
Согласно некоторым травникам, желающий снискать покровительство Богини в лунной, страстно-огненной и мудро-небесной ипостасях должен сажать или ставить в своем доме цветы белые — нарциссы, лилии, красные — лучше розы, и синие с голубыми васильки цикорий. Добрые духи азиатских сказаний — пери — являлись к людям в белых, синих и красных одеждах. Те же цвета составляют флаг России, а в православной традиции Россия находится под особой защитой Марии-Богородицы, по сути верховной богини христианства Девы-Матери.

Вслушайтесь в звучание имен: египетская Исида, шумероаккадская Истар, центральноафриканская Ицонг и якутская Исэгэй Или индийская Ума, тюркская Мат, арабская Манат, египетская Матит, ассирийская Арматаи, славяноприбалтийская Марша, фракийская Ма, наконец, Мария в христианстве — во всех этих именах слышится «мать» Или Тонацин, Танит, Инанна, Нино, Ния и Ян Или Бачуэ, Баэт Барз и Барбале. Слово эхо, перекликаются греческая Кибела, индонезийская Хэба, христианская Ева, скандинавские Лив и Сив, китайская Сиванму и индейская Сиуаткоатль. Лив имя, звучащее как объединение Евы и Лилит, кстати, значит просто «жизнь» — по скандинавской мифологии, в следующем мире, что образуется после гибели этого, женщина Лив, питающаяся росой, выйдет из леса вместе с «исполненным жизни» Ливтрасиром — мужчиной, и от них пойдет снова людской род.

А всего у меня на слуху (и на бумаге) около сотни имен богинь. Больше всего это похоже на ветви дерева или на цветущий куст линии, соединяющие похожие имена, переплетаются как ветви, исходящие от общего корня и ствола и вновь загибающиеся к центру. Крона этого дерева покрывает весь мир — все земли, разделенные всеми морями, и все племена, жившие и живущие на земле. В разных образах являлась своим сынам Женственность — землей, зверем и водой, луной, зарей, утренней звездой, ночной тьмой, жизнью и смертью. И своими дочерьми, что были испокон веков рядом с мужчинами, и без которых не было бы человечества. Земля и вода — водяная гладь с земляными берегами — это ведь, наверно, и было первым зеркалом. А что в зеркале? — тогда, теперь, каждый день с утра, всегда? Женское лицо. Лицо любой и каждой из нас, подруги и сестры мои. И Вечность — Адити (в классической индийской философии), и Вселенная — «Лоно всех» — тоже женского рода.

9 Лилит так и не поладившая с Адамом, сделанная из той же земли-глины (и потому чуть более «значимая» как дочь для матери всегда чуть более близка чем сын) стала и губительницей. Ева рожденная от плоти Адама отправила человечество по пути жизни и смерти, а Мария дала жизнь и плоть тому кто «смертию смерть поправ» и как бы замкнул круг, вернув людей к вечности.

Библиография
Евгений Харитонов, Лариса Михайлова
Материалы к библиографии русских писательниц-фантастов

Представляем некоторые материалы к готовящемуся биобиблиографическому словарю. В журнальной публикации опущены сведения об исследовательницах и переводчицах фантастики, до минимума сокращены биографические справки, даны только основные публикации произведений. Внимание сосредоточено на авторах в творчестве которых фантастика составляет существенную часть.

Несомненно, публикация наша неполна (к примеру, не вошли работы Растопчиной из «предыстории современной фантастики»), но хочется уже сейчас привлечь внимание читающей публики к тому факту, что и в отечественной литературе вполне самобытно развивались сходные с американскими тенденции. Поэтому представляем уже собранный материал в качестве зримого доказательства существования большого «массива» женской фантастики в России. Итак, «невидимые миру женщины»

Раздел I. страницы истории

Адалис (Ефрон) Аделина Ефимовна (1900-1969)

Поэтесса, переводчица, прозаик. Ученица В. Я. Брюсова. Родилась в семье служащего. В печати дебютировала в 1918 г. как автор поэтических и очерковых сборников. Неоднократно обращалась и к жанру приключенческой литературы. Заметной вехой фантастики 20-х гг. явился роман «Абджед хевез хютти» (1927), написанный Адалис в соавторстве с журналистом Иваном Владимировичем Сергеевым. Авантюрный роман познавательной фантастики жюль-верновской традиции повествует о поисках высококультурной и технически развитой цивилизации, затерянной в горах Памира.

Абджед хевез хютти. Роман приключений — М Л Молодая
гвардия 1427 — 224 с

Аничкова Анна Митрофановна (1868-1935)

Прозаик, критик, переводчица. Жена писателя Е. В. Аничкова.

Большинство прозаических произведений Аничковой созданы на французском языке и посвящены главным образом изображению «душевных реакций» «медленно и упорно растущей женской души»

В 1912 г. опубликовала фантастический рассказ «Сосуд дьявола» в котором тему любви писательница раскрывает через художественные средства мистической фантастики (контакты с потусторонними мирами и выходцами из могил)

Сосуд дьявола. Рассказ //Русская мысль — 1912 — № 1

Баркова Анна Александровна (1901-1976)

Поэтесса. Большинство своих сочинений публиковала под псевдонимом «Калика Перехожая». Фантастический рассказ «Стальной муж» — одно из немногочисленных обращений поэтессы к прозе. Тем не менее этот рассказ, в котором исследуется идея замены жизненно важных органов искусственными, с интересом читается и в наши дни.

Стальной человек: Фантастич. рассказ //Красная нива — 1926 — №№ 21-22, То же Дорогами приключений: Сб, Вып 1 — Новосибирск. Кн. изд-во, 1989 — с. 278-294

Выставкина (Бровцына) Екатерина Владимировна (1877-1957)

Прозаик, драматург, переводчица. Из старинного дворянского рода. Автор повестей и пьес для взрослых и детей, посвященных преимущественно темам воспитания и положению женщины в семье и обществе.

За фантастическую пьесу «Красный колпачок» Е. Выставкина в 1912 г. была удостоена премии на конкурсе детских пьес в театре К. Н. Незлобина, где впоследствии неоднократно ставилась под названием «Колпачок»

Красный колпачок. Фантастич. пьеса — М, 1912

Гадмер Е. (Ушкова Елизавета Саввична, в замужестве Голова; 1863 — после 1934)

Уральская поэтесса и прозаик. Образование получила в Екатеринбургской гимназии. С 1879 г. стихи и рассказы Гадмер печатались в различных уральских изданиях. Выступала, как правило, под двумя именами: Е. ГАДМЕР и Е. ГОЛОВА.

В области интересующего нас жанра известна как автор нескольких фантазий с публицистическим акцентом («Война и мир»), святочных и

новогодних рассказов со сказочно-фантастическими, а в ряде случаев утопическими сюжетами.

Война и мир: Фантазия //Уральская жизнь — Екатеринбург, 1908 — № 84, 13 апр.

На Новый год: Фантазия //Екатеринбургская неделя — 1889 — № 1, 1 янв. (Подпись Е. ГОЛОВА)

Новый год: Фантазия //Екатеринбургская неделя — 1888 — № 1, 3 янв. (Подпись Е. ГОЛОВА)

Новый год: Фантазия //Екатеринбургская неделя — 1891 — № 1, 6 янв. (Подпись Е. ГОЛОВА)

Сон Рассказ //Екатеринбургская неделя — 1895 — № 50

Дурова Надежда Андреевна (1783-1866)

Прозаик, мемуаристка; первая в русской армии женщина-офицер. Военную службу успешно совмещала с литературной деятельностью. Особой известностью пользовались ее «Записки кавалерист-девицы». Автор повестей, написанных в соответствии с традициями романтической прозы («Граф Маврицкий», «Павильон» и др). В 1840 г. опубликовала ряд фантастических повестей явно подражательного характера, не получивших одобрения у публики.

Клад: Повесть — СПб, 1840

Угол: Повесть — СПб, 1840

Ярчук. Собака-духовидец: Повесть — СПб, 1840

Желиховская Вера Петровна (1835-1896)

Прозаик. Дочь писательницы Е. А. Ган. Получила домашнее образование. Печататься начала в Тифлисе в конце 70-х гг. XIX века. Автор многочисленных повестей и рассказов для детей и юношества, пользовавшихся большой популярностью. Не обошла стороной писательница и фантастику. В этой области ею создан целый ряд интересных произведений, составивших впоследствии целый сборник под названием «Фантастические рассказы» (1896). Для фантастики Желиховской характерны занимательность фабулы и широкий диапазон выбранных тем: пересадка частей тела («Человек с приклеенной головой»), деревья-хищники («Дерево-людоед»), оживление умерших и пр.

Дерево-людоед: Рассказ //Природа и люди — 1894 — № 2

Майя: Фантастич. повесть //Нивы — 1893 — №№ 6-7

Человек с приклеенной головой: Рассказ //Природа и люди. — 1891. - №№ 10-11

Фантастические рассказы Сб — СПб, 1896

Закревская Софья Алексеевна (1796 — не ранее 1865)

Популярная писательница XIX века. Автор сентиментальных романов эпистолярного жанра и повестей из жизни малороссийских дворян.

Особый интерес представляет сказочно-фантастическая повесть «Ярмарка» (1843), написанная под явным влиянием гоголевского «Вия». Повесть благожелательно была встречена публикой и получила высокую оценку В. Г. Белинского, назвавшего «Ярмарку» в числе лучших оригинальных повестей года.

Ярмарка; Повесть //Отечественные записки — 1843 — № 1

Зонтаг (Юшкова) Анна Петровна (1786-1864)

Прозаик, переводчица, мемуаристка. Автор многочисленных произведений для детей. Родилась в дворянской семье, племянница В. А. Жуковского. Большой популярностью пользовались ее сказки и повести, адресованные подростковому читателю и особенно книга «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового Завета» (1837). После смерти писательницы в ее архиве была найдена рукопись фантастической повести «Путешествие на Луну» (опубликована в 1904). Написанная в жанре фантастической юмористики, эта повесть являет собой, пожалуй, одну из самых первых пародий на космическую утопию.

Путешествие на Луну: Повесть //Русский архив — 1904 — Кн.

3

Ильина Вера Васильевна (? -?)

Поэтесса, активно публиковавшаяся в 20-е гг XX века.

Шоколад: Утопич. повесть в стихах — М, Книгопечатник, 1922,
То же 2-е изд. — М, Красная новь, 1924

Караваева Анна Александровна (1893 —?)

Прозаик. Печататься начала с 1922 г. Автор многочисленных исторических произведений. В 1931-1938 гг. возглавляла редакцию журнала «Молодая гвардия».

В будущей Москве: Отрывок из повести //Смена — 1935 — № 1

Крыжановская-Рочестер Вера Ивановна (1861-1924)

Известная русская писательница, спиритуалист, в конце XIX — начале XX в плодотворно работавшая в жанрах оккультно-космологической и мистической фантастики.

Рекенштейны: Роман — СПб. 1894 — 320 с.

Царица Хатасу: Оккультный роман — СПб. 1894 — 436 с.

Роман переиздан в Риге в виде 4-х книг без указания года

выпуска.

1. Царица Хатасу — Рига Академия — 156 с.
2. Чародеи Мемфиса — Рига Общедоступ. б-ка — 142 с.
3. Заговор — Рига Общедоступ. б-ка — 160 с.
4. Вампирь — Рига Общедоступ. б-ка — 131 с.

Геркуланум: Роман — СПб 1895 — 250 с

Сим победиши: Роман — СПб 1898 — 328 с

Железный канцлер Древнего Египта: Роман — СПб, 1900

Адон: Роман — СПб. Год не укатан. То же. Рига Изд. М.

Дидковского 1931 — 187 с

Нахема: Роман — СПб 1900

Паутина: Роман — СПб 1908 — 468 с

Фараон Морнефта: Роман — СПб 1907 — 248 с

Варфоломеевская ночь: Роман — СПб, 1896 — 304 с

Заколдованный замок: Роман — СПб, 1898 — 256 с

Урна: Повесть //Ребус — СПб 1900 — №№ 1-4

Два сфинкса: Роман — СПб 1900 — 272 с

Железный эликсир: Оккультный роман — СПб 1901 — 270 с.

То же. Берлин Изд. О. Дьяковой 1925. То же. Рига Виеда 1992

Маги: Оккультный роман — СПб, 1992 — 194 с. То же. Рига Виеда 1992

Гнев божий: Оккультный роман — СПб Типо-литография «Свет», — Ч. 1, — 1009, 168 с Ч 2 — 1910 112 с

То же. Рига Виеда 1992

Смерть планеты: Роман — СПб 1992 — 288 с,

То же Рига Виеда, 1992 Законодатели Роман — СПб, 1916-334 с,

То же Рига Виеда, 1992

Слуги Зла Роман Ч 1 — СПб, 1902

Темплиеры 2-я часть романа «слуги Зла» — СПб, 1904 — 166

с

На соседней планете: Роман — СПб, 1903 — 223 с

Мертвая петля (Пауки): Роман — СПб 1906

Предсказание: Оккультная повесть — СПб, Год не указан

Из мрака к свету: Рассказ — СПб, 1904

Ночь в катакомбах: Повесть //Спиритуалист — 1907- № 12.

Адские чары: Оккультный роман //Свет — СПб, 1909,

То же. Отд издание — Рига, 1925- 233 с В ином мире

Оккультный роман — СПб, 1910 — 318 с

Болотный цветок Повесть— СПб, 1912- 160 с.

В царстве: Тьмы Оккультный роман — СПб, (1913)

Во власти прошлого: Роман — Берлин И ад О Дьяковой, (1924) — 336 с.

Дочь колдуна: Оккультный роман — Берлин Изд О Дьяковой, 1928. — 348 с,

Рай без Адама: Роман — Рига Общедоступ б-ка, 1928 — 128 с

Злой дух: Оккультная повесть — Рига Книгоизд «Мир», 1932 — 47 с.

Летун: Оккультная повесть — Рига Книгоизд «Мир», 1933 — 31 с

Луначарская Анна Александровна (1889-1959)

Прозаик. Единственное фантастическое произведение — решай

«Город пробуждается».

Город пробуждается. Роман — М.: Никитинские субботники
1027 — 362 с

Рейснер Лариса Михайловна (1895-1926)

Прозаик и драматург, в годы гражданской войны была политработником в Красной Армии. Особый интерес представляет фантастич. пьеса Л. Рейснер «Атлантида» — своеобразная попытка реконструировать общественную жизнь легендарного материка

Атлантида. Пьеса в 5 действ и 8 картинах //Альм изд-ва
«Шиповник» — СПб 1913 — Кн 21 — с 141-219

Сковронская (Богуславская) Мария Савельевна (? -?)

Писательница, издатель и главный ред. журнала «Друг женщин». Автор ряда рассказов и повестей развлекательного характера.

666/3 Фантазия в стиле каприччио //Друг женщин — 1882

Сушкевич (Бромлей) Надежда Николаевна (1889 —?)

Заслуженная артистка РСФСР. Играла в МХАТе, в Ленинградском театре драмы им А. С. Пушкина. В 1944-1956 гг являлась режиссером театра им. Ленсовета. Автор нескольких сборников рассказов.

Повесть о Короле Квадратной Республики //Авт. сб. Исповедь
неразумных — М Крvi 1927 — с 161-209
Из записок последнего бога. Повесть //Там же — с 210-274
Потомок Гаргантюа. Повесть //Авт. сб. Потомок Гаргантюа —
М Федерация, 1930 — с 3-80

Фортуна (Власова) Евгения Ивановна (1875-1968)

Прозаик. Окончила философский ф-т Сорбонны. В печати выступала с 1897 г.

Борьба со смертью. Рассказ //Мир приключений — 1928 —
№ 8

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888-1982)

Известная русская советская писательница.

Месс-Менд или Янки в Петрограде. Роман — М. ГИЗ 1924-

Вып 1-10. (Подпись: Джим Доллар).

Лори Лэн — металлист Роман — М. ГИЗ 1925 — Вып 1-9 283 с. То же Л. Прибой 1927 — 226 с.

Дорога в Багдад (3-я книга «Месс-менд») Роман //Моя гвардия — 1935 — № 12 (Первые два романа трилогии неоднократно переиздавались в советское время)

Раздел 2

Акимочкина Ольга

Волгоградская писательница-фантаст и иллюстратор.

Парк аттракционов. Фант. повесть — Волгоград. Тов-во «АТОМ» 1991 — 144 с. (КЯФ «Ветер времени» представляет)

Алферова Любовь Андреевна

Рижская писательница. Окончила ф-т журналистики Ленинградского ин-та, работала в периодических изданиях. В 1980 г. вышел первый авторский сборник реалистических рассказов «Голубой гобелен», в том же году дебютировала и как автор НФ.

Ночь в ином измерении. Рассказ //Платиновый обруч. Сб — Рига Лиесма, 1982

Пещера отражений. Рассказ //Пещера отражений. Сб — Рига Лиесма, 1988

Хрустальная медуза. Рассказ //Хрустальная медуза. Сб — Рига, 1985

Алферова Мариана Владимировна

Санкт-петербургская писательница-фантаст и иллюстратор. Участница творческого семинара Б. Н. Стругацкого.

Дар — Земле. Сб. фант. повестей — Волгоград. Тов-во «АТОМ», 1991 — 152 с — (Содерж. Дар — Земле, Салон для роботов, Пейзаж с озером Нево)

Ее власть. Рассказ //Фантаkrim-МЕГА — 1992 — № 1 — с. 12-20

Идолы Рассказ //Уральским следопыт — 1990 № 12 — с 43-45

Кормлец. Рассказ //Измерения — СПб 1991 — № 1 — с. 53-60

Крылья. Рассказ //Фантаkrim МЕГА — 1993 — № 2 — с. 63

Поглощение. Рассказ //Измерение-Ф Сб. — Л. Худ. лит. ИСА 1990

Решетка. Рассказ //Фантаkrim-МЕГА — 1993 — № 5 — с 38-40

Анфимова Елена

Санкт-петербургская писательница-фантаст. В печати выступает с середины 80-х гг.

Русалка Шеле. Рассказ //Ставрополье — 1988 — № 2 — с 85-90
На птичьих правах. Страшная сказка для взрослых
//Фантаkrim МЕГА — 1991 — № 1 — с. 61-64
Страсти Гутькина. Озера. Рассказ //Техника — молодежи —
1991 — № 10 — с. 52-59

Ассовская Аэлита Сергеевна (1936)

Прозаик из Санкт-Петербурга. Кандидат физико-математич. наук, сотрудница санкт-петербургского Ин-та ядерной физики. В жанре выступает с конца 60-х гг.

Ее улыбка. Рассказ //Уральский следопыт — 1972 — № 11 — с 64-68
Горькая ягода. Повесть //Химия и жизнь — 1991 — №№ 4-6 (В соавт. с С. Соловьевым)
Претендент. Повесть //Магический треугольник Сб. М Мол гвардия 1990 (В соавт. с С. Соловьевым)

Астахова Наталья Васильевна

Симферопольская писательница-фантаст. По основному роду занятий — журналист.

Погонщик мулов с бульвара Клавы. Рассказ //Феми фан. Сб — Симферополь, Таврия, 1990 — с. 4-20
Наследница по кривой. Рассказ //Там же — с. 20-36
Письма с Земли. Фантастич повести и рассказы — Симферополь. Текст 1992 — 109 с — (Содерж: Осторожно, вам звонят, Сделайте дождь потише, Продается дом с горой, Спряжение глагола «Быть», Переписка по поводу, Живому больно, Погонщик мулов с бульвара Клавы, Розы сорта Супер-стар, Последний первенец)

Болото Алина Николаевна (1962)

Автор НФ из г. Горловка. Повести и рассказы публиковались в периодике и коллективных сборниках.

Тайфун в закрытом секторе: Повесть //Тайфун в закрытом секторе: Сб. — М, Мол. гвардия, 1992 — с. 2-118.
Убежище: Повесть //Феми-фан: Сб. — Симферополь. Таврия, 1990. - с. 108-143

Власова Елена

По основной профессии учитель младших классов. Пишет давно, но в печати дебютировала в 1992 г. Автор повестей и рассказов в жанре героико-сказочной фантастики.

Пять сказок о любви: Повесть //Большое солнце: Сб. — Профиздат, Интер-Трейд, 1992 — с. 219-239.

Гайдамака Наталья

Фантаст с Украины.

Пленница: Рассказ //Феми-фан: Сб. — Симферополь, Таврия, 1990. - с. 97-107

Колыбельная: Рассказ //Ветер над яром: Сб. — М.: Мол. гвардия, 1989.

Зеленое на черном: Рассказ //Дорога миров: Сб, — М. Мол гвардия, 1990. — Т. 2.

Меченная молнией: Рассказ //Ошибка дона Кристобая: Сб, — М. Мол. гвардия 1991.

Отмеченная молнией: Фант, повести и рассказы: — Киев: Молодь, 1990. - 142 с (На укр. яз.)

Галкина Наталья Всеволодовна

Санкт-петербургская поэтесса и прозаик. Автор нескольких поэтических сборников, основу которых составляют фантастич. поэмы «Отзвуки театра», «Возвращение доктора Ф», «Оккервиль „Перекресток“»; В НФ-прозе выступает с середины 70-х гг. По образованию — дизайнер. Участница творческого семинара Б. Н. Стругацкого.

Надзиратель прошлого: Рассказ //Уральский следопыт, — 1990. - № 12, - с. 32-34

Не верь глазам своим: Рассказ //Часы с вариантами: Сб, — СПб. Лицей, 1992.

Гнедина Татьяна Евгеньевна

Известная писательница, автор сказочных и фантастич. повестей, адресованных подростковой аудитории.

Беглец с чужим временем: Фант, повесть. — М. Мол. гвардия. 1968. - 136 с.

Гаммелон: Рассказ //Юный техник. — 1968, - № 8.

Последний день Туготронов: Повести-сказки, — М. Мол. гвардия, 1964, - 176 с, — (Содерж.: Последний день Туготронов; Остров на кристаллах воображения).

Грай Татьяна Владимировна

Галатея: Рассказ //Земля и Вселенная. — 1989,— № 4;

То же: //Четвертое измерение, 1992, № 2;

То же: //Фантакрим-МЕГА, 1992, № 3.

Гетто для ангелов: Повесть //Магический треугольник. Сб. — М.; Мол. гвардия, 1990.

Тахиона: Повесть //Слушай звезды! Сб, — М.: Мол. гвардия, 1990.

Громова Ариадна Григорьевна (1916-1981)

Писательница-фантаст, критик НФ. Окончила историко-филологич. ф-т Киевского ун-та. В печати дебютировала в 1935 г. С 1959 г. работала преимущественно в области НФ-прозы и критики.

В Институте Времени идет расследование: Роман. — М.: Дет. лит., 1973.- 367 с, — (Б-ка приключений и НФ). (Авторы: А Громова. Р. Нудельман.)

Мы одной крови — ты и я!: Роман, — М.: Дет. лит., 1967,— 239 с.

Поединок с собой: Роман, — М.: Детгиз, 1963.- 192 с (Б-ка приключений и НФ)

По следам неведомого: Роман. — М. Трудрезервиздат, 1959,- 412 с. (Фантастика. Путешествия). (Авторы: А. Громова, В. Комаров)

От составителя: Подробная библиография НФ-произведений А. Громовой опубликована в журн. «Советская библиография» (1990, № 6).

Грушко Елена Арсеньевна (1952)

Фантаст из Н. Новгорода. По образованию филолог. Автор пяти книг, написанных в жанре фольклорной фантастики, многочисленных публикаций в периодике и коллективных сборниках.

Последний снег апреля: Сб — Хабаровск. Кн. изд. 1984 — 160 с.

Добрыня: Фантастам повести и рассказы — Хабаровск 1986 — 112 с.

Картина ожидания: Сказочно-фантастич. повести и рассказы — М. Мол. гвардия. 1989 — 256 с (Б-ка сов фант-ки) — (Содерж: Цвегица, Лебедь Белая, Чухой, Контакт, Береза, Белая лисица, Картина ожидания, Сон Марии, Военный поход против Южного Ветра)

Дижур Велла Абрамовна

Берег трех братьев: Повесть — Свердловск Кн изд, 1963 — 123 с.

У предков: Рассказ //Уральский следопыт — 1958 — № 2 — с. 72-76

Фонарь Земли: Глава //Вечерний Свердловск — 1960 — 1 октября

Дубаева Аэлита

Потерявший орбиту: Рассказ //Фантастика-81 — М. Мол гвардия, 1981

Последний глоток: Рассказ//Фантастика-83 — М. Мол гвардия 1983

Слеза на пороге Вселенной: Рассказ //Сокол — 1992 — № 4 — с 240-265

Жужунава Белла Михайловна (1937)

Писательница-фантаст из г. Инты.

Труба вождя: Рассказ //Знание — сипа — 1990 — № 12 с. 94-96

Метаморфозы любви: Рассказ //Четвертое измерение — 1992 — № 4 — с. 3-14

Товары — почтой: Рассказ //Фантаkrim-МЕГА — 1991 — № 2 — с 60-62

«Объявления печатаются бесплатно»: Рассказ //Икар — Екатеринбург, 1992 — № 3 — с. 26-29

Маленькие слабости есть у всех: Рассказ //Фантаkrim-МЕГА — 1993 — № 2 — с. 63-64

Когда расцветают розы: Рассказ //Время покупать черные перстни Сб — М Мол гвардия 1090

Нежно Зеленеющая. На Рассвет: Рассказ //День гнева Сб — М. Мол гвардия, 1991

Дождь. Рассказ. Вдова колдуна: Сб — М. Мол гвардия 1991

Журавлева Валентина Николаевна (1933)

В отечественной НФ одна из ключевых на сегодняшний день писательниц. Первые НФ-рассказы и повести Журавлевой появились в печати в конце 50-х гг. Выступала также как историк жанра (кн. «Изобретения, заказанные мечтой», Тамбов, 1964)

Сквозь время: Рассказы и повести — М Профиздат 1960 — 238 с.

Снежный мост над пропастью: Рассказы — М. Дет. лит 1971 — 207 с.

Баллада о звездах: Повесть //Знание — сила — 1960 — Л, № 8-10 — (Авторы Г. Альтов В. Журавлева), То же //В мире фантастики и приключений Сб — Л, 1963 — с 546-657

Забила (Люмнева) Наталья Львовна (1903-1985)

Украинская писательница. Автор веселых фантастич. рассказов и повестей для подростков.

Удивительные приключения мальчика Юрчика и его деда:
Фант. рассказы — Киев Веселка 1965 — 92 с,
То же 2-е изд — Киев Веселка, 1987 — 95 с.

Карпова Калерия Николаевна

Автор НФ. Живет в Москве. В жанре дебютировала в конце 60-х гг.

Парадокс Феодала: Рассказ //На суше и на море. Вып. 17 — М.
Мысль 1977
Поиск: Рассказ //Альтаир — 1993 — № 1 — с 11-35

Катерли Нина

Санкт-петербургская писательница, автор многочисленных фантастико-философских повестей и рассказов.

Коллекция доктора Эмиля: Рассказ //Нева — 1979 — № 2 — с 97-118
Сенная площадь: Повести и рассказы — СПб СП «СОВИТТУРС» — 1992 — (Содерж: Коллекция доктора Эмиля, Волшебная лампа, Человек фирфатов и трактир Червец)
Зелье. Маловероятная история //Нева — 1979 — № 1 — с 65-90
Прохор, Окно, Озеро. Чудовище. Фантастические рассказы //Нева- 1977— № 8 — с. 37-46

Китаева Анна

Прозаик, член ВТО МПФ.
Гость: Рассказ //Друг читача — Киев, 1490 — № 26, 28 июня
Кое-что о домовом: Рассказ //Ветер над яром Сб — М.: Мол. гвардия, 1989.

Козинец Людмила Петровна (1953)

Киевская писательница-фантаст. Родилась в Красноярске. По образованию филолог, работала в газете, в Украинском отделении ВААП. Лауреат украинской премии в области НФ «Чумацкий Шлях».

Передай другу. Сб — Киев 1987
Разорванная цепь. Фантастич. рассказы — Киев Молодь 1990 — 189 с
Гадалка. Рассказ //Техника — молодежи — 1991 — № 11 — с

58-59

Десантник. Рассказ // В королевстве Кирпиляйн Сб — М Мол гвардия, 1990

Ветер над яром. Рассказ // Ветер над яром Сб — М Мол гвардия 1991

Когти ангела. Рассказ // Феми-фан Сб — Симферополь Таврия 1990

Черная чаша. Рассказ // Там же

Легенда о Фениксе. Рассказ // В королевстве Кирпиляйн Сб — М Мол гвардия 1990

Последняя сказка о «Летучем Голландце». Рассказ // Век дракона Сб — М Мол гвардия 1991

Я иду. Рассказ // Фантастика-85 — М Мол гвардия 1985 — с 290-297

Конова Алла Витальевна

Иркутская писательница. В 60-е гг неоднократно обращалась к НФ.

Голос Вечности. Повесть // Сибирские огни — 1963 — №№ 6-7
Осколки тяжести. Повести — Иркутск Кн. изд-во, 1964 — 216

с

Свет глубоких недр Повесть // Ангара — 1965 — № 2

Кошурникова Римма Викентьевна (1937)

Томская писательница, автор произведений для детей. В 70-е гг. обращалась и к жанру НФ.

Задворки: Рассказ // Уральский следопыт — 1979 — № 4 — с. 54-55

Курочка: ряба Рассказ // Уральский следопыт — 1982 — № 4 — с. 52-61

Сиди и не высывайся: Рассказ // Уральский следопыт — 1975 — № 12-е 64-66, То же // Ленинец — Уфа, 1975 — 18 сент, То же // Магнитогорский рабочий — 1975 — 22 ноября

Ларина Нелли

Прозаик.

Девушка из Сиэла Рассказ // Фантастика-88/89 — М Мол гвардия 1990 — с. 131 — 145

Проект Гименея Рассказ // Фантастика-85 — М Мол гвардия 1985 — с. 268-272

Ларионова Ольга Николаевна (1935)

Известная Санкт-Петербургская писательница-фантаст. В жанре работает с середины 60-х гг. Лауреат НФ премии «Аэлита» (1987).

Остров мужества: Роман, повесть рассказы (Предисл И. А. Ефремова — Л. Лениздат 1971 — 288 с. (Содерж: Леопард с вершины Калиманджаро, Планета которая ничего не может дать, Обвинение, Развод по-марсиански, Остров мужества)

Знаки Зодиака: Повести рассказы— М Мол гвардия 1983 — 223 с — (Б-ка сов. фантаст.)

Чакра Кентавра: Науч фантастика — М Изд-во МПИ, 1988 — 151 с

Клетчатый тапир: Повесть // Ольга Ларионова. Клетчатый тапир. Павел Амнуэль, Капли звездного света. Борис Романовский Преступление в медовом раю: Повести — М Мол гвардия, 1989

Формула контакта: Сб. фантастики — Л Лениздат 1491-478 с

Лабиринт для троглодита: Трилогия — Л Дет лит, 1991 — 287

с

Лукина Любовь (1950)

Фантаст из Волгограда. Плодотворно работает в жанре в соавторстве с мужем Евгением Лукиным с 1975 г. Первая публикация (повесть «Каникулы и фотограф») состоялась в 1981 г. В 1984 г. супруги Лукины стали обладателями 1-й премии на Тбилисском молодежном конкурсе антивоенного фантастич. рассказа (рассказ «Право голоса»). В 1989 г. голосованием КЛФ признаны самыми популярными фантастами года. Ниже мы приводим данные только об отдельных изданиях (всего у Лукиных около 100 публикаций).

Пятеро в лодке, не считая Седьмых: Фантастич. мини-повесть — Волгоград Тов-во «АТОМ», 1990 — 47 с.

Когда отступают ангелы: Рассказы повесть — Волгоград Нижне-Волжское изд-во 1990 — 223 с.

Мамонова Мария (1964)

Как автор фантастических произведений дебютировала на страницах печати еще в школьные годы, с тех пор опубликовала несколько рассказов и ряд научно-популярных очерков, так или иначе соотносимых с НФ-тематикой

АБЭВ: Рассказ //Техника — молодежи — 1976 — № 2 — с 56-57

Песня звезд: Рассказ //Там же — с 56

Звездная девчонка: Рассказ //Юность — 1973 — № 1— с 68-73

Испытание: Рассказ //Смена — 1979 — № 15

Мандалян Элеонора Александровна (1939)

Писательница-фантаст из Армении.

Дерево дракона: Роман — Ереван Советакан грох, 1985- 200 с.
И я сказал себе НЕТ!: Повести — М Сов писатель, Олимп, 1991.— 288 с — (Содерж: Ясновидящая, Возвращение, И я сказал себе НЕТ!)

Заново рожденный: Рассказ //Лит Армения — 1981— № 8 — с 82-66

Сфинкс: Повесть //Фантастика-85 — М Мол гвардия, 1985 — с. 90-134

Ясновидящая: Повесть //Лит Армения — 1988— №№ 5-6

Мухина-Петринская Валентина Михайловна (1909-1993)

Известная саратовская писательница. Первые рассказы и повести появились в печати в середине 30-х гг. Большинство произведений Мухиной-Петринской обращено к подростковой аудитории. Элементы фантастики присутствуют во многих повестях и рассказах писательницы («Корабли Санди», 1964; «Обсерватория в дюнах», 1963, «Плато доктора Черкасова», 1964 и др)

Планета Харис: Фант. роман. Кн 1— Саратов Приволжское кн изд во, 1984 — 176 с

Никитайская Наталья Николаевна

Санкт-петербургская писательница-фантаст. Окончила Ленинградский ин-т театра, музыки и кинематографии. По основному роду занятия — театровед. В печати выступает с 1972 г. Член творческого семинара Б. Н. Стругацкого.

Ноги Логофарса: Современная сказка //Аврора — 1987 — № 5, То же // Интегральное скерцо: Сб — М Музыка, 1989 — с. 104-111

Правильная жизнь или Жизнь по Правилам фантазмагория в семи частях: Повесть //День свершений Сб — Л. Сов. писатель 1988 — с. 193-228

Параны Петрова: Рассказ //Аврора — 1985 — № 4 — с 57-72

Экспонат: Рассказ //Синяя дорога Сб — Л Дет лит, 1984

Новаш Наталья Владимировна

Писательница-фантаст из Минска. Жена фантаста А. Силецкого.

Сочинения Бихевайля: Рассказ //Фантакрим-МЕГА — 1990 — № 1

Ночь Святого Христофора: Рассказ //Фантакрим-МЕГА — 1991 — № 1

Переводные картинки из книги. Тир: Повесть //Техника — молодежи — 1993, - №№ 9-10

Чтобы сделать выбор: Рассказ //Время покупать черные перстни — М. Мол гвардия, 1990

Сказка о джинне Рассказ //Листья времени Сб — М Мол гвардия, 1990

В королевстве Кирпирляйн: Повесть //В одноименном сб — М Мол гвардия 1990

Легенда о первом рассказе //Знамя юности — Минск, 1981 — 27 февр

Там где назначена встреча: Рассказ //Знамя юности — Минск, 1982 — 24 октября

Образец уникальности: Рассказ //Знамя юности — Минск, 1983 — 30 окт

Непрочитанная тетрадь: Рассказ //Неман — 1984 — № 11

Новикевич Ольга Ярославна

Прозаик и журналист из Риги.

Директор зоопарка: Рассказ //Румбы фантастики 1988 год. Т. 1 — М Мол гвардия 1989 — с 219-224

Человек с собакой: Рассказ //Фантастич рассказы Сб — М Прометей, 1989

Дача: Рассказ //Там же

Русская матрешка: Рассказ //Там же

Осторожно дети: Рассказ //Там же

Гостиница на перекрестке: Рассказ //Там же

Новичок: Рассказ //Там же

Музей эталонов: Рассказ //Там же

Тень любви: Рассказ //Там же

Обухова Лидия Алексеевна (1924)

Известная писательница и очеркист. Окончила Лит. ин-т им. А. М. Горького (1952). Начиная с 1966 г. неоднократно обращалась в своем творчестве к жанру философской фантастики.

Лилит: Фантастич повесть — М, 1966, То же //Обухова Л Избранное — М Сов писатель 1983 — с — 326-402

Диалог с Лунным человеком: Повесть — Калининград Кн изд-во, 1977

Доброта Рассказ //Обухова Л Избранное — М Сов писатель, 1983 — с 308-325

Та, которая под цвет травы: Рассказ //Там же — с 455-472

Паблос Инесса Алексеевна

Московская писательница. Окончила Лит. ин-т им. А. М. Горького (1991). В том же году дебютировала как фантаст.

Вариант эволюции: Рассказ //Большое солнце Сб — М Профиздат, Интер-Трейд, 1992 — с 207-217

Тереска и Кусково: Фантастич повесть — М Союз литераторов РСФСР 1991 — 92 с

Панизовская (Макарова) Галина Иосифовна (1931)

Санкт-петербургская писательница-фантаст.

Два Вальки Моторина: Повесть //Синяя дорога Сб — Л Дет лит, 1984

Моя Галатея: Рассказ //НФ Сб науч фантастики Вып 24 — М Знание, 1981 — с. 126-144

Панова Вера Федоровна (1905-1973)

Известная писательница, автор многочисленных произведений для детей и юношества. Роман-сказка «Который час?» впервые опубликован в 1981 г. посмертно.

Который час? Сон в зимнюю ночь: Роман-сказка //Новый мир — 1981 — № 9 — с 6-68, То же Л Сов писатель 1985

Пахомова Валентина

Год дракона: Рассказ //Феми-фан Сб — Симферополь Таврия, 1960 — с 267-272

Зув: Рассказ //Там же — с 272-276

Петрушевская Людмила Стефановна (1938)

Драматург, прозаик Автор многочисленных рассказов и пьес, в том числе сказочного и условно-фантастического содержания; в последние годы активно пишет в жанре «современной сказки».

Два окошка: Пьеса-сказка — М, 1975

Бог Посейдон, Два царства Рассказы //Новый мир — 1993 — № 9

В дороге, Травма, Двойная литературная история, В доме отдыха, Семейная сцена, Роль, Педикюр, Иностранка, Защита Нины, Козел Толик, Жажда славы, Сказки //Моск комсомолец — 1993, - № 68 10 апр. с. 3

Сказки для всей семьи Жучок-водомерка, Красивая свинка, Принцесса Белоножка, Матушка капуста, Гусь, Приключение в космическом королевстве, Две сестры //Октябрь — 1993 — № 1

Пьянкова Таисия Ефимовна

Новосибирская писательница, член Союза писателей. Автор двух книг сказов, целого ряда фантастических произведений.

Куманьково болото: Рассказ //Охота на дракона Сб — М Мол гвардия, 1991

Онегина звезда: Фантастический сказ //Румбы фантастики 1988 год Т2 — М Мол гвардия 1989- с 106 116

Память выдумки: Рассказ //Ошибка дона Кристобая Сб — М Мол гвардия, 1991

Спиридонова досада: Рассказ //Легенды грустный плен Сб — М Мол гвардия, 1991

Тараканья заимка: Рассказ //Время покупать черные перстни Сб — М Мол гвардия, 1990

Черная барыня: Рассказ //Листья времени Сб — М Мол гвардия 1990

Чужане: Рассказ //Там же

Ребане Хелью Яновна

Эстонская писательница-фантаст. Живет и работает в Таллинне.

Бабочка: Рассказ //Вокруг света — 1985 — № 11 — с 64

Выигрывают все: Фантастич. рассказы — М Мол гвардия, 1988 — 64 с. (Б-ка журн «Мол гвардия», т 22) — (Содерж: Выигрывают все, Город молчунов, Детектор истины, Пустые ценники, Стена, Эксперимент Гессеринга)

Город на Альтрусе: Повесть (Пер. с англ. Рябухина //Фантастика-88/89 — М Мол. гвардия, 1990 — с 145-181.

Резанова Наталья Владимировна (1959)

Фантаст из Нижнего Новгорода, председатель местного КЛФ «Параллакс».

Вид с горы: Рассказ //Уральский следопыт — 1989- № 10 — с. 43-47

Идеальный развод: Рассказ //Двигатель — Горький, 1990 — 13 июля

Камень Великой Матери: Повесть //Апейрон — 1992 — № 1 — с 15-31

Крепость спасения: Повесть //Параллакс — Горький КЛФ «Параллакс», 1989, № 1, 1990, № 2

Розанова Лилиана Сергеевна

Прозаик. Плодотворно работала в жанре в 60-е гг.

В этот исторический день: Рассказ //Фантастика-68 — М Мол гвардия, 1968

Весна — лето 2975 года: Рассказ //Семья и школа — 1967 — № 8 — с 52-56

Две истории из жизни изобретателя Евгения Баранцева: Рассказ //Фантастика-67- М Мол гвардия, 1968

Предсказатель прошлого. Из рассказов о Евгении Баранцеве //Знание — сила — 1967 — № 7 — с 44-47

К вопросу о трансплантации сердца: Сказка //Знание — сила

Сазанович Елена

Прозаик, киносценарист. Закончила ф-т журналистики Белорусского гос. ун-та и ВГИК. В печати дебютировала в 1990 г. на страницах журнала «Юность».

Прекрасная мельничиха: Повесть //Юность — 1990 — № 1
Солнце в профиль: Повесть //Фантаkrim-МЕГА — 1992 — № 4.
- с 24-37
Я слушаю, Лина: Повесть //Юность — 1993 — № 2 — с 2-20

Свешникова Людмила Николаевна

Писательница-фантаст из Куйбышева.

Зеленый туман: Фантастич. рассказы — Куйбышев. Кн. изд во, 1987 — 207 с.
Как перехитрить боль: Рассказ //Фантастика 84 — М Мол гвардия, 1084 — с. 182-190
Лиловая собака: Рассказы — Куйбышев. Кн. из-во 1990 — 221 с

Сергиевская (Тибилова) Ирина

Санкт-петербургская писательница. Окончила Ленинградский гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. По основной профессии — художник-постановщик в хореографическом училище. Как автор НФ выступает с начала 80-х гг.

Кариатида Повесть //Искатель. — 1989 — № 1-с 2-00, То же //Нечеловек-невидимка Сб — Симферополь Таврия, РПК «Текст» 1991

Синицына Людмила Алексеевна (1947)

Писательница-фантаст из Душанбе. В жанре работает с 60-х гг.

Во всем виноват Айзек Азимов: Рассказ //Памир — 1982 — № 6 — с 90-93
Где никогда не бывает солнца: Рассказ //Там же — с 88-90
Метеорит упавший вверх: Рассказ //Там же — с 93-95
Две фантастические повести — Душанбе Маориф 1983 т 96 с
— (Содерж. Пузыри Земли, Пробный ящик)
Железный дом: Рассказ //Памир — 1980 — № 7 — с 78-87
Про деда Игната, Солнце, «Колобок»: Рассказы //Памир — 1980 — № 7 — с 87-96
Пробный ящик: Повесть //Памир — 1979 — №№ 10-11

Ошибка размером в столетие: Повесть //Фантастика 66 Вып 3 — М. Мол гвардия, 1966

Пузыри Земли: Повесть //Фантастика 78 — М. Мол гвардия 1978

Соколова Наталья Викторовна (1916)

Прозаик. Окончила Лит. ин-т им. А. М. Горького в 1938 г. Как автор фантастических произведений дебютировала в 1965 г.

Захвати с собой улыбку: Повесть //Фантастика 65 — Вып 1 — М Мол гвардия, 1965

Осторожно волшебное! Сказка большого города: Роман — М 1981

Осторожно, волшебное! Роман и повести — М Сов писатель, 1986 — 462 с. (Содерж: Захвати с собой улыбку, Пришедший оттуда, Осторожно, волшебное!)

Тысячи счастливых шагов: Фантастич. повесть рассказы — М, 1965

Суворова Татьяна

Фантаст из Екатеринбурга.

Плата по вексям: Сб. рассказов — М, Свердловск, Прометей ТПК «Старт», 1989 — 16 с — (Содерж: Плата по вексям, Он жил в мире мечты, Срок исчезновения законов)

Суханова Наталья Алексеевна (1937)

Прозаик, автор нескольких книг фантастики.

Весеннее солнце зимы: фантастич. повести — Ростов-на-Дону, 1981

В пещерах Мурозавра: Фантастич. повесть с приключениями — Ростов-на Дону, 1978- 128 с

Многоэтажная планета Фантастич. повесть — Ростов-на Дону 1982 — 112 с.

Пароль ФФ: Повесть //Дон — 1978 — №№ 3-4

Подкидыш: Повесть — Ростов-на-Дону 1989

Тайганова Татьяна

Челябинская писательница. Закончила ПТУ по специальности художник-оформитель. Член Союза писателей, лауреат конкурса на лучшее фантастическое произведение журнала «Юность».

Красное сафари на желтого льва. Истории из мусорного ящика: Повесть //Юность — 1990 — № 6 — с 6-23

Титова Татьяна Федоровна (1962)

Фантаст из Нижнего Тагила.

Было море звезд: Рассказ //Уральский следопыт — 1989 — № 10

Городок. Весь День: Рассказ //Тагильский рабочий — 1990 — 6 янв

Остановка: Рассказ //Уральский следопыт — 1987 — № 7 — с 18-24

Сублограмма: Рассказ //Поиск-89 Сб — Свердловск Сред-Урал кн. изд-во, 1989. - с 292-299

Трускиновская Далия Мееровна

Рижская писательница. Окончила филологический ф-т ЛГУ им. П. Стучки. Сотрудничала в газете «Советская молодежь» как поэт и переводчик. В 1981 г. опубликовала первую повесть («Запах янтаря»), а в 1984 г. выпустила первый авторский сборник. В фантастике выступает с 1985 г.

Баллада об индюке и фазане: Повесть //Иронический детектив Сб — Киев Радянський письменник 1990

Бессмертный Дим: Рассказ //Хрустальная медуза Сб — Рига Лиесма, 1985

Вечность для Джульетты: Рассказ //Пещера отражении Сб — Рига Лиесма, 1988

Все мне надоело: Рассказ //Техника — молодежи — 1993 — № 7 — с 48-56

Дверинда: Рассказ/Повесть //Техника — молодежи — 1990 — №№ 6 10-11

Душа и Дьявол: Повесть //Век дракона Сб-М Мол гвардия 1991

Обнаженная в шляпе: Повести — Ужгород Карпаты ТПО «Вариант», 1890. - 302 с — (Содерж: Обнаженная в шляпе, Коломбине дозволено все)

Усова Галина Сергеевна

Санкт-петербургская писательница, переводчик. По специальности — филолог-литературовед. В жанре фантастической прозы выступает с 1965 г.

Будешь помнить одно мое имя: Повесть //Белый камень Эрдени. — Л.: Лениздат 1982

Синяя дорога: Рассказ //Синяя дорога Сб — Л. Дет. лит, 1984

Ягупова Светлана Владимировна (1942)

- Симферопольская писательница-фантаст.
Алетей: Повесть //Радуга — Киев, 1988- №№ 4_5
Астральный случай: Повесть //Нечеловек-невидимка Сб — Симферополь: Таврия; РПК «Текст» 1991
Берегиня: Повесть //Фантастика-84 — М Мол гвардия, 1984 с 124-149
Второе лицо: Повесть //Радуга — 1978 — № 6 — с 55-83
И ноль-пространство разомкнуть: Повести — Симферополь Таврия, 1982 — 256 с — (Содерж: Капитан, Софоровой ночью, И ноль-пространство разомкнуть, Подписка на Жорж Санд)
Ладушкин и Кронос. Неоновые сказки — Киев Радянський письменник 1987 — 256 с — (Содерж: В лифте, Берегиня, Фантариум, Контакттер, Ладушкин и Кронос)
Твой образ: Повести — М Мол гвардия, 1990- 270 с — (Б-ка совет. фантастики) — (Содерж: Мутанты Асинтона, В горелом лесу, Твой образ)
Феникс: Роман — Киев Молодь, 1988- 232 с
Феномен Табачниковой: Повести — Симферополь Таврия, 1979 — 240 с (Содерж: Твой образ, Феномен Табачниковой)

Translated into russian

- Урсула Ле Гуин. Гробницы Атуана. Техану: Романы / Послесл. и пер. с англ. И. Тогоевой. — М.: Радуга, 1993. 416 с.
Урсула Ле Гуин. Земноморье, — Россия, 1994. 624 с.

Возвращение в Земноморье

Открывая новую книгу, всегда хочется узнать, о чем она. Если книга хороша, если она проникает тебе в душу или оказывается созвучна твоим размышлениям, наконец, если она захватывает своим сюжетом, то

хочется узнать, чем она кончается. А когда она-таки кончается, эта хорошая книга, очень хочется узнать, что же дальше. Причем, наверно, не только читателю, но и самому автору. Потому мировую популярность приобрели циклы о Капитане Футуре Э. Гамильтона, о Мире Смерти и о Стальной Крысе Гарри Гаррисона, «Хроники Амбера» Роджера Желязны, «Основание» Айзека Азимова «Звездные войны» (как фильм, так и литературное переложение) Джорджа Лукаса и Алана Дина Фостера, «Колдовской мир» и «Королева Солнца» Эндрю Нортон и конечно цикл о Земноморье Урсулы Ле Гуин, в духе которой назовем это явление «правилом продолжений». К сожалению, все эти книги дошли до русского читателя в среднем с опозданием на двадцать лет, когда «иных уж нет, а те...». Так было и с книгами Урсулы Ле Гуин, завоевавшей известность еще в 60-х годах и которой в будущем месяце исполнится шестьдесят пять. Не считая отдельных рассказов, рассыпанных по научно-популярной периодике и сборникам, на русском языке первая книга прославленной писательницы — «Планета изгнания», содержащая два романа и несколько рассказов¹⁰ — вышла только в 1980 году. Роман «Левая рука Тьмы» (премии «Хьюго» и «Небьюла» 1969–1970 гг.) на русском языке впервые увидел свет в 1991-м, и то в Латвии¹¹, в тот момент уже обретшей независимость, после чего роман многократно издавался уже в различных переводах и разными издательствами. Опять же следуя духу самой Урсулы Ле Гуин, назовем это, скажем, «правилом ожидания».

В полном соответствии с этим правилом цикл о Волшебнике Земноморья, вернее, первые три его части — «Волшебник Земноморья» (1968), «Гробницы Атуана» (1971) и «На последнем берегу» (1972), как и остальные главные книги писательницы, «заговорили по-русски» тоже после двадцатилетнего ожидания. Впервые это произошло летом 1991 года на страницах «Науки и жизни», где — для самых терпеливых читателей — романы печатались один за другим в течение нескольких лет. Для менее терпеливых (и более состоятельных) весной 1992 года в серии «fantasy» санкт-петербургского «Северо-Запада» единым томом вышла вся трилогия целиком¹².

Однако из любого правила бывают счастливые исключения.

По словам писательницы, как раз все эти двадцать лет она мечтала вернуться в Земноморье, к полюбившимся и ей и читателям героям. И наконец в 1990 году трилогия стала тетралогией. В нью-йоркском издательстве «Atheneum» был выпущен четвертый роман о Земноморье — «Техану». И почти сразу московским издательством «Радуга» был заключен договор о публикации «Техану» в России, а уже летом нынешнего года в «Радуге» вышел в свет очередной том серии «Мастера зарубежной фантастики».

Новую книгу составила уже издававшаяся ранее вторая часть цикла

10 У. Ле Гуин. Планета изгнания. М.: Мир, 1980. Расширенное переиздание — М.: МП «Все для Вас», 1992 (Американская фантастика в 14 томах, т. 8).

11 У. Ле Гуин. Левая рука Тьмы (перевод Плана Полоцка). Рига: Continent. 1991. («Лауреаты премии „Хьюго“»).

12 У. Ле Гуин. Волшебник Земноморья (в трех частях). СПб.: Северо-Запад. 1992. («fantasy»). Кроме того, одновременно с публикацией в «Науке и жизни» в продаже появилась первая часть цикла под названием «Маг Земноморья» (М. Улей, 1990).

«Гробницы Атуана» и «Техану». (Такой выбор объясняется, видимо, тем, что четвертый роман «Земноморья» продолжает сюжетную линию второго, возвращаясь к «женской теме», а также повторяет многие значимые эпизоды, но как бы наоборот). Для удобства читателя помещено краткое изложение первой и третьей частей.

В «Гробницах Атуана» бывшая жрица Тьмы Тенар спасает Геда от физической гибели, а Гед свою спутницу — от тяжелого душевного надлома. В «Техану» — то же взаимное спасение, только герои меняются ролями, и бывший Верховный Маг, защитив Тенар от насилия, становится ей мужем и отцом «дочери дракона» — маленькой Техану, то есть через деяние возвращается в жизнь Соединившись в «Гробницах Атуана» против зла, Тенар и Гед смогли соединить разломанное кольцо — талисман мира для единого пространства архипелага. С их первой встречи началось смутное время перемен и поисков — новых «исторических путей» Земноморья и новых жизненных путей для героев. «Гробницы Атуана» — история о «любви и разладе». В четвертой же части время перемен — глобальных и частных — заканчивается, и на новом уровне возвращается гармония. В Земноморье, как и некогда в давние легендарные времена, воцарился истинный владыка, через Техану к людям вновь приходит древняя мощь и мудрость драконов, а герои в критический момент своих судеб встречаются и заново узнают друг друга, как бы обернувшись к истоку своего союза, и дальше идут вместе. «Техану» — уже история о «разладе и любви».

Перевод «Техану» для этого издания (так же, как ранее и перевод первых трех частей, опубликованных в «Науке и жизни» и отдельным изданием «Северо-Запада») осуществлен Ириной Тогоевой. Благодаря ее трудам всю эпопею о Волшебнике Земноморья теперь можно по-русски прочесть в едином стиле. Наверняка этому факту обрадуются и почитатели Урсулы Ле Гуин, и просто любители жанра «фэнтези», и эстеты от фантастики. Ведь когда речь идет о таком непростом для понимания авторе, то от качества перевода зависят не только легкость прочтения текста по-русски и ясность его понимания, но и глубина проникновения в создаваемый писательницей целостный мир¹³.

Очевидно, что цикл о Земноморье (и каждый его роман в отдельности) представляют собой великолепный образец художественной фантастики, именно потому, что Язык здесь не только средство изображения и выражения, а универсальная среда, из которой вырастает неразъемное единство. «Земноморье», помимо всего прочего, написанная филологом лингво-философская фантазия, мир, где Слово было не только в начале, а где все всегда и есть Слово Жизнь как таковая понимается как непрерывный диалог с миром. Согласно основному принципу «земноморской» магии и философии, истинное имя, высказанное на первородном языке мира, выражает и заставляет откликнуться самую сущность названного. Корни мира скрыты в словах-именах, и сложная

13 К сожалению, иногда переводчикам, видимо, не хватает кропотливости. Так, в самом первом издании первой части цикла («Маг Земноморья», 1991, перевод Е. Жаринова) герой получил имя Джед, более подходящее для американского ковбоя, чем для земноморского мага. А в издании той же первой части «Змеем Горынычем» роман и вовсе называется «Колдун Архипелага», хотя из текста прямо явствует, в чем разница между колдуном и магом. Что же до Архипелага, то у русского читателя могут возникнуть ассоциации с совсем другой книгой.

языковая культура в равной степени присуща всем героям цикла — магам, воинам, матросам, лордам, земледельцам; ее диапазон простирается от таинственных изысканий в Одинокой башне на острове магов до самых простых бытовых вещей вроде выпаса коз в глухой деревеньке. Язык пронизывает все. Истинная Речь — профессиональный язык магов и родной язык драконов, взаимодействующий с речью повседневной; древние легенды о сотворении мира, заклинания и песни; письмена-руны — в старинных списках, на обиходных вещах, на магических предметах и на небе; истинные тайные имена людей и их обиходные прозвища; обряды, правила и запреты, связанные с поименованием. Да еще разные языки, на которых говорят племена архипелага. К тому же сохранились драконы, способные даже лгать на Истинной речи. Все это плотно вплетено в повествование и ставит перед переводчиком задачу тройной сложности перевести придуманный язык с языка, на котором он был придуман, на язык, на котором думают читатели перевода, так, чтобы все сохранилось в своей сложности и при этом было понятно. Приятно, что в выпущенном «Радугой» издании соблюдена некая мера между языком оригинала и его передачей по-русски В послесловии И. Тогоева, проникнувшись творческим духом Ле Гуин, доносит до читателя без ненужного рассыпания картины принципы ее построения, привлекая все богатство культурологического подхода, но не перехлестывая в нем.

До сих пор мы говорили лишь о книге, имеющей названную в выходных данных переводчицу, но рецензируем мы сразу два издания, которые пришли к читателю почти одновременно. И проблема как раз заключается в том, что второе из них безымянно. Так и будем называть переводчика более толстой книги в суперобложке с Гедом, изданную в 1994 году на неоглядных просторах России — Безымянным.

И перевод Тогоевой и безымянный перевод вполне заслуживают отдельного разговора, и там и тут есть удачи и не особенно ловкие пассажи. Скажем, сложно везде выдерживать стиль, называя словами в мужском роде героинь, поэтому Вереск-девушка, естественнее (по-русски) действует под именем Хифер, как у Безымянного, но можно понять и И. Тогоеву, пожелавшую раскрыть как можно полнее значимость растительных имен у Ле Гуин. Вслед за своим любимым сказочником-натуралистом Гансом Христианом Андерсоном, Ле Гуин никогда не назовет растущее дерево, куст или цветок просто родовым названием — она одаривает зеленый мир (как, впрочем, мир минералов и животных, — помните «Рукопись на семенах акации»?) их видовыми — Истинными именами. Поэтому и действуют у нее тетушка Мох и король Ясень-Лебаннен. Ибо все мы — плоды мирового Древа Жизни. Ферру, как детское имя Техану, отражающее огненную стихию, у Безымянного удачнее, на наш взгляд, чем Терру, вызывающее ассоциации скорее со зверьком, чем с могущественным началом. А вот называть Тенар «Съеденной», конечно, куда менее полнозначно, чем «Поглощенной», как в переводе И. Тогоевой, равно как и содеянное над Терру-Ферру просто «Бедой». Оформление «русской» тетралогии, надо отдать должное безымянному же художнику, значительно выразительнее, чем то, которое придала романам Ле Гуин «Радуга» — на суперобложке и форзаце запоминающиеся образы Геды, Тенар и Техану, карты, драконы, буквы... Вот если бы только соблюдены были все остальные формальности, необходимые при заключении договора на издание

перевода, — тогда всем можно было бы назваться своими Именами.

Лариса Михайлова, Ольга Спицына

Уважаемые предприниматели!

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction» — принимает заказы на размещение рекламы.

«Сверхновая американская фантастика» имеет тираж 10 тысяч экз. ежемесячно, распространяется по подписке и в розницу по всей территории России и ближнего зарубежья. Экземпляры журнала направляются и в США, поступают в крупнейшие библиотеки мира.

Мы особенно рады видеть на своих страницах рекламу новых технологий, медицинской и вычислительной техники, средств связи, наукоемких товаров и услуг, а также тех, кто финансирует развитие науки, вкладывает средства и оказывает спонсорскую помощь науке и образованию. Для этих рекламодателей предусмотрены льготы.

Льготы и для КЛФ, и для книгоиздателей (возможен бартер).

Наши расценки на рекламу в одном номере журнала:

4-я страница обложки — 1 000 000 руб (цветная).; 2-я и 2-я страницы обложки — 800 000 руб.; 1 страница в журнале — 400 000 руб.; 1/2 страницы — 200 000 руб.

Обращайтесь: 103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ «Ладомир», «Сверхновая американская фантастика». Тел: 963-76-94; факс (095) 200-22-00.

Для Вас — фантастическая реклама в журнале фантастики!

Подписной индекс «Сверхновой» — 73447 в каталоге «Роспечати».

* * *

НИЦ «Ладомир» при содействии ТОО ВРС 103617, Москва, К-617, корп. 1435.

Рег. № 012254 от 20 декабря 1993 г. Подписано в печать 10.10.94. Формат 60х84/16. Бумага типогр. № 2. Печать офсетная. Печ. л. 14. Тираж 10 000 экз. Заказ № 205. С-7.

Отпечатано с оригинал-макета на полиграфической фирме «Красный Пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Научно-издательский центр «Ладомир»

— одно из ведущих независимых российских издательств, специализирующееся на выпуске высококачественной издательско-полиграфической продукции, в том числе научных исследований по всем областям гуманитарных знаний, детской литературы, беллетристики, справочников, энциклопедий, русскоязычной версии американского журнала фантастики «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», календарей, рекламных проспектов.

С предложениями о сотрудничестве обращаться по адресу:
103617, Москва, К-617, корп. 1435,
НИЦ «Ладомир». Факс 530-47-42.